

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

ISSN 2072-0297

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

14 2026
ЧАСТЬ IV

16+

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 14 (617) / 2026

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Жураев Хусниддин Олтинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Рахмонов Азизхон Боситхонович, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, доктор педагогических наук, и.о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен *Николай Николаевич Зинин* (1812–1880), русский химик-органик.

Родился Николай Николаевич в г. Пензе, о чем сам написал в автобиографии, хотя некоторые источники указывают местом рождения Шушу (Карабахское ханство, с 1805 года бывшее фактически под контролем России), где он действительно он жил в младенчестве, поскольку его отец, Николай Иванович Зинин, находился там с дипломатической миссией. Во время свирепствовавшей на Кавказе первой пандемии холеры родители Зинина погибли, и мальчик был отправлен к дяде в Саратов, где в 1820 году поступил в мужскую гимназию. По ее окончании он стал казеннокоштным студентом на математическом отделении философского (позднее — физико-математического) факультета Казанского университета. В студенческие годы Зинин был увлечен математикой и астрономией, которые изучал под руководством Николая Лобачевского. После окончания университетского курса со степенью кандидата и золотой медалью за сочинение «О пертурбациях эллиптического движения планет» в 1833 году он получил предложение продолжить учебу в Профессорском институте в Дерпте, но отказался. Он остался в Казани, где стал преподавать аналитическую механику, гидростатику и гидродинамику.

Николай Николаевич Зинин считал себя в первую очередь математиком и не интересовался химией. Однако по предложению профессора Лобачевского Зинин стал читать курс теоретической химии.

В 1836 году он получил степень магистра физико-математических наук, защитив диссертацию «О явлениях химического сродства и о превосходстве теории Берцелиуса о постоянных химических пропорциях перед химическою статикою Бертолле». А затем по ходатайству попечителя университета Михаила Николаевича Мусина-Пушкина Зинин был направлен для совершенствования образования на три года за границу. Большое влияние на выбор направления его исследований оказал знаменитый немецкий химик Юстус фон Либих, в лаборатории которого ученый проработал около года.

В 1839 году Зинин опубликовал в журнале *Liebig's Annalen der Chemie* статью, в которой сообщал о найденном им способе превращения горько-миндального масла в бензоин. Вторая статья русского химика, опубликованная в том же издании, рассказывала о бензойных соединениях. Эти работы составили докторскую диссертацию Зинина, которую он защитил после возвращения в Россию в 1841 году. Название диссертации было сформулировано так: «О соединениях бензоила и об открытых новых телах, относящихся к бензoiловому ряду».

После Николай Николаевич вернулся в Казань, где в течение следующих семи лет возглавлял кафедру химической технологии Казанского университета. Зинин основал знаменитую казанскую школу химиков, ставшую одним из основных центров химических исследований в России в XIX веке.

В 1848 году Николай Николаевич, получив приглашение занять должность профессора химии в Санкт-Петербургской медико-хирургической академии, переехал в Петербург; впоследствии он был избран академиком Петербургской академии наук.

Основным направлением работы ученого стали исследования в области органической химии. Он разработал методы получения бензоина из бензальдегида, а также бензила из бензоина. Тогда же ученый впервые синтезировал бензиловую (дифенилгликолевую) кислоту, описал ее свойства и установил состав. В 1842 году Зинин открыл реакцию восстановления ароматических нитросоединений («реакция Зинина»), послужившую основой новой отрасли химической промышленности — анилокрасочной.

Совместная работа ученого с молодым инженером-артиллеристом Василием Петрушевским привела к решению проблемы получения и использования сильнее взрывчатого вещества — нитроглицерина. Ученые трудились над созданием взрывчатой композиции, безопасной при транспортировке. В итоге был найден хороший вариант — пропитка нитроглицерином карбоната магния. Об этом Зинин рассказывал своему соседу по даче Альфреду Нобелю, сыну Эммануила Нобеля — владельца завода по производству мин. Идея пригодилась Альфреду Нобелю спустя несколько лет. Во время транспортировки нитроглицерина одна из бутылей разбилась, и жидкость пропитала инфузорную землю, насыпанную между бутылками. Нобель, вероятно, вспомнивший рассказы Зинина о том, что нитроглицерином следует пропитывать порошкообразные вещества, быстро оценил свойства образовавшейся композиции, названной впоследствии динамитом и принесшей ему громадные прибыли. Узнав всё это, Зинин заметил: «Этот Альфред Нобель выхватил у нас динамит из-под носа».

Николай Николаевич был почетным членом многих русских и иностранных научных обществ, академий и университетов.

Вместе с Александром Воскресенским Зинин фактически основал школу русских химиков — его учениками были Александр Бутлеров, Николай Бекетов, Александр Бородин.

В 1868 году вместе с Дмитрием Менделеевым, Николаем Меншуткиным и другими учеными Зинин выступил организатором Русского химического общества, а затем в течение десяти лет являлся его президентом.

Николай Зинин умер 6 февраля 1880 года в Санкт-Петербурге и был похоронен на Смоленском кладбище. После смерти ученого Русское химическое общество учредило премию имени Николая Николаевича Зинина и Александра Абрамовича Воскресенского за лучшие работы в области химии.

*Информацию собрала ответственный редактор
Екатерина Осянина*

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Образцов А. О.

Проблемы внесудебной формы
урегулирования правовых споров
трудовых правоотношений 207

Павлова А. С., Трапезникова Д. С.

Проблемы принятия мировым судьей
заявления частного обвинения 210

Пашнов Д. С., Касымов Д. И.

Влияние поправок, внесенных
в Конституцию в 2020 году, на правовое
положение несовершеннолетних 212

Подкопаева А. А.

Соглашение в системе осуществления
семейных прав и/или исполнения
семейных обязанностей 214

Рахимкулов А. Р.

Проблемы квалификации налоговых
преступлений, связанные с бланкетностью
диспозиций составов (статьи 198 и 199
УК РФ) 217

Рыжко В. В.

Трансформация правового регулирования
дистанционной торговли в условиях
цифровизации 219

Ситникова М. С., Зоточев К. К.

Трансформация государственного механизма
в условиях перманентной террористической
угрозы 222

Суднева А. С.

Защита традиционных духовно-
нравственных ценностей в Российской
Федерации и Республике Беларусь:
сравнительно-правовой анализ 225

Сухенко В. В.

Договор купли-продажи недвижимости:
проблемы теории и практики 227

Такидзе Д. Д.

Проблема соотношения реституции
и кондикции в системе последствий
недействительности сделки 229

Темирова Д. А.

Понятие, сущность и детерминизм
преступности 232

Тулубенский Е. К.

Становление института банкротства
граждан 233

Узденов А. А.

Получение взятки в цифровой валюте:
тенденции и проблемы судебной практики 235

Филимонова У. В.

Криминалистика как наука о следах:
закономерности развития, проблемы
и перспективы 239

Хаджиев З. М.

Ограничение прав должника: проблема
границы правового принуждения
в исполнительном производстве 241

Хаматьярова А. А.

Процессуальная дихотомия потерпевшего
и частного обвинителя: проблемы
реализации статусов в условиях
цифровизации и гуманизации уголовного
судопроизводства 243

Хугаева Д. Ц.

Доктринальные подходы к пониманию
корпоративных отношений в России, США
и КНР: сравнительный анализ 246

Цаплин К. О.

Банкротство физических лиц: проблемы
теории и практики 247

Чувакова И. Н.

Подходы к определению структуры
и содержания договоров, используемых
в рекламной деятельности 249

Шавырин И. Б.

Особенности правоприменительной
и судебной практики по вопросам
прохождения государственной службы
в органах Федеральной службы судебных
приставов (на примере Управления
Федеральной службы судебных приставов
России по Калужской области) 255

Шахмеев Э. Э.

Процессуальные особенности рассмотрения
дел о защите прав потребителей в суде:
распределение бремени доказывания
и возмещение морального вреда 258

Шепелин А. А.

Комплексный подход кредитных
организаций к реализации
рискориентированного мониторинга
в рамках противодействия легализации
(отмыванию) доходов, полученных
преступным путем, в условиях «обеления»
экономики России..... 261

Щербакова Д. Д.

Принудительные меры медицинского
характера: понятие, цели и основания
применения..... 264

Щербина Е. А.

Цифровые следы: часть персональных
данных или новый объект правового
регулирования? 270

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Проблемы внесудебной формы урегулирования правовых споров трудовых правоотношений

Образцов Антон Олегович, студент магистратуры

Научный руководитель: Силина Елена Владимировна, доктор юридических наук, доцент, профессор
Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Санкт-Петербург)

Статья посвящена исследованию внесудебных способов защиты прав, свобод и законных интересов работника и работодателя как субъектов спорного трудового правоотношения. Так поднимаются проблемы, в том числе, в законодательном регулировании внесудебных форм защиты в сфере трудового права, существенно снижающие их эффективность. Отдельно, автор уделяет внимание рассмотрению предложений по устранению данных проблем и по совершенствованию института защиты трудовых прав в РФ.

Ключевые слова: работник, работодатель, разрешение трудовых споров, внесудебные формы защиты, самозащита, медиация.

Problems of the extrajudicial form of settling legal disputes in labor relations

Obraztsov Anton Olegovich, master's student

Scientific advisor: Silina Yelena Vladimirovna, doctor of law, associate professor, professor
North-West Branch of the Russian State University of Justice after V. M. Lebedev (St. Petersburg)

The article is devoted to the study of non-judicial methods of protecting the rights, freedoms, and legitimate interests of an employee and an employer as subjects of a disputed labor relationship. The article raises issues, including those in the legislative regulation of non-judicial forms of protection in the field of labor law, which significantly reduce their effectiveness. The author also discusses proposals for addressing these issues and improving the institution of labor rights protection in the Russian Federation.

Keywords: employee, employer, resolution of labor disputes, non-judicial forms of protection, self-defense, and mediation.

Во исполнении конституционных принципов, закрепленных в ст. 37 и 46 Конституции Российской Федерации (далее Конституции РФ) [11] и гарантирующих каждому защиту трудовых его прав, Трудовой Кодекс Российской Федерации (далее ТК РФ) [12] в ст. 352, предусмотрел основные способы защиты трудовых прав и свобод, в том числе внесудебные. Так, работник, полагавший, что со стороны работодателя допущены нарушения его трудовых прав, имеет полное право воспользоваться всеми предусмотренными формами внесудебного урегулирования трудовых споров. А именно предложить работодателю переговоры, в случае недостижения соглашения обратиться в комиссию по трудовым спорам, воспользоваться защитой профессионального союза, уполномоченных государственных органов, а случаях, предусмотренных ТК РФ, воспользоваться, что впервые прямо предусмотрено в вышеупомянутой статье 352 ТК РФ, правом на самозащиту.

В литературе самозащита определена, как совокупность фактических действий для защиты прав и законных интересов до, и в процессе посягательств на них [1]. Но, в законодательстве РФ данного определения нет, при этом, из норм ТК РФ следует, что правом на самозащиту обладает только состоящий в трудовых отношениях работник, как наиболее слабая сторона в отношениях с работодателем. Однако здесь не следует говорить о самозащите как абсолютном способе разрешения трудовых конфликтов, поскольку ТК РФ предоставляет работнику в качестве варианта использования самозащиты только отказ (приостановление) от выполнения трудовых обязанностей.

27 июля 2010 г. вступил в силу Федеральный закон «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» № 193-ФЗ [13], но при наличии неоспоримых плюсов, таких как конфиденциальность, добровольность, возможность прийти к обоюдному решению в короткий срок, к процедуре ме-

диации по трудовым спорам, обращаются редко. Как отмечает И. А. Филипова, «медиация как процедура урегулирования спора проходит этап становления в российской практике» [2].

Вместе с тем, при широком спектре форм внесудебного урегулирования трудового спора их применение сталкивается со следующим рядом проблем:

1. Недостаточная юридическая грамотность работников и работодателей относительно своих прав и обязанностей, недопонимание процедуры урегулирования спора вне суда, сомнения (по причине отсутствия силы судебного решения) в эффективности добровольных внесудебных соглашений, опасения в недобросовестности второй стороны, а также, в том, что добровольное решение будет признано судом справедливым и законным.

2. Сложности в реализации внесудебных решений, отсутствие механизмов их принудительного исполнения, при уклонении сторон от их исполнения, что требует обращения в суд для принуждения к исполнению, в связи с чем, экономия времени и ресурсов сводится к нулю.

3. Комиссии по трудовым спорам обладают ограниченными полномочиями, часто сталкиваются с недостатком ресурсов для эффективного рассмотрения дел. Нередко примирительные комиссии создаются формально, без реального намерения достигнуть соглашения, а работодатели, не желая идти навстречу, используют этот механизм, чтобы затянуть решение вопроса.

4. Трудовая инспекция также имеет ограниченные права, особенно в части принудительного исполнения решений. Так направленное работодателю предписание, может быть обжаловано в суд в течение десяти дней (ч. 2 ст. 357 ТК РФ), либо просто игнорируется, а принимая во внимание отсутствие достаточных мер принуждения, эффективность восстановления нарушенных трудовых прав работника значительно снижается.

5. Наличие в законодательстве требования о предупреждении работодателя со стороны трудовой инспекции о проводимой проверке, обязанности согласовывать данную процедуру с иными государственными органами, обязательное наличие жалоб со стороны работников и др., также не в лучшую сторону сказывается на результативности проводимых проверок.

6. Рассредоточенность случаев применения самозащиты по разным частям ТК РФ вызывает трудности в их применении. Так, ст. 379 ТК РФ предоставляет работнику право отказаться от выполнения работы в случаях, предусмотренных ТК РФ или иными федеральными законами (ч. 2), при этом одних статьях закон прямо устанавливает отказ от работы, например в ст. 216 ТК РФ главы «Права и обязанности работодателя и работника в области охраны труда», в других — такой отказ как средство пресечения нарушения трудовых прав вытекает из закона, например в ст. 221 ТК РФ главы «Управление охраной труда», в-третьих, отказ допускается при действиях или распоряжениях работодателя, запрещенных законом, что следует из ст. 60 ТК РФ главы «Общие положения», статья

же 142 ТК РФ, предусматривающая ответственность работодателя за нарушение сроков выплаты заработной платы размещена в главе «Оплата и нормирование труда».

7. Возникновение спорных ситуаций в связи с несогласием работодателя с прекращением работы по причине полной или частичной невыплаты заработной платы, несогласия принять уведомление работника об отказе (приостановления) от работы, способствуют переходу спора из неюрисдикционной формы защиты трудовых прав в юрисдикционную [4].

8. Запрет медиации в коллективных трудовых спорах, поскольку потенциал медиации в данных конфликтах, в том числе финансовый, гораздо выше, чем в индивидуальных, а использование функционала медиатора позволяет эффективно содействовать сторонам спора в согласовании позиций.

9. Некоторые авторы полагают процедуру медиации в трудовых конфликтах считать обязательной [5], однако, в силу добровольности, медиация принудительно осуществляться не может. Вместе с тем, принимая во внимание ст. 452 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее ГК РФ) [14], а также Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О некоторых вопросах досудебного урегулирования споров, рассматриваемых в порядке гражданского и арбитражного судопроизводства» от 22 июня 2021 г. № 18 [15], остается открытым вопрос о соблюдении досудебного урегулирования спора о признании гражданско-правового договора трудовым.

10. Важной проблемой остается и ограничения организационного характера, а именно отсутствие пула квалифицированных медиаторов.

При разрешении вышеуказанных проблем внесудебных форм урегулирования трудовых споров не следует забывать и мировую практику, которая показывает, что в мире существует несколько вариантов правовой конструкции по внесудебному урегулированию трудовых споров, в разных странах используются различные модели. Так, в частности, в одних случаях медиаторами могут быть представители государственных органов или лица, назначенные государственными структурами, и медиация здесь нередко является обязательным элементом при возникшем споре (Франция), в других странах медиаторы приглашаются по соглашению спорящих сторон, и процедура не является обязательной (США, Великобритания). В целом же мировая практика идет по пути формирования трудовой юстиции, деятельность которой направлена на достижение внесудебного компромисса.

Из вышесказанного, предлагается принять следующие меры:

1. Повышение уровня правовой грамотности, проведение информационно-просветительской работы среди работников и работодателей, разъясняя порядок действий при внесудебном урегулировании и его плюсы.

2. Укрепление роли примирительных комиссий, путем повышения их статуса, предусмотрев обязательное уча-

стие представителей обеих сторон и введение ответственности за отказ от участия в работе комиссии.

3. Расширение полномочий трудовой инспекции, наделив правом выдавать обязательные предписания и применять к нарушителям значимые санкции, а в случае их обжалования, предоставить работнику право приостановить работу с оплатой как за простой по вине работодателя.

4. При наличии жалоб (особенно коллективных) со стороны работников, установить прямой запрет об уведомлении работодателя о проводимой трудовой инспекцией проверки условий и охраны труда на рабочем месте, а также, обязанность согласовывать проверку с государственными органами.

5. На законодательном уровне предусмотреть закрепление гарантий исполнения добровольно заключенных соглашений, и меры ответственности сторон (штрафы, неустойки) за их неисполнение.

6. Развивать институт профессиональных посредников, путем создания специализированных центров по разрешению трудовых споров (в том числе трудовой медиации), оснащенных необходимыми ресурсами.

7. Совершенствование нормативного правового регулирования, установление минимальных стандартов качества внесудебных процедур, включая расширение полномочий судов по признанию данных соглашений.

8. В условиях все большего распространения первичных профсоюзных организаций, создаваемых без привязки к конкретному работодателю [9], следует обсудить необходимость закрепления критериев социально-партнерских отношений между профсоюзной организацией и работодателем.

9. В ст. 379 ТК РФ закрепить конкретные случаи отказа от выполнения работы, добавив отказ: при непредоставлении положенных дней отпуска в течении 2-лет; при поручении работы противопоказанной по состоянию здоровья; при выполнении общественного поручения, не влекущего применения мер дисциплинарного взыскания [10].

10. Установление четких правил уведомления работодателя (в том числе по почте), ограничения срока отказа от работы либо ее приостановления (15 дней), по истечении которого трудовой конфликт подлежит передаче в суд.

11. Разъяснить, в какой степени невыплата заработной платы (полная, частичная) дает право работнику на самозащиту, необходимость досудебного порядка при признании гражданско-правового договора трудовым (ст. 57 ТК РФ).

12. Применить к коллективным трудовым спорам процедуру медиации, с учетом особенностей, установленных нормами ТК РФ, изложив ч. 1 ст. 401 ТК РФ в редакции: «...рассмотрение коллективного трудового спора с участием посредника (медиатора) и (или) в трудовом арбитраже», а в ч. 5 ст. 403 ТК РФ предусмотреть месячный срок для ее проведения.

Таким образом, хотя внесудебные методы урегулирования трудовых споров обладают рядом преимуществ, таких как быстрота и экономичность, они сталкиваются с серьезными проблемами, препятствующими эффективному применению. Для их преодоления необходимы дополнительные усилия государства и общества по повышению квалификации лиц, вовлеченных в разрешение трудовых споров, созданию специализированной инфраструктуры и совершенствованию законодательной базы.

Литература:

1. Витрук Н. В. Общая теория правового положения личности. — URL: <https://www.litres.ru/book/nikolay-vitruk-33184777/obschaya-teoriya-pravovogo-polozheniya-lichnosti-72453571/> (дата обращения: 27.01.2026 г.).
2. Филипова И. А. Медиация в трудовых спорах: опыт США, Германии и Франции и возможности его использования при реформировании российского законодательства // Адвокат. 2015. № 7. — С. 34–38.
3. Куренной А. М. Должны ли и могут ли профсоюзы защищать «чужих» работников? // Трудовое право в России и за рубежом. 2022. № 3. — С. 26–31.
4. Шишулина Т. П. Правовой механизм самозащиты работниками трудовых прав: проблемы правоприменения // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29. № 3. — С. 275–278.
5. Степанова Л. П. Роль медиации в трудовом праве // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. Т. 14. 2015. № 2. — С. 112–115.
6. Филиппова И. А. Медиация в трудовых спорах: опыт США, Германии и Франции и возможности его использования при реформировании российского законодательства // Журнал российского права. 2022. № 6 — С. 37.
7. Забрамная Е. Ю., Шмелева Н. С. Обзор систем разрешения трудовых споров, применяемых в развитых странах // Трудовой арбитражный суд для разрешения коллективных трудовых споров: — URL: <http://www.trudsud.ru/ru/docs/publications/4/> (дата обращения: 27.01.2026 г.).
8. Юхансен Т. Права соотечественников Северной Европы и Балтийского моря // Юридический журнал. № 21. 2023. — С. 3–7.
9. Саурин С. А. Перспективы дальнейшего совершенствования правового регулирования предоставления персонала // Закон. 2022. № 10. — С. 96–102.
10. Ковалева Е. А. Защита и охрана трудовых прав работников // Трудовое право в России и за рубежом. 2023. № 1. — С. 44–47.

11. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. [с учетом поправок] // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru). 6 октября 2022 г. № 001202210060013 (дата обращения: 03.02.2026 г.).
12. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ // СЗ РФ. 7 января 2002 г. № 1 (часть I). Ст. 3 (ред. от 17.11.2025 г.).
13. Федеральный закон от 27.07.2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» // Российская газета. 30.07.2010. № 168 (ред. от 26.07.2019 г.).
14. Гражданский кодекс Российской Федерации от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ (часть вторая) // СЗ РФ. 29 января 1996 г. № 5. Ст. 410 (ред. от 31.07.2025 г.).
15. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 июня 2021 г. № 18 «О некоторых вопросах досудебного урегулирования споров, рассматриваемых в порядке гражданского и арбитражного судопроизводства. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400837489/?ysclid=mkxnnrgmk8699248659> (дата обращения: 27.01.2026 г.).

Проблемы принятия мировым судьей заявления частного обвинения

Павлова Александра Сергеевна, студент;

Трапезникова Дарья Сергеевна, студент

Научный руководитель: Барыгина Александра Анатольевна, кандидат юридических наук, доцент
Уральский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Челябинск)

В центре внимания находятся системные проблемы, возникающие на этапе принятия заявления судьей по делам частного обвинения, которые затрудняют доступ граждан к правосудию и порождают противоречивую практику. На основе анализа правоприменительной практики и изменений в законодательстве рассматриваются ключевые проблемные аспекты.

Ключевые слова: частное обвинение, мировой судья, районный суд, уголовное судопроизводство, подсудность

Институт частного обвинения в российском уголовном процессе занимает особое место, выступая одной из форм реализации диспозитивных начал. Возбуждение уголовного дела о преступлениях, предусмотренных статьями 115 и 116.1 УК РФ, поставлено законодателем в зависимость от волеизъявления потерпевшего. Именно судья районного суда (ст. 116.1 УК РФ) или мировой судья (ст. 115 УК РФ) выступают тем субъектом, который принимает итоговое решение о возможности возбуждения производства по делу частного обвинения или об отказе в этом.

Однако анализ правоприменительной практики свидетельствует о наличии ряда системных проблем, возникающих уже на первом этапе — при принятии заявления частного обвинения. Данные проблемы не только затрудняют доступ граждан к правосудию, но и порождают противоречивую судебную практику.

Наиболее острая проблема, доминировавшая в судебной практике вплоть до конца 2025 года, была связана с неопределённостью правил подсудности в отношении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 116.1 УК РФ (нанесение побоев лицом, подвергнутым административному наказанию) [2].

Федеральным законом от 27.12.2018 № 509-ФЗ указанные дела были переданы из подсудности мировых судей в подсудность районных судов. Однако корреспондирующие изменения в главу 41 УПК РФ, регламентиру-

ющую особенности производства у мирового судьи, внесены не были. Как справедливо отмечает Е. В. Ежова, это привело к ситуации, при которой «норма, регулирующая производство по делам частного обвинения, не содержала прямого упоминания районных судов, что на практике приводило к отказам в принятии таких дел к производству» [4].

Однако Конституционный Суд РФ в Постановлении от 28.03.2024 № 13-П указал, что по-своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования части вторая и четвертая статьи 20, части первая и вторая статьи 31, часть четвертая статьи 147, части первая и третья статьи 318 не предполагают отказа районного суда в принятии к своему производству по заявлению потерпевшего (его законного представителя) уголовного дела частного обвинения о привлечении обвиняемого лица к уголовной ответственности в соответствии с частью первой статьи 116.1 УК Российской Федерации на том основании, что установленные главой 41 УПК Российской Федерации правила определяют порядок производства по уголовным делам частного обвинения, подсудным мировому судье. Суд подчеркнул, что иное означало бы отказ в праве на судебную защиту [5].

Во исполнение данного постановления был разработан и принят Федеральный закон № 535-ФЗ. Закон унифицировал процедуру: из главы 41 УПК РФ было исключено упоминание конкретно «мирового судьи» — теперь нормы

распространяются на «суд» соответствующего уровня [3]. Как отмечает председатель Комитета СФ по конституционному законодательству А. Клишас, это обеспечило должное единообразие судебной практики [7].

До недавнего времени распространенной была ситуация, когда потерпевший первоначально обращался в органы дознания, получал постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, а затем подавал заявление судьбе в порядке частного обвинения. Возникал вопрос: является ли наличие неотмененного постановления дознавателя препятствием для принятия заявления судом?

В Обзоре судебной практики Верховного Суда РФ № 4 (2025) прямо указано: «Наличие неотмененного постановления дознавателя об отказе в возбуждении уголовного дела по заявлению потерпевшего о преступлении, относящемся к делам частного обвинения, не препятствует мировому судье рассмотреть такое заявление, поданное в порядке статьи 318 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [6].

Таким образом, решение органа дознания не обладает для судьи преюдициальной силой и не может служить основанием для отказа в принятии заявления.

Также одной из проблем является практика применения норм, которая демонстрирует распространенность случаев, когда судьи, вместо предоставления заявителю возможности исправить недостатки, сразу отказывали в принятии заявления по мотиву отсутствия, например, отметки о предупреждении об ответственности за заведомо ложный донос либо по причине неконкретного описания события преступления.

Показательным примером является апелляционное постановление Любинского районного суда Омской области от 2 февраля 2025 года по делу № 10–2/2025 [9]. Из материалов дела следовало, что частный обвинитель обратилась к мировому судье с заявлением о привлечении лица к уголовной ответственности по ч. 1 ст. 115 УК РФ. Мировой судья вынес постановление об отказе в принятии заявления. Суд апелляционной инстанции, отменяя данное постановление, указал на существенное нарушение уголовно-процессуального закона.

Анализ поданного заявления показал, что в нем отсутствовали сведения о предупреждении заявителя об уголовной ответственности за заведомо ложный донос. Однако, как подчеркнул суд апелляционной инстанции, данное обстоятельство в соответствии с ч. 1 ст. 319 УПК РФ является основанием для вынесения постановления о возвращении заявления для приведения его в соответствие с требованиями закона с установлением для этого срока, а не для отказа в принятии заявления. Суд апелляционной инстанции особо отметил, что ссылка мирового судьи на ст. 319 УПК РФ при отказе в принятии заявления несостоятельна, поскольку положения указанной нормы содержат исчерпывающий перечень оснований для отказа, которые в поданном заявлении отсутствовали.

Данное судебное решение иллюстрирует распространенную ошибку правоприменения: смешение таких про-

цессуальных институтов, как возвращение заявления для устранения недостатков (которое носит восстановительный характер и направлено на реализацию права на доступ к правосудию) и отказ в принятии заявления (который является окончательным решением).

Существует также проблема отсутствия единообразия в реализации судьями полномочий, предусмотренных ч. 2 ст. 319 УПК РФ. Можно выделить два основных подхода.

Пассивный подход: ряд судей исходит из буквального толкования принципа состязательности, полагая, что бремя доказывания полностью лежит на сторонах. В рамках этого подхода ходатайства об истребовании доказательств удовлетворяются лишь в исключительных случаях, а судья ограничивается разъяснением сторонам их права самостоятельно собирать и представлять доказательства.

Активный подход: другие судьи, напротив, рассматривают ч. 2 ст. 319 УПК РФ как основание для активных действий по истребованию доказательств, особенно когда речь идет о документах, находящихся в распоряжении государственных органов или медицинских учреждений.

Особую сложность представляет вопрос о том, вправе ли судья проявлять инициативу при отсутствии ходатайства стороны. Буквальное толкование ч. 2 ст. 319 УПК РФ («по ходатайству сторон») указывает на то, что инициатива должна исходить от участников процесса. Однако на практике заявители, не обладающие юридическими познаниями, часто не знают о своем праве заявить такое ходатайство либо не могут его надлежащим образом оформить.

В этой связи представляется обоснованным подход, при котором судья, выявив в ходе подготовки к судебному заседанию необходимость истребования дополнительных доказательств, разъясняет сторонам их право на заявление соответствующего ходатайства. Такой подход согласуется с обязанностью судьи разъяснять лицам, участвующим в деле, их права, что прямо предусмотрено ч. 6 ст. 318 УПК РФ, а также с позицией Конституционного суда РФ, что «именно на суд возлагаются обязанности по обеспечению необходимых условий для исполнения сторонами их процессуальных обязанностей и осуществления предоставленных им прав».

Итак, можно сделать вывод о том, что несмотря на позитивные изменения последних лет, институт частного обвинения сохраняет ряд проблем на стадии принятия заявления судом к производству. Анализ судебной практики свидетельствует о сохраняющихся проблемах формального подхода к оценке заявлений, смешении институтов возвращения и отказа в принятии, а также о не единообразии в реализации судьями полномочий по содействию сторонам в собирании доказательств. Дальнейшее совершенствование правоприменительной практики должно быть направлено на обеспечение баланса между соблюдением процессуальной формы и реальной доступностью правосудия по делам частного обвинения.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г.). Российская газета, 25 декабря 1993 г. Любое издание с 4 октября 2022 г. // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020.
2. Уголовно — процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ // СЗ РФ. — 2001. — № 52. — Ст. 4921.
3. Федеральный закон от 29.12.2025 № 535-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»
4. Ежова Е. В. Некоторые проблемы рассмотрения уголовных дел частного обвинения // Вестник Института права Башкирского государственного университета. 2025. Т. 8. № 4(28). С. 187–195.
5. Постановление Конституционного Суда РФ от 28.03.2024 N 13-П «По делу о проверке конституционности частей второй и четвертой статьи 20, частей первой и второй статьи 31, части четвертой статьи 147, частей первой и третьей статьи 318 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Г. И. Баскаковой»
6. «Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (2025)» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации: официальное издание. — 2025.- № 4.
7. Уточнены особенности производства по уголовным делам частного обвинения: официальная информация Совета Федерации Федерального Собрания РФ. URL: <http://region.council.gov.ru> (дата обращения: 10.03.2026) Любинского районного суда Омской области от 2 февраля 2025 года по делу № 10–2/2025// СПС «КонсультантПлюс».

Влияние поправок, внесенных в Конституцию в 2020 году, на правовое положение несовершеннолетних

Пашнов Дмитрий Сергеевич, студент;

Касымов Даниил Ильдарович, студент

Уральский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Челябинск)

Конституция Российской Федерации, обладая высшей юридической силой и прямым действием, задает основополагающие направления развития всего национального законодательства. Принятие поправок к Основному Закону в 2020 году, закрепивших ряд новых фундаментальных принципов и ценностей, обусловило масштабную потребность в переосмыслении и переработки отраслевых нормативных массивов. Особую значимость этот процесс приобретает в сфере трудового права, которое непосредственно регулирует одну из важнейших сфер жизнедеятельности общества и затрагивает ключевые социальные права человека и гражданина.

В контексте обновленной конституционной действительности, введённой Законом РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 N 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» акцентирующей приоритет семьи, детства и социальной защищенности устанавливаемые новобразуемыми статьями 67.1, 75.1 Конституции РФ. Особого внимания требует правовое положение несовершеннолетних работников. Данная категория граждан, в силу психофизиологических особенностей, нуждается в установлении специальных, повышенных гарантий охраны их прав, здоровья и развития. Традиционно обеспечиваемые Трудовым кодексом РФ

меры защиты труда несовершеннолетних в настоящее время требуют новой оценки на предмет их соответствия конституционным нормам-принципам о достойной жизни, социальном партнерстве и обязанности государства создавать условия для гармоничного развития ребенка.

Особую основополагающую роль в охране прав несовершеннолетних работников играет появившееся после поправки Конституции 2020 года статья 67.1 имеющее концептуальное значение и прямо устанавливающее защиту прав и интересов, а также создание условий, способствующих всестороннему, духовному, нравственному, интеллектуальному и физическому развитию детей как важнейший приоритет государственной политики Российской Федерации. Введение данной нормы способствовало обширному изменению норм Трудового кодекса, а именно введение в трудовой кодекс Федеральным законом от 13.06.2023 N 259-ФЗ «О внесении изменений в статью 63 Трудового кодекса Российской Федерации» абз. 4 ст. 63 устанавливающее обязательное согласие органов опеки и попечительства для трудоустройства лиц, достигших возраста 14 лет, но не достигших 18 лет, которое теперь рассматривается не как формальность, а как реализация конституционной функции государства, влекущее целый ряд правовых последствий:

Во-первых, легитимация особого правового статуса малолетнего работника выражающийся в установлении особого института законного представительства, при которой данная норма трансформирует классическую двустороннюю модель трудового договора (работник-работодатель) в трехстороннюю, где третьей стороной выступает родитель или опекун, действующий исключительно в интересах ребенка. Его подпись является не просто формальностью, а актом легитимации договора, без которого он не имеет юридической силы, что вследствие этого привело к возникновению нового основания для признания трудового договора, заключенного с нарушением требований абзаца 4 ст. 63 ТК РФ (например, подписанный ненадлежащим лицом или без учета условий разрешения опеки), судом недействительным (ничтожным).

Во-вторых, установления для органов государственной власти (органов опеки и попечительства) функции конкретизации и индивидуализации условий труда, которая выражается в указании на то, что в разрешении органа опеки прописываются конкретные параметры работы, имеющие фундаментальное значение для правоприменения. В рамках данной функции орган опеки и попечительства не выдает типовое разрешение. Он изучает личность ребенка, его состояние здоровья, характер предполагаемой деятельности и на основе этой оценки устанавливает персонифицированные условия труда, которые становятся неотъемлемой частью трудового договора и являются обязательными для исполнения работодателем под угрозой административной и иной ответственности.

Таким образом, значение абзаца 4 статьи 63 ТК РФ для трудового права чрезвычайно велико. Это не просто процедурная норма, а системообразующий элемент особого охранительного правового режима. Она материализует конституционные принципы, создавая сбалансированный и максимально защищенный механизм вовлечения малолетних граждан в трудовую деятельность. Норма обеспечивает баланс между правом ребенка на развитие своих способностей через творческий и иной труд и его правом на охрану здоровья, детство и защиту от эксплуатации, выступая краеугольным камнем в конструкции специального субъекта трудового права.

Однако новые реформы норм трудового права, не лишены проблемы создания неоднозначных правовых положений. Примером, таких норм является изменение в статье 268 ТК «Запрещение направления в служебные командировки, привлечения к сверхурочной работе, работе в ночное время, в выходные и нерабочие праздничные дни работников в возрасте до восемнадцати лет» устанавливаемое федеральным закон от 07.04.2025 N 63-ФЗ «О внесении изменения в статью 268 Трудового кодекса Российской Федерации» в соответствии с которой работодатель имеет право привлекать работника в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет к работе в выходные и нерабочие праздничные дни, выполняемой в период летних каникул по направлению органов службы занятости насе-

ления или в составе студенческих отрядов, включенных в федеральный или региональный реестр молодежных и детских объединений, пользующихся государственной поддержкой, в следующих случаях:

1) в случае, если работник достиг возраста пятнадцати лет, с письменного согласия работника;

2) в случае, если работник не достиг возраста пятнадцати лет, с письменного согласия работника и одного из его родителей (попечителя);

В данной норме сосредоточено ряд нарушений принципа, устанавливаемого конституцией в том числе статьёй 67.1 конституции.

Во-первых, нарушение принципа «создания условий» для развития детей. Суть конституционной нормы — не в пассивном невмешательстве, а в активной роли государства по формированию благоприятной среды для развития ребенка. Выходные дни выступают в качестве важнейшего института развития и представляют собой законодательно зарезервированное, структурное время, предназначенное для:

— семейного общения: воспитания в духе семейных ценностей, что прямо способствует нравственному и духовному развитию.

— занятий спортом и физкультурой: посещения секций, соревнований, активного отдыха на природе, что обеспечивает физическое развитие.

— интеллектуального и творческого досуга: посещения музеев, библиотек, театров, кружков, чтения, что формирует интеллектуальное и духовное развитие.

Подрыв основы и привлечение к труду в это время означает, что государство не «создает условия», а, наоборот, правовыми средствами уничтожает основное временное пространство, отведенное для этого развития. Работа в этот день подменяет развитие ребенка выполнением производственных функций.

Во-вторых, противоречие цели «всестороннего» развития. Конституция требует обеспечения не просто развития, а всестороннего (комплексного) развития. Это предполагает гармоничное сочетание всех его аспектов:

— Физический аспект: научно доказано, что растущий организм нуждается в пролонгированном, непрерывном отдыхе для восстановления, профилактики переутомления и стресса. Работа в выходной день нарушает этот цикл, повышая риски для здоровья, что прямо противоречит цели физического развития.

— Интеллектуальный аспект: Многие подростки совмещают работу с учебой. Выходной день — критически важное время для подготовки к занятиям, выполнения домашних заданий, самостоятельного обучения. Его изъятие для труда неминуемо нанесет ущерб интеллектуальному развитию и успеваемости.

— Духовный и нравственный аспект: это время для не регламентированного, свободного общения со сверстниками, формирующего социальные навыки, для посещения культурных мероприятий и для личного, рефлексивного времяпрепровождения. Замена этого на регламентиро-

ванный трудовой процесс обедняет духовный и нравственный мир подростка.

Проведенный анализ позволяет заключить, что конституционные поправки 2020 года, в частности введение статьи 67.1 Конституции РФ, закрепившей защиту детства как безусловный приоритет государственной политики, оказали фундаментальное влияние на развитие института трудовых прав несовершеннолетних. Обновление конституционной доктрины послужило импульсом для масштабной трансформации отраслевого законодательства, что наиболее ярко проявилось в реформировании Трудового кодекса Российской Федерации.

С одной стороны, законодатель сделал важный шаг в направлении материализации конституционных принципов, внедрив механизмы, обеспечивающие повышенную охрану труда малолетних работников. Включение в статью 63 ТК РФ требования об обязательном согласии органов опеки и попечительства с наделением их функцией индивидуализации условий труда вывело регулирование на качественно новый уровень. Данное нововведение легитимировало особый правовой статус несовершеннолетнего, трансформировав классическую двустороннюю модель трудового договора в трехстороннюю, что создало дополнительный барьер против формального подхода к трудоустройству детей и позволило рассматривать нарушение этой процедуры как основание для ничтожности договора.

С другой стороны, как показало исследование, процесс адаптации трудового законодательства к новым конституционным реалиям носит противоречивый характер. Принятая редакция статьи 268 ТК РФ, легализу-

ющая привлечение несовершеннолетних к работе в выходные и праздничные дни, вступает в объективное противоречие с императивными требованиями статьи 67.1 Конституции РФ. Вместо активного «создания условий» для всестороннего (духовного, нравственного, интеллектуального и физического) развития ребенка, данная норма подрывает институт выходного дня как критически важное временное пространство, предназначенное для семейного общения, досуга и восстановления растущего организма. Фактически, государство, провозгласив высшим приоритетом интересы детства, отдельными законодательными решениями допускает правовые средства, способные нивелировать достигнутый уровень охранительных гарантий.

Таким образом, в правовом положении несовершеннолетних работников в настоящее время сосуществуют разнонаправленные тенденции: усиление формально-юридических гарантий (через ужесточение процедур трудоустройства и расширение участия публичных органов) и одновременное ослабление содержательных гарантий (размывание запретов на труд в периоды, предназначенные для отдыха и развития). Выявленные коллизии свидетельствуют о необходимости дальнейшего совершенствования механизма реализации конституционных норм-принципов в трудовом праве. Приоритетом данного процесса должно стать преодоление фрагментарности правового регулирования и обеспечение неукоснительного соответствия всех отраслевых норм (включая исключения из общих правил) высшему конституционному приоритету — созданию условий для всестороннего гармоничного развития ребенка.

Соглашение в системе осуществления семейных прав и/или исполнения семейных обязанностей

Подкопаева Анастасия Андреевна, студент
Донецкий государственный университет

Государственная политика Российской Федерации направлена на всемерную поддержку семьи, за последние несколько лет в российское законодательство внесены изменения, которые устанавливают новый вектор правового регулирования семейных отношений.

В 2024 году в соответствии с ФЗ от 25.12.2023 № 624-ФЗ скорректированы правила получения материнского капитала, он выдаётся исключительно гражданам РФ, если ребёнок — тоже гражданин РФ по рождению. Исключение предусмотрено для жителей ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей, которые на момент рождения или усыновления ребёнка не имели гражданства РФ, но постоянно проживали на этих территориях. С начала 2024 года отцудиночки получили право направлять

средства маткапитала на формирование своей накопительной пенсии — ранее такая возможность была только у матерей.

Важное новшество — закрепление на федеральном уровне статуса многодетной семьи. Согласно Указу Президента РФ от 23.01.2024 N 63 «О мерах социальной поддержки многодетных семей», многодетной признаётся семья с тремя и более детьми. Кроме того, с 23 ноября 2024 года вступил в силу Федеральный закон № 405, запрещающий гражданам стран, где разрешена смена пола, усыновлять российских детей или быть их опекунами.

Немаловажным был 2025 год в семейном законодательстве с 25 мая действует реестр должников по алиментам, который работодатели обязаны проверять и при необхо-

димости удерживать алименты из зарплаты сотрудников. Кроме того, в 2025 году изменились правила сделок с недвижимостью: теперь для любых операций, требующих государственной регистрации (купля-продажа, дарение), необходимо нотариально удостоверенное согласие второго супруга. Также при разделе имущества и взыскании алиментов учитываются цифровые финансовые активы, включая криптовалюту.

Термин «соглашение» используется в СК РФ как признак, означающий единство волеизъявлений, взаимное согласие: «Брачным договором признается соглашение лиц, вступающих в брак, или соглашение супругов, определяющее имущественные права и обязанности супругов в браке и/или в случае его расторжения» (ст. 40 СК РФ). Во всех остальных случаях термин «соглашение» употребляется в СК РФ как взаимная договоренность — двусторонний правовой акт [1, с. 89]. В ст. 23 СК РФ говорится, что при расторжении брака в судебном порядке супруги могут представить в суд соглашение о детях, ст. 38 СК РФ называет соглашение о разделе общего имущества супругов, законодатель указывает и на соглашение об имени и/или фамилии ребенка (ст. 58 СК РФ), о месте жительства ребенка (п. 3 ст. 65 СК РФ), об уплате алиментов (гл. 16 СК РФ). В целом ряде других норм данный термин употребляется при дублировании наименования указанных выше соглашений (ст. 89–91, 99 СК РФ и т. д.) [2].

Поэтому, независимо от цели и предназначения указания в той или иной части СК РФ на соглашение, оно всегда означает форму выражения согласия, к которой субъекты семейных правоотношений пришли путем переговоров и обсуждений. Результатом такой договоренности явилось именно соглашение.

В ряде статей СК РФ законодатель использует термин «договор». Это определяет необходимость установления его сути, а также соотношения терминов «договор» и «соглашение» при регулировании отношений между членами семьи. Анализ статей СК РФ, содержащих данный термин, позволяет заявить, что в ряде норм термин «договор» означает двусторонний акт иной отраслевой принадлежности: международный договор (ст. 6, 126.1, 165 СК РФ), гражданско-правовой договор (п. 2 ст. 46, ст. 112 СК РФ).

В остальных случаях термин «договор» употребляется в сочетании со словом «брачный», а также в наименовании отдельных актов. О. Ю. Ильина считает, что, вступая в брак, мужчина и женщина заключают договор о совместной деятельности [3, с. 14–17]. М. В. Антокольская полагает, что вступающие в брак лица заключают соглашение о вступлении в брак [4, с. 124]. Однако, Е. В. Гордеюк, несмотря на совершенно очевидную позицию СК РФ о признании договорной природы брака, отрицает ее [5, с. 138]. Тем не менее, ст. 40 СК РФ содержит определение брачного договора, что дает основание различать брачный договор и договоренность о вступлении в брак. В то же время, в конструкции «брачный договор» с учетом целей правового регулирования доминируют признаки понятия «договор» как института цивилистики, и только

особый субъектный состав данного договора обосновывает его семейно-правовую принадлежность.

Таким образом, в результате анализа использования терминов «согласие», «соглашение», «договор» в СК РФ, можно сделать вывод о их дифференцированном правовом значении при наличии частичного смыслового пересечения. Данные термины в семейном законодательстве выполняют разнообразные регулятивные функции, отражая как односторонние акты волеизъявления, так и двусторонние (многосторонние) договоренности. Их корректное применение требует учёта контекста нормы и специфики семейноправовых отношений, где взаимность и согласование воли играют центральную роль. Совершенствование терминологии и механизмов реализации данных институтов будет способствовать повышению эффективности защиты семейных прав и устранению правовых неопределённостей в регулировании семейных отношений.

Принцип свободы договора действует в семейном праве, но в особой, ограниченной форме. Его реализация возможна как через заключение поименованных в СК РФ соглашений, так и через непоименованные договоры, включая соглашения иной отраслевой природы. Неизменным ограничителем выступает система императивных норм, выражающих публичный интерес государства в защите семьи, материнства, отцовства и детства, а также в особой охране прав «слабого» субъекта семейных правоотношений. Гармонизация частных и публичных интересов, а не их противопоставление, является центральной задачей и залогом эффективности договорного регулирования в семейной сфере. Расширение договорной автономии, активно обсуждаемое в доктрине, должно происходить не путем устранения публично-правовых гарантий, а через поиск оптимальных форм их сочетания с частной инициативой, что соответствует уникальной социально-правовой природе семьи.

Соглашения с приоритетом публичного интереса представляют собой особый вид договорных конструкций, выделяемый в рамках семейного права на основании доминирующей роли государства в регулировании соответствующих отношений. Эти соглашения опосредуют ситуации, когда государство в лице своих уполномоченных органов — органов опеки и попечительства — выступает не просто гарантом или контролером, а самостоятельным и активным субъектом, принимающим на себя функции, традиционно присущие родителям. Как подчеркивает О. Ю. Ильина, деятельность органов опеки и попечительства в семейных правоотношениях с участием детей сосредоточена на двух ключевых направлениях: защита прав и интересов детей, оставшихся без попечения родителей, и защита прав детей, находящихся под попечением родителей, что предопределяет специфику используемых правовых инструментов [6, с. 69–77]. Их отличительными признаками являются: императивно определенный субъектный состав с обязательным участием публичного органа; исчерпывающий перечень разрешенных законом

договорных форм (опека, приемная семья, патронат); утвержденные типовые формы, минимизирующие диспозитивность; контрольно-разрешительный порядок заключения и исполнения.

К данным соглашениям относятся не только договоры о постоянном устройстве ребенка в семью, но и различные временные (предварительная опека) и специальные конструкции (соглашения о контактах с ограниченными в правах родителями, заявления о назначении опекуна на случай невозможности исполнения родительских обязанностей), а также нетипичные соглашения, опосредующие участие государства в защите имущественных прав детей (алименты после отмены усыновления, определение долей при использовании маткапитала).

Доминирование публичного интереса не исключает полностью частное начало, но подчиняет его строгим законодательным рамкам и постоянному государственному контролю, обеспечивая приоритетную защиту прав и законных интересов несовершеннолетних детей [7, с. 102–106].

Семейные отношения представляют собой живую, непрерывно развивающуюся систему, подверженную влиянию множества факторов внутреннего и внешнего характера. Динамика любого семейного правоотношения, опосредованного соглашением, включает в себя ряд последовательных стадий, каждая из этих стадий является полем взаимодействия и, зачастую, напряжения между частным интересом участников соглашения и публичным интересом государства, устанавливающим охранительные рамки и гарантии. Анализ этой динамики, как отмечал в своих работах О. А. Красавчиков, позволяет выделить «узловые точки» движения правоотношения — его возникновение и прекращение, а также промежуточную, но не менее важную, стадию изменения [8, с. 203].

1. Заключение соглашений: волеизъявление в рамках закона

Стадия заключения является фундаментом для всей последующей динамики соглашения.

2. Изменение и расторжение соглашений: адаптация к реалиям жизни

Для соглашений с приоритетом частного интереса баланс сил смещен в сторону воли сторон, но не абсолютен. Частный интерес реализуется в праве сторон по взаимному согласию скорректировать или прекратить договоренность, если она перестала отвечать их потребностям. Это логичное продолжение принципа автономии воли.

Публичный интерес устанавливает «красные линии». Он запрещает односторонний отказ от исполнения (п. 1 ст. 43 СК РФ), не допускает снижения размера алиментов на несовершеннолетних детей ниже гарантированного законом уровня (81 СК РФ) и в обязательном порядке требует учета мнения ребенка, достигшего возраста 10 лет, при решении затрагивающих его интересы вопросов (ст. 57 СК РФ). Государство гарантирует, что изменение договоренностей не произойдет в ущерб наиболее уязвимым участникам семейных отношений [9, с. 350–357].

3. Исполнение соглашений: от принципов к практике

Стадия исполнения — это практическая реализация достигнутых договоренностей. Если СК РФ почти не регулирует процедуру заключения, то о правилах исполнения и вовсе умалчивает. Базовым ориентиром служит п. 1 ст. 7 СК РФ, который, с одной стороны, провозглашает свободу граждан в осуществлении семейных прав, а с другой — запрещает такое осуществление, если оно нарушает права и законные интересы других членов семьи [9, с. 357].

Таким образом, на стадии добровольного исполнения публичный интерес проявляется не в прямом вмешательстве, а в формировании специальных принципов исполнения семейных соглашений: сочетание частной инициативы и публичных ограничений, приоритетная защита прав «слабого» участника (ребенка, нетрудоспособного супруга), обязательный учет интересов ребенка.

4. Принудительное исполнение: пределы государственного вмешательства в семью

Когда добровольное исполнение невозможно, в действие вступает механизм государственного принуждения. Однако эта стадия наиболее рельефно демонстрирует границы и проблемы вмешательства государства в частные, глубоко личные семейные отношения.

Ключевая системная проблема заложена в законодательстве об исполнительном производстве. Согласно ст. 12 Федерального закона «Об исполнительном производстве», из всего массива семейных соглашений силой исполнительного документа обладает только нотариально удостоверенное соглашение об уплате алиментов [10]. Это означает, что даже бесспорное, нотариально заверенное соглашение о разделе общего имущества супругов или об определении порядка общения с ребенком не может быть предъявлено судебному приставу для принудительного исполнения.

Динамика соглашений в семейном праве представляет собой сложный, многогранный процесс, в котором частная инициатива и публичное регулирование находятся в постоянном диалоге, а подчас и в противостоянии.

От стадии к стадии меняется соотношение этих начал: от стимулирования к заключению соглашения — через установление жестких охранительных рамок при его изменении — к формированию специфических принципов добровольного исполнения и, наконец, к осознанию жестких ограничений для принудительного исполнения. Законодательное регулирование этой динамики нуждается в совершенствовании. Требуют уточнения основания изменения и расторжения соглашений, где более уместным, чем гражданско-правовые конструкции, выглядит критерий «существенного изменения материального или семейного положения».

Анализ подтверждает, что эффективность семейно-правовых соглашений максимальна на стадии их добровольного формирования и исполнения. Принуждение, особенно в сфере личных неимущественных отношений и отношений по воспитанию детей, имеет крайне ограниченную сферу применения. Это служит ярким подтверждением основополагающего принципа семейного права:

вопросы жизни семьи должны решаться на основе взаимного согласия, уважения и добровольности. Роль государства заключается не в подмене этого согласия своим властным предписанием, а в создании четких, справедливых и защищающих слабого правил игры, а также в обеспечении возможности принудительной реализации тех договоренностей, которые стороны приняли на себя сознательно и добровольно.

ливых и защищающих слабого правил игры, а также в обеспечении возможности принудительной реализации тех договоренностей, которые стороны приняли на себя сознательно и добровольно.

Литература:

1. Раджабова Ж. К. Учебное пособие. (Курс лекций) «Семейное право» для направления «Юриспруденция», профиля подготовки «Гражданское право» и «Уголовное право». Махачкала: ДГУНХ, 2019.
2. Панарина М. М. Правовой обычай как источник семейного права // Мудрый Юрист. URL: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/79961-pravovoj-obyčaj-istochnik-semejnogo-prava> (дата обращения: 13.11.2025).
3. Ильина О. Ю. Современная российская семья как договор простого товарищества // Семейное и жилищное право. 2019. № 1.
4. Антокольская М. В. Семейное право: учебник. М.: Юрист, 1996.
5. Гордеюк Е. В. Брак и договор: сравнительно-правовой аспект // Вестник Московского университета МВД России. 2017. № 1.
6. Ильина О. Ю. Новые правила ответственности за уклонение от уплаты алиментов: конгруэнтность семейно-правовых и уголовно-правовых норм / О. Ю. Ильина // Вестник ТвГУ. Сер.: Право. — 2016. — № 3.
7. Краснова Т. В. Содержание родительских прав: перспективы укрепления правового положения родителей в России / Т. В. Краснова // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2017. — № 8.
8. Красавчиков О. А. Гражданские организационно-правовые отношения / О. А. Красавчиков // Категории науки гражданского права: Избранные труды: В 2 т. — М.: Статут, 2005. — Т. 1.
9. Гражданское право: учебник для вузов. Часть первая / под ред. Т. И. Илларионовой, Б. М. Гонгалов, В. А. Плетнева.
10. Об исполнительном производстве: Федер. закон от 02.10.2007 № 229-ФЗ: по состоянию на 25.12.2023 // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2007. — № 41. — Ст. 4849.

Проблемы квалификации налоговых преступлений, связанные с бланкетностью диспозиций составов (статьи 198 и 199 УК РФ)

Рахимкулов Айрат Рауфович, студент магистратуры

Научный руководитель: Лепешкина Оксана Ивановна, кандидат юридических наук, доцент
Северо-Западный институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Санкт-Петербург)

В данной статье мы предлагаем к обсуждению проблемы квалификации, связанные с особенностями бланкетных норм по налоговым преступлениям (ст.ст. 198, 199 УК РФ). Основная проблема в указанном контексте связана с неопределенностью в изложении способов совершения преступления и сложностями толкования ввиду отсылки к огромному количеству отраслевых законодательных актов.

А. А. Герцензон о квалификации преступлений писал следующее: «Квалификация преступлений состоит в установлении соответствия данного конкретного деяния признакам того или иного состава преступления, предусмотренного уголовным законом» [2].

Н. В. Данилов в своем диссертационном исследовании указывает, что «в силу бланкетности правовой нормы, устанавливающей уголовную ответственность за уклонение от уплаты налогов с организации, при квалификации совершенного деяния необходимо руководствоваться не только текстом Уголовного кодекса РФ, но

и всей системой нормативных предписаний, в первую очередь - законодательством Российской Федерации о налогах и сборах, содержащим определения и характерные черты основных понятий, использование и четкое понимание которых необходимо для верной квалификации деяния и привлечения виновного лица к ответственности» [3].

В уголовном праве использование бланкетных норм влечет за собой проблемы квалификации деяния, и более точной определенности уголовно-правовых норм, если говорить о широком смысле их понимания.

Диспозиции ст.ст. 198, 199 УК относят к признаку преступления — уклонение налогоплательщика от уплаты налогов (сборов) путем непредставления налоговой декларации (расчета) или иных документов, представление которых в соответствии с законодательством Российской Федерации о налогах и сборах является обязательным, либо путем включения в налоговую декларацию (расчет) или такие документы заведомо ложных сведений. Между

тем, использование термина уклонение как признака деяния, учитывая судебную практику, не является достаточным, поскольку невозможно в столь узком толковании определить все способы совершения налоговых преступлений.

В ходе анализа судебной практики по ст. 199 УК РФ стало ясно, что в обвинительных заключениях имеются ссылки на следующие нормативные акты: ст. 57 Конституции РФ, ст. 7, 23, 54.1, 143, 146, 153, 154, 159, 162, 163, 164, 167, 171, 166, 168, 172, 169, 169.1 НК РФ, Федеральный закон «О бухгалтерском учете» от 06.12.2011 № 402-ФЗ - ст. 1, 7, 18, 9; ГК РФ - ст. 53, 1068 и др. нормы; ст. 40 Федерального закона от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью»; постановление Правительства РФ от 26.12.2011 № 1137 «О формах и правилах заполнения (ведения) документов, применяемых при расчетах по налогу на добавленную стоимость»; Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.11.2019 № 48 «О практике применения судами законодательства об ответственности за налоговые преступления» и некоторые другие правовые источники с учетом особенностей применяемого налогоплательщиком налогового режима.

С учетом вышесказанного можно сделать вывод о наличии взаимосвязи между уголовно-правовыми и отраслевыми нормами налогового и гражданского законодательства при установлении признаков налоговых преступлений. При этом необходимо учитывать постоянные изменения в указанных отраслях права, более динамичные чем изменения в уголовном праве. Все это в конечном итоге затрудняет правоприменение, требует определенного профессионального уровня знаний не только в среде правоохранительных органов, но и в системе судебной власти.

Для устранения правовой неопределенности целесообразно расширить толкование термина — «уклонение» и дополнить обсуждаемые статьи более четким перечнем способов совершения преступления, в числе которых указать уклонение от исполнения обязанности по бухгалтерскому учету и (или) составлению, получению и хранению иных документов, обязательных в соответствии с законодательством Российской Федерации о налогах и сборах, и (или) составлению бухгалтерской (финансовой) отчет-

ности, повлекшее отсутствие сведений, необходимых для целей налогообложения.

В целях более четкой определенности для дальнейшей квалификации деяний по незаконному возмещению из бюджета сумм, ранее уплаченных (взысканных) по налогам (сборам) целесообразно выделить деяния в отдельную статью. В диспозиции отдельной статьи указать способ совершения как умышленное включение в налоговую декларацию (расчет) или иных заведомо ложных сведений, повлекшее необоснованный зачет или возврат из бюджетной системы Российской Федерации и (или) государственных внебюджетных фондов, ранее уплаченных либо взысканных налогов, сборов и (или) страховых взносов. Это позволит в дальнейшем видеть реальную картину статистики совершения данного преступления, как налогового, и избежать неверной квалификации по ст. 159 УК РФ.

В связи с этим, в последующем также необходимо поставить на обсуждение вопрос о внесении изменений в Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.11.2019 № 48 «О практике применения судами законодательства об ответственности за налоговые преступления», поскольку в нем не раскрывается в полной мере вопрос влияния законодательства о налогах и сборах на применение бланкетных диспозиций исследуемых статей.

В частности, в профильном Постановлении необходимо указать, что при решении вопроса о наличии умысла виновного лица суду необходимо учитывать конкретные сформулированные в нормах НК РФ обстоятельства, включающие вину в несоблюдении законодательства о налогах и сборах, а также иные обстоятельства, исключающие ответственность.

Важным моментом также необходимо определить, что установленные ранее решениями судов обстоятельства и факты подлежат признанию при рассмотрении уголовных дел в суде.

Таким образом, изменение диспозиций обсуждаемых статей Уголовного кодекса, предлагаемые нами, позволит более четко и определенно трактовать способы совершения налоговых преступлений, что будет более верной квалификацией для неотвратимости ответственности за нарушения законодательства Российской Федерации о налогах и сборах.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года, с поправками, внесенными Законами Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 30 декабря 2008 года № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 года № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 года № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 года № 11-ФКЗ, от 14 марта 2020 года № 1-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 5-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 6-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 7-ФКЗ, от 4 октября 2022 года № 8-ФКЗ) // Официальный интернет-портал правовой информации: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202210060013>.
2. Чучаева А.Р. Уголовное право. Особенная часть. Учебник. — М.: Проспект, 2014. С. 512.
3. Данилов Н. В. Уголовная ответственность за уклонение от уплаты налогов с организации: дис. канд. юрид. наук, 12.00.08. Москва, 2008. 186 с.

4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.11.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2025) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»
5. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 N 146-ФЗ (ред. от 28.11.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2026), часть вторая от 05.08.2000 N 117-ФЗ (ред. от 20.02.2026) (с изм. и доп., вступ. в силу с 20.03.2026) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»
6. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ: [в ред. от 20.02.2026 г.] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»
7. Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ (ред. от 28.12.2025) «Об обществах с ограниченной ответственностью», текст документа опубликован в изданиях «Собрание законодательства РФ», 16.02.1998, № 7, ст. 785, «Российская газета», № 30, 17.02.1998 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»
8. Постановление Правительства РФ от 26.12.2011 N 1137 (ред. от 29.10.2024) «О формах и правилах заполнения (ведения) документов, применяемых при расчетах по налогу на добавленную стоимость», текст документа опубликован в издании «Собрание законодательства РФ», 16.01.2012, N 3, ст. 417.
9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.11.2019 № 48 «О практике применения судами законодательства об ответственности за налоговые преступления» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Трансформация правового регулирования дистанционной торговли в условиях цифровизации

Рыжко Валерия Витальевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Серебренникова Дина Александровна, кандидат юридических наук, доцент
Уральский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (г. Екатеринбург)

В статье автор анализирует развитие правового института дистанционной продажи товаров под влиянием цифровой трансформации. Особое внимание уделяется проблемам определения правового статуса маркетплейсов и агрегаторов, а также дифференциации их бизнес-моделей, требующей различных подходов к установлению ответственности. Автором исследуются коллизии, возникающие при реализации права на отказ от технически сложных товаров, и предлагаются пути их законодательного разрешения. В работе обосновывается необходимость регулирования алгоритмов динамического ценообразования и противодействия фальсификации отзывов потребителей. На основе проведенного анализа сформулированы предложения по совершенствованию правового регулирования отношений в области защиты прав потребителей, включая разработку комплексного законодательного акта об электронной торговле.

Ключевые слова: маркетплейс, товарный агрегатор, дистанционный способ продажи, защита прав потребителей, ответственность, гражданское право, цифровая платформа, Закон «О защите прав потребителей», Гражданский кодекс РФ

В условиях «цифровой цивилизации» дистанционный способ продажи товаров стал доминирующим, что потребовало от законодателя оперативной адаптации норм гражданского права к новым реалиям [7, с. 96]. Основным вектором этой трансформации стало смещение акцента с традиционных магазинов на многосторонние цифровые платформы — маркетплейсы, представляющие собой интегрированные информационные системы, обеспечивающие взаимодействие участников торговли. Как отмечается в научной литературе, в современной экономике платформенные рынки являются централизованными и организованными. Так, именно платформа (маркетплейс) выступает не просто посредником, а фактическим регулятором, устанавливающим правила игры для продавцов и покупателей, что кардинально меняет структуру договорных связей [9, с. 161–167].

Настоящая статья ставит целью не только выявить проблемы правового регулирования дистанционной торговли в России, но и предложить конкретные векторы совершенствования законодательства, направленные на гармонизацию интересов всех участников рынка и обеспечение надлежащего уровня защиты прав потребителей в условиях продолжающейся цифровизации.

Действующее российское законодательство, в частности Гражданский кодекс РФ и Закон РФ от 07.02.1992 № 2300–1 «О защите прав потребителей» (далее — Закон), долгое время не отражало существующих посредников в цифровой среде. Лишь с введением понятия «владелец агрегатора информации о товарах (услугах)» в ст. 9 Закона была сделана попытка институционализации маркетплейсов [1]. Однако, как отмечает А. Е. Кирпичев, правовой статус агрегатора до сих пор остается половин-

чатым: являясь фактическим организатором торговли, он несет ограниченную ответственность, что зачастую нарушает права потребителя при взаимодействии с недобросовестными продавцами [5, с. 112]. Сложность заключается в том, что сам термин «агрегатор» в законодательстве используется неоднозначно: в одних случаях он понимается как программное обеспечение (сайт), в других как субъект предпринимательской деятельности. Более того, существующие бизнес-модели маркетплейсов разнятся: от простого предоставления площадки для встречи продавца и покупателя до полного контроля над процессом сделки, включая ценообразование и логистику, что требует дифференцированного подхода к установлению их ответственности [9, с. 188–191; 10, с. 177–179].

Владельцы агрегаторов часто позиционируют себя исключительно как «информационные посредники», полностью перекладывая ответственность на третьих лиц — индивидуальных предпринимателей или самозанятых, которые могут быстро менять свои реквизиты или вовсе исчезать, оставляя потребителя без возможности реализовать свои законные права на возврат или обмен товара, а также возмещение убытков.

Предлагается ввести презумпцию солидарной ответственности маркетплейса и продавца перед потребителем в случае любого нарушения обязательств по договору розничной купли-продажи, если оплата товара проходила через платежные инструменты агрегатора, а также если товар хранился и доставлялся маркетплейсом. Данное предложение находит обоснование в концепции «преобладающего влияния» платформы на сделку, получившей развитие в европейской доктрине. Если платформа определяет условия договора, удерживает платежи или диктует единый образ продавца, она должна нести солидарную ответственность с ним, что, по сути, является признанием ее фактическим организатором торговли [9, с. 188–190]. Это обеспечит дополнительную гарантию для потребителя, не снимая при этом основной ответственности с непосредственного продавца.

Одной из наиболее острых проблем является реализация права потребителя на отказ от товара. Согласно ст. 26.1 Закона, потребитель вправе отказаться от товара надлежащего качества в любое время до его передачи, а после передачи — в течение семи дней [1]. Тем не менее, на практике возникает коллизия применительно к технически сложным товарам.

Верховный Суд РФ четко указывает на невозможность ограничения права на возврат технически сложных товаров при дистанционном способе продажи (за исключением индивидуально-определенных вещей), мотивируя это отсутствием у потребителя возможности непосредственно ознакомиться с товаром или его образцом при заключении такого договора [4]. Однако отсутствие прямой законодательной нормы, исключающей применение Перечня № 2463 к дистанционной торговле, порождает правовую неопределенность [3]. В связи с чем, считается обоснованным законодательно закрепить право потреби-

теля на возврат любого товара надлежащего качества при дистанционной продаже в установленный разумный срок, четко обозначив, что Перечень непродовольственных товаров, не подлежащих обмену (утв. Постановлением Правительства РФ № 2463), не применяется к отношениям, возникающим при дистанционном способе продажи. Такой подход устранил существующее противоречие между общим правилом о возврате дистанционного товара и специальными запретами, основанными на физической продаже [7, с. 102; 1-, с. 46–48].

Перспективы развития правового регулирования связаны с необходимостью внедрения принципа солидарной ответственности маркетплейса и продавца. Исследователи подчеркивают, что «доверие потребителя к платформе является основным активом цифровой экономики, следовательно, платформа должна гарантировать возврат денежных средств независимо от статуса конечного продавца» [7, с. 102].

Кроме того, цифровизация диктует необходимость регулирования алгоритмов динамического ценообразования. В условиях, когда цена товара может меняться в зависимости от профиля пользователя, нарушается принцип публичности договора (ст. 426 ГК РФ) [2]. Ценовая дифференциация, осуществляемая с помощью технологий анализа больших данных, может привести к дискриминации потребителей, особенно учитывая, что услуги платформы зачастую оказываются безвозмездно, что создает иллюзию отсутствия у потребителя статуса «слабого субъекта», требующего защиты [10, с. 170; 9, с. 175–176]. Представляется необходимым закрепить в законодательстве обязанность продавца раскрывать информацию об использовании алгоритмов персонализированного ценообразования, а также распространить действие Закона «О защите прав потребителей» на безвозмездные услуги платформ, оказываемые физическим лицам, учитывая, что их «бесплатность» компенсируется за счет монетизации их данных и внимания.

В условиях дистанционной торговли, где потребитель лишен возможности непосредственного ознакомления с товаром, отзывы и рейтинги других покупателей становятся одним из ключевых, если не единственным, критерием выбора и доверия [7]. Фальсификация отзывов представляет собой новую форму предоставления недостоверной информации о товаре, что напрямую влияет на формирование воли потребителя и может рассматриваться как обман. Отсутствие четких правовых норм, направленных на борьбу с фальсификацией отзывов, позволяет недобросовестным продавцам и платформам искажать объективную информацию, создавая ложное представление о товаре. Предлагается, приравняв намеренную фальсификацию отзывов владельцем агрегатора или продавцом к предоставлению недостоверной информации о товаре (п. 2 ст. 12 Закона о защите прав потребителей). Ввести административную ответственность для платформ за отсутствие механизмов верификации реальных покупателей, оставивших отзыв, а также за

скрытое удаление негативных отзывов. Разработать критерии «намеренной фальсификации» и установить обязанность платформ раскрывать информацию о наличии платных или партнерских отзывов.

В качестве перспективного направления совершенствования правового регулирования следует рассматривать не только принятие поправок в существующие акты, но и разработку комплексного законодательного акта — Федерального закона «Об электронной торговле в Российской Федерации». Необходимость такого закона обосновывается не только фрагментарностью текущего регулирования, но и отсутствием единообразного понятийного аппарата, который должен охватывать такие категории, как «дистанционная торговля», «интернет-тор-

говля», «электронная сделка», «маркетплейс», «агрегатор», что позволит устранить терминологическую путаницу и создать системную основу для регулирования [3, с. 172; 4, с. 49–51].

Цифровая трансформация общества предъявляет новые требования к правовому регулированию дистанционной торговли. Предложенные меры по совершенствованию Закона РФ «О защите прав потребителей» и смежного законодательства направлены на формирование более прозрачной, справедливой и эффективной системы защиты прав потребителей в цифровой среде. Ключевым вектором развития должно стать смещение акцента с традиционной модели «защиты слабого субъекта» (потребителя) к модели «обеспечения доверия в цифровой среде».

Литература:

1. Закон Российской Федерации «О защите прав потребителей» от 07.02.1992 № 2300–1 // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1996 г. — № 3. — с изм. и допол. в ред. от 01.03.2026.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1996 г. — № 5. — Ст. 410 с изм. и допол. в ред. от 24.06.2025.
3. Постановление Правительства РФ «Об утверждении Правил продажи товаров по договору розничной купли-продажи, перечня товаров длительного пользования, на которые не распространяется требование потребителя о безвозмездном предоставлении ему товара, обладающего этими же основными потребительскими свойствами, на период ремонта или замены такого товара, и перечня непродовольственных товаров надлежащего качества, не подлежащих обмену, а также о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» от 31.12.2020 № 2463 // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2021 г. — № 3. — Ст. 593 с изм. и допол. в ред. от 17.05.2024.
4. Обзор судебной практики по делам о защите прав потребителей Утв. Президиумом Верховного Суда РФ от 23.10.2024 // КонсультантПлюс URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_488843/?ysclid=mn642zrfl296154335 (дата обращения: 25.03.2026).
5. Кирпичев, А. Е. Агрегаторы товаров и услуг как новые субъекты коммерческого права / А. Е. Кирпичев // Актуальные проблемы российского права. — 2018. — № 2. — С. 108–115.
6. Левушкин, А. Н. Цифровой торговый оборот и дистанционный способ продажи товаров в парадигме теории и правоприменительной практике / А. Н. Левушкин, С. Ю. Морозов // Вестник арбитражной практики. — 2024. — № 5. — С. 94–108.
7. Доля, А. А. Интернет-торговля: вопросы действующего законодательства и комплекс интернет-маркетинга / А. А. Доля, Т. М. Одинцова // Актуальные вопросы учета и управления в условиях информационной экономики. — 2019. — № 1. — 263 с.
8. Правовое регулирование отношений по оказанию услуг в условиях цифровой экономики: доктринальные, нормотворческие и правоприменительные аспекты: монография / М. А. Бажина, Н. В. Городнова, О. В. Жевняк [и др.]; под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. Е. Г. Шабловой. — Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2023. — 264 с. — ISBN 978–5–7996–3725–5.
9. Кузнецова, Н. В. Правовое регулирование дистанционной торговли: проблемы и перспективы / Н. В. Кузнецова // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. — 2024. — № 8 (120). — С. 166–173. — DOI 10.17803/2311–5998.2024.120.8.166–173.
10. Фадеев, А. В. Перспективы развития нормативно-правового регулирования правоотношений в сфере дистанционной торговли / А. В. Фадеев, Г. Г. Аникин // Аграрное и земельное право. — 2025. — № 7. — С. 238–241. — DOI 10.47643/1815–1329_2025_7_238.

Трансформация государственного механизма в условиях перманентной террористической угрозы

Ситникова Милана Сергеевна, студент;

Зоточев Кирилл Константинович, студент

Научный руководитель: Половова Лада Владимировна, кандидат юридических наук, доцент

Ульяновский государственный университет

В статье исследуются процессы трансформации государственного механизма в условиях постоянного воздействия террористических угроз. Анализируются изменения в структуре и функциях государственных институтов, методы противодействия терроризму, а также правовые механизмы обеспечения национальной безопасности. Обращено внимание на тенденции изменения баланса ценностей; усиление исполнительной власти за счет расширения ее дискреционных полномочий в сфере обеспечения безопасности; а также трансформации органов судебной власти.

Ключевые слова: терроризм, государство, противодействие, власть, трансформация, угроза.

Transformation of the state mechanism in the conditions of permanent terrorist threat

Sitnikova Milana Sergeevna, student;

Zotochev Kirill Konstantinovich, student

Scientific advisor: Polovova Lada Vladimirovna, phd in law, associate professor

Ulyanovsk State University

This article examines the transformation of the state machinery under the constant threat of terrorism. It analyzes changes in the structure and functions of state institutions, counterterrorism methods, and legal mechanisms for ensuring national security. Attention is drawn to trends in the changing balance of values; the strengthening of executive power through the expansion of its discretionary powers in the area of security; and the transformation of judicial authorities.

Keywords: terrorism, state, counteraction, power, transformation, threat.

В начале XXI века терроризм эволюционировал из категории локальных преступных проявлений в разряд системного вызова национальной идентичности и государственной целостности. Угроза перестала быть дискретной (краткосрочной) и приобрела характер перманентного фактора, определяющего стратегию развития государственных институтов. Как отмечает П. В. Агапов: «терроризм сегодня — это не просто совокупность преступлений, а деструктивная идеология, требующая от государства полной перенастройки всех элементов его механизма» [5].

Непрекращающийся рост террористической активности, формирование в ряде регионов мира террористических анклавов и квазигосударств, масштабная интернационализация ядра и боевых звеньев террористических группировок, острая потребность в принятии адекватных законодательных, организационных, правоохранительных и финансовых мер привели к изменению функционала и структуры организации государственной власти в большинстве стран мира. Изменения затронули все функции и ветви государственной власти. Трансформация государственного аппарата происходила параллельно с трансформацией самой террористической системы, в которой менялись силы, средства, формы и методы деятельности, совершенствовались маскировка и управление, тактика террористической деятельности, возникали новые взаимосвязи.

Терроризм давно стал одной из основных угроз человеческой цивилизации, методы его совершения, мотивы и цели преступников постоянно менялись на протяжении всей истории. Появляются новые способы предотвращения и решения проблем, связанных с терроризмом. Следует отметить, что международные террористические организации активно применяют в своих интересах достижения научно-технического прогресса. Так, в частности, они пытаются получить оружие массового поражения или его составляющие, намереваясь применить его для достижения своих преступных целей. Терроризм меняется под воздействием глобализации, компьютерных технологий, увеличения миграционных потоков.

Этому способствует ряд факторов: интеграция национальных экономик, открытость информационного пространства, нивелирование значения государственных границ, зависимость человечества от цифровых технологий. Можно расширять данный перечень, но самое главное: террористические организации используют все указанные факторы для распространения своего влияния. Кроме того, практика показывает, что лингвистический оборот «террористический интернационал» превратился в реальность. Его основой стала сетевая модель управления, позволяющая создавать филиалы в любой точке земного шара, дифференцирующая функции между различными автономными участниками с высокой степенью свободы принятия решений. Благодаря этому, офици-

альные органы государственной власти сталкиваются с различными трудностями, не позволяющими осуществлять эффективное противодействие традиционными методами. Это обуславливает определенный поиск новых механизмов борьбы с терроризмом, включающих перестройку всей системы управления.

Учитывая многоаспектный деструктивный характер террористических угроз, который влияет на межгосударственные отношения (международные связи между террористическими структурами, совершение преступлений на территории иностранных государств, формирование интернациональных по составу террористических структур, уклонение от уголовной ответственности за рубежом, иностранная поддержка тех или иных террористических организаций и главарей и др.), закономерным итогом стало учреждение специализированных международных антитеррористических организаций и выделение самостоятельной линии международного сотрудничества.

Стоит отметить, что более ранние формы терроризма были, по сути, результатом внутрисовременного конфликта, а новые формы носят четко выраженный международный характер. Начальные этапы терроризма характеризуются преследованием конкретных, четко определенных политических целей, в которых решающую роль играет «третья сторона». Эта идеологически определенная роль может включать, например, рабочий класс, угнетенные народы или обездоленные этнические группы. В этом случае цель террориста — придать политическую легитимность своим действиям, а конечным результатом является восстание против существующего режима. Терроризм является частью более масштабной стратегии и первым шагом в сложном процессе. Это включает в себя так называемую партизанскую войну и сопровождающие её крупномасштабные восстания против существующего порядка. Для завоевания народной поддержки террористические атаки (направленные против полиции, армии и т. д.) должны быть тщательно спланированы. Цель состоит в том, чтобы спровоцировать неизбежную реакцию правительства и каким-то образом «разоблачить» правительственные зверства, тем самым побудив больше людей присоединиться к партизанам и в конечном итоге перерасти в крупномасштабное восстание, свергнувшее правительство. Эти акты требуют точного планирования, которое может быть осуществлено должным образом только в рамках иерархической системы террористической организации.

Следующий этап развития терроризма связан с неизбежным совершением преступных деяний. Его главная характеристика заключается в том, что в большинстве случаев у террористов отсутствует четкая политическая цель. Терроризм — это уже не просто первый этап многоступенчатого процесса, а четкая стратегия. Этот вид терроризма направлен на распространение уязвимости в развитых странах и нанесение максимально возможного экономического ущерба. Развитие терроризма в этом направлении во многом обусловлено уязвимостью совре-

менного общества. Цель современного терроризма порой состоит в том, чтобы исключить определенные страны, прежде всего соседние государства, из глобальной капиталистической экономики, поставив их в невыгодное экономическое положение (например, путем уничтожения их туристической индустрии). Цель исламского экстремистского терроризма — интегрировать интересующие страны в единый, независимый социально-политический блок в рамках глобальной капиталистической экономики.

В Российской Федерации базовым законом в сфере борьбы с мировой угрозой выступает Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» [2]. Преамбула Закона нацеливает на то, что указанный нормативный акт формирует не только правовые, но и организационные основы противодействия, которым посвящена ст. 5, имеющая аналогичное название. Анализ ее содержания свидетельствует о ее основном предназначении — распределении компетенций, в том числе между Президентом РФ и Правительством России. Закон не затрагивает общую модель организации власти, не предусматривая создание какого-либо специального органа, уполномоченного на принятие экстраординарных решений.

Принятие в 2006 г. Федерального закона «О противодействии терроризму» изменило роль и значение координационного органа. Его статус был закреплен Указом Президента РФ от 15 февраля 2006 г. № 116 «О мерах по противодействию терроризму» [3], а значение подчеркивалось указанием на цель — «совершенствование государственного управления в области противодействия терроризму». Трансформация механизма государства наиболее наглядно проявляется в создании специализированных координирующих органов. В Российской Федерации ключевым элементом этой системы стал Национальный антитеррористический комитет (НАК). В настоящее время Положение о нем утверждено Указом Президента РФ от 26 декабря 2015 г. № 664 с характерным названием — «О мерах по совершенствованию государственного управления в области противодействия терроризму» [4].

Основные особенности статуса НАК:

— правовое положение определяется Указом Президента РФ (предыдущая Федеральная антитеррористическая комиссия создавалась Правительством России). Это предопределяет иерархическую связь, замкнутую на главу государства;

— основная цель — координация деятельности по противодействию терроризму органов всех уровней публичной власти. Предусматривается создание антитеррористических комиссий на уровне субъектов РФ, но только по решению Президента РФ. Вертикальные отношения между НАК и региональными комиссиями не предусмотрены, но предполагаются в силу иерархичности Федеральной службы безопасности России, руководитель которой выполняет функции и руководителя НАК;

— в составе НАК функционирует Федеральный оперативный штаб, уполномоченный на принятие экстренных мер по борьбе с терроризмом.

Российский законодатель также расширил полномочия следственных органов, предоставив им право проведения отдельных процессуальных действий за пределами территории Российской Федерации в соответствии с требованиями Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ) [1]. Срок предъявления обвинения по составам преступлений террористической направленности увеличен до 45 суток с момента применения меры пресечения, а если подозреваемый был задержан — в тот же срок с момента задержания. Существенные изменения в связи с противодействием терроризму претерпела экономическая функция государства. Для осуществления мониторинга транзакций и сделок, пресечения отмывания преступных доходов и финансовой подпитки терроризма были созданы специальные звенья государственного аппарата. В большинстве государств мира возникло антиотмывочное законодательство и были сформированы национальные подразделения финансовой разведки, уполномоченные координировать деятельность всех правоохранительных и финансовых институтов в сфере противодействия финансированию терроризма.

И, наконец, можно выделить территориальный уровень, на котором, в частности, действуют судебные органы, органы государственной власти субъектов РФ, органы местного самоуправления и иные субъекты. Антитеррористические комиссии теперь обязательны в каждом субъекте и крупном населенном пункте, что означает «прорастание» силового контроля до самого основания государственного механизма. Например, в области противодействия терроризму к полномочиям органов государственной власти субъектов РФ относится «организация разработки и реализации мер, а также государственных программ субъекта РФ в области профилактики терроризма, минимизации и ликвидации последствий его проявлений, принятие мер по выявлению и устранению факторов, способствующих возникновению и распространению идеологии терроризма, проведение аварийно-спасательных работ, восстановление нормаль-

ного функционирования и экологической безопасности поврежденных или разрушенных объектов»; органы местного самоуправления «организуют и проводят в муниципальных образованиях информационно-пропагандистские мероприятия по разъяснению сущности терроризма и его общественной опасности, а также по формированию у граждан неприятия идеологии терроризма, в том числе путем распространения информационных материалов, печатной продукции, проведения разъяснительной работы и иных мероприятий, обеспечивают выполнение требований к антитеррористической защищенности объектов, находящихся в муниципальной собственности или в ведении органов местного самоуправления».

Не менее значимым аспектом является развитие кадрового потенциала: повышение квалификации специалистов в сфере антитеррористической деятельности способствует совершенствованию методов профилактики и реагирования. Кроме того, в условиях глобализации особое внимание уделяется международному сотрудничеству. Обмен информацией, координация действий и использование передового опыта позволяют государствам вырабатывать более эффективные и согласованные меры противодействия терроризму. Практика показывает, что изолированные усилия отдельных стран оказываются менее результативными по сравнению с коллективными механизмами безопасности.

Таким образом, трансформация государственных механизмов в условиях сохраняющейся террористической угрозы выступает необходимым условием обеспечения национальной и международной безопасности. Данные изменения затрагивают все уровни управления — от институциональной организации до правового регулирования. Эффективность противодействия терроризму напрямую зависит от способности государства к адаптации, модернизации и внедрению комплексных подходов. В этой связи формирование гибких, устойчивых и технологически оснащенных систем борьбы с терроризмом становится одной из приоритетных задач современного государственного развития.

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 08.03.2026) // Российская газета. — № 249. — 2001; № 53. — 2026.
2. Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ (ред. от 28.02.2025) О противодействии терроризму // Российская газета. — № 48. — 2006; № 47. — 2025.
3. Указ Президента РФ от 15.02.2006 № 116 (ред. от 25.11.2019) О мерах по противодействию терроризму (вместе с «Положением о Национальном антитеррористическом комитете») // Собрание законодательства РФ. — 2006. — № 8. — Ст. 897; 2019. — № 48. — Ст. 6826.
4. Указ Президента РФ от 06.09.2024 № 756 О внесении изменений в Порядок установления уровней террористической опасности, предусматривающих принятие дополнительных мер по обеспечению безопасности личности, общества и государства, утвержденный Указом Президента Российской Федерации от 14 июня 2012 г. N 851, в Указ Президента Российской Федерации от 26 декабря 2015 г. N 664 «О мерах по совершенствованию государственного управления в области противодействия терроризму», в Положение о Национальном антитеррористическом комитете и в состав оперативного штаба в морском районе (бассейне) по должностям, утвержденные этим Указом // Собрание законодательства РФ. — 2024. — № 37. — Ст. 5543.

5. Агапов, П. В. Организация противодействия экстремистской деятельности: монография. — М.: Проспект. — 2022. — 192 с.
6. Каримов, Р. Р. Трансформация международного терроризма в современном мире / Р. Р. Каримов // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. — 2022. — № 3 (11). — С. 14–19.
7. Романовский, Г. Б. Трансформация институтов публичной власти в условиях нарастания террористических угроз / Г. Б. Романовский // Вестник ПАГС. — 2020. — № 4. — С. 31–40.

Защита традиционных духовно-нравственных ценностей в Российской Федерации и Республике Беларусь: сравнительно-правовой анализ

Суднева Анастасия Сергеевна, студент
Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина

Статья посвящена анализу правовых методов защиты традиционных ценностей в России и Беларуси. Исследуются различные нормативные правовые акты, направленные на защиту института семьи, нравственное и духовное развитие граждан, в особенности молодого поколения россиян и белорусов. Предоставлены статистические данные. Приводится личное мнение автора о перспективах совместного развития государств в данном направлении для противостояния деструктивным идеям стран Запада.

Ключевые слова: традиционные ценности, Россия, Беларусь, духовно-нравственное воспитание, семья, патриотизм, демография, воспитание.

В современных реалиях непрекращающейся деструктивной пропаганды стран коллективного Запада для России и Беларуси, как для стран и народов, являющихся ближайшими союзниками, вопрос защиты традиционных ценностей, исторически присущих нашим народам, является краеугольным. Об этом не раз упоминали главы обоих государств: например, Президент Беларуси Александр Лукашенко на республиканском празднике «Купалье» заявил, что сохранение и привнесение в современность традиционных ценностей есть основа белорусской государственности [1]. В свою очередь Президент России Владимир Путин не раз высказывал схожие по смыслу своего белорусского коллеги мнения. Например, в видеообращении к участникам международной встречи по безопасности Президент России заявил, что сохранение традиционных ценностей является ключевым условием государственной независимости и безопасности [2].

Важнейший аспект защиты государством традиционных, духовно-нравственных ценностей представляет собой правовое закрепление данного вектора развития страны. Обычно речь идет о различных национальных стратегиях, которые устанавливают комплексные способы, в данном случае, защиты общества (в особенности молодежи) от деструктивных идей извне.

Рассмотрим для начала Российскую Федерацию. В нашем государстве важнейшим документом, имеющим непосредственное значение для анализа, представленного в Настоящей статье, является Конституция Российской Федерации. Будучи Основным Законом нашей державы, она закрепляет в статье 38 защиту материнства, детства и семьи государством [3].

Непосредственный научный интерес вызывает также Указ Президента России от 9 ноября 2022 года № 809, утвердивший Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей. В Основных к традиционным ценностям государство отнесло жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкую семью, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческую память и преемственность поколений, единство народов России [4]. Таким образом, предполагается, что воспитание в гражданине традиционных ценностей подразумевает под собой комплексное духовное развитие человека и формирование в нем перечня вышеперечисленных идеалов. Такое воспитание, основанное на ценностях предков, безусловно, поможет сохранить национальную идентичность и задать правильный вектор развития нашего общества, а также не потерять новые, молодые поколения.

Современная необходимость в защите традиционных ценностей в России сформировалась в том числе из-за угроз извне. В действующей Стратегии национальной безопасности Российской Федерации [5] содержатся перечень факторов, создающих угрозы для мирного и нравственного развития граждан, а именно:

— нападки на российские духовно-нравственные и культурно-исторические ценности со стороны США и их союзников;

— нарастание в мире идеологий ксенофобии, религиозного экстремизма, терроризма и агрессивного национализма;

— абсолютизация свободы личности, активная пропаганда вседозволенности, безнравственности и эгоизма;

— насаждение культа насилия, потребления и наслаждения, легализация употребления наркотиков и др.

В Республике Беларусь также большое значение отведено защите традиционных ценностей и её правовому закреплению. Особую роль в этом играет национальный курс на сохранение института семьи и демографии. Основы семейной политики на законодательном уровне закреплены в Конституции Республики Беларусь [6], в Кодексе Республики Беларусь о семье и браке от 9 июля № 278-З [7], в Указе Президента Республики Беларусь от 21.01.1998 № 46 (в редакции от 28 декабря 2007 г. № 676) «Об утверждении основных направлений государственной семейной политики» [8]. Последний нормативный акт фиксирует следующие основные принципы государственной семейной политики:

— непреходящая ценность семьи для жизни и развития человека;

— понимание важности семьи в воспитании и социализации поколений;

— передача культурных и нравственных ценностей, традиций нации;

— достижение общественной стабильности и прогресса;

— учет коренных интересов семьи и принятия мер по их социальной поддержке.

Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 г. фиксирует стратегические приоритеты и индикаторы устойчивого развития, среди которых фигурирует качественное воспроизводство человеческого потенциала и эффективное его использование. Основными составляющими данного воспроизводства выступают:

— генофонд нации;

— интеллект и культурное развитие;

— уровень здоровья и трудовой активности и др.

Таким образом, развитие белорусских граждан также основано на традиционных ценностях, в особенности на

укреплении института семьи и передающихся традиций предков.

Подводя итог, можно смело заявить, что в настоящее время как в России, так и в Беларуси государственная политика по защите нравственных традиционных ценностей проводится успешно. Такая политика поддерживается рядовыми гражданами. Например, опрос, проведенный ВЦИОМ в ноябре 2023 года, показал, что для восьми из десяти россиян важно видеть Россию будущего страной, сохранившей традиционные моральные, национальные и религиозные ценности (81 %). При этом даже для самых молодых россиян (18–24 лет) семья и воспитание детей остаются приоритетной целью в жизни (74 %), несмотря на то, что в целом жизненные цели у молодых россиян связаны с саморазвитием, карьерой, самореализацией в жизни. А опрос граждан Беларуси сотрудниками Института социологии Национальной академии наук Беларуси в I квартале 2024 года показал, что наиболее значимыми ценностями для белорусов являются здоровье (80,9 %), дети (69,4 %), семья (63,8 %), родные и близкие (60,8 %).

На сегодняшний день защита ценностей наших предков имеет важнейшее значение для выживания наших народов. Сегодня с Запада идет тренд на разрушение институтов семьи, нравственного и духовного развития граждан, развитие культа насилия и поклонения деньгам. Поэтому России и Беларуси необходимо, объединившись, противостоять данным угрозам, проводя различные мероприятия по дальнейшему укреплению и защите традиционных институтов, на основе которых много веков существовали наши народы.

В особенности полагаем, что необходимо сделать акцент на правильном воспитании нашей молодежи, так как в силу различных факторов она наиболее подвержена влиянию деструктивных идей. А ведь именно молодежь является двигателем прогресса любого народа. Именно от нее зависит наше будущее. И здесь очень важно найти с молодыми людьми общий язык, чтобы грамотно, аккуратно объяснить им, почему сегодняшняя политика государства в области защиты традиционных ценностей крайне важна. Именно тогда мы сможем противостоять общей угрозы вместе, а не порознь.

Литература:

1. Лукашенко подчеркнул важность традиционных ценностей для основ государства [Электронный ресурс] // Информационное агентство «Красная весна». — Режим доступа: <https://rossaprimavera.ru/news/abfe6108> (дата обращения 30.03.2026).
2. Путин назвал защиту традиционных ценностей важнейшим условием суверенитета [Электронный ресурс] // Информационное агентство ТАСС. — Режим доступа: <https://tass.ru/politika/20632937> (дата обращения 30.03.2026).
3. Конституция Российской Федерации (с учетом поправок, внесенных от 30 декабря 2008 г., 5 февраля 2014 г., 21 июля 2014 г., 14 марта 2020 г., с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 16 марта 2020. № 11. Ст. 1416.
4. Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 года № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Собрание законодательства Российской Федерации, 2022, № 46, ст. 7977.

5. Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации, 2021, № 27, ст. 5351.
6. Конституция Республики Беларусь: с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 ноября 1996 г., 17 октября 2004 г. и 27 февраля 2022 г. [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал Президента Республики Беларусь. — Режим доступа: <https://president.gov.by/ru/gosudarstvo/constitution> (дата обращения 30.03.2026).
7. Кодекс Республики Беларусь о семье и браке от 9 июля 1999 № 278-3 // Ведомасці Нацыянальнага сходу Рэспублікі Беларусь, 1999 г., № 23, ст. 419.
8. Указ Президента Республики Беларусь от 21.01.1998 № 46 (в редакции от 28 декабря 2007 г. № 676) «Об утверждении основных направлений государственной семейной политики» [Электронный ресурс] // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. — Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P39800046> (дата обращения 30.03.2026).

Договор купли-продажи недвижимости: проблемы теории и практики

Сухенко Виктория Витальевна, студент магистратуры
Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения

В статье проводится комплексный анализ гражданскоправового института договора купли-продажи недвижимости в Российской Федерации, с опорой на нормы Гражданского кодекса РФ (в т.ч. ст. 549 и ст. 130 ГК РФ) рассматриваются правовая природа и существенные условия договора купли-продажи недвижимого имущества. Особое внимание уделяется проблеме неоднозначной квалификации объектов в качестве недвижимого имущества: анализируется несовершенство легального определения недвижимости, приводятся примеры из судебной практики, когда объекты с признаками связи с землёй признавались движимым имуществом.

Ключевые слова: договор купли-продажи недвижимости, недвижимое имущество, существенные условия договора.

Договор купли-продажи недвижимости — один из наиболее распространённых гражданскоправовых договоров, играющий ключевую роль в обороте недвижимого имущества. Его значимость обусловлена высокой стоимостью объектов недвижимости и сложностью правового регулирования.

Договор купли-продажи недвижимости — это значимый юридический документ, регламентирующий правоотношения между продавцом и покупателем в ходе совершения сделки, связанной с передачей прав на жилое помещение и прилегающий к нему земельный участок. Особенности и условия данного договора могут варьироваться: на них влияют как территориальные факторы (специфика регионального регулирования), так и нормы национального законодательства в целом.

При подготовке договора купли-продажи крайне важно исчерпывающе зафиксировать все существенные условия сделки. К числу обязательных положений, подлежащих включению в документ, относятся: точные сведения о местоположении жилого объекта и соответствующего земельного участка (включая адрес, кадастровый номер и иные идентификационные характеристики); порядок расчётов между сторонами — в том числе общая стоимость объекта, форма и сроки оплаты, возможные этапы внесения денежных средств; чёткое определение прав на недвижимость, переходящих от продавца к по-

купателю, с указанием отсутствия обременений либо их подробным описанием (ипотека, аренда, сервитут и т. д.); взаимные обязательства сторон по договору (обязанности продавца передать объект в надлежащем состоянии и освободить его в установленные сроки, обязательства покупателя своевременно произвести оплату и принять имущество); меры ответственности сторон за неисполнение или ненадлежащее исполнение условий договора (штрафы, пени, возможность расторжения сделки); сроки и порядок передачи недвижимости (дата передачи ключей, подписание акта приёма-передачи); иные ключевые условия, согласованные сторонами и имеющие существенное значение для реализации сделки (например, сохранение регистрации третьих лиц, условия освобождения помещения, перечень передаваемого движимого имущества и т. п.) [4, с. 220].

Тщательная проработка всех перечисленных положений при составлении договора позволяет минимизировать риски для обеих сторон, обеспечить правовую защищённость участников сделки и снизить вероятность возникновения споров в будущем.

В соответствии с положениями пункта 1 статьи 549 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ), договор купли-продажи недвижимого имущества (договор продажи недвижимости) предполагает, что продавец принимает на себя обязательство передать по-

купателю в собственность земельный участок, здание, сооружение, квартиру либо иной объект недвижимого имущества; в свою очередь, покупатель обязуется принять указанный объект недвижимости и выплатить за него денежную сумму, заранее установленную условиями договора [1].

Если обратиться к статье 130 ГК РФ, станет ясно, что к недвижимым объектам (недвижимое имущество, недвижимость) относятся земельные участки, участки недр и всё, что прочно связано с землёй, то есть объекты, перемещение которых без несоразмерного ущерба их назначению невозможно, в том числе здания, сооружения, объекты незавершённого строительства [2].

Сформулированное определение не обладает достаточной полнотой, чтобы обеспечить однозначную идентификацию объекта недвижимости. Анализ судебной практики наглядно демонстрирует наличие неоднозначных ситуаций: сооружения, здания и иные аналогичные объекты, которые характеризуются прочной связью с земельным участком и внесены в государственный реестр, в отдельных случаях могут быть отнесены к категории движимого имущества [6, с. 60].

Подобная правовая неопределённость возникает из-за того, что ни один из признаков недвижимого имущества, закреплённых в статье 130 ГК РФ, не обладает абсолютным, решающим значением при квалификации объекта в рассматриваемых обстоятельствах. В результате на практике возникают спорные ситуации, требующие детального анализа каждого конкретного случая (с учётом совокупности факторов), а не какого-либо отдельного признака, предусмотренного законом.

Существует мнение, что основным критерием отнесения объекта к недвижимости является связь с землёй [3, с. 20]. Однако факт наличия фундамента у того или иного объекта сам по себе не служит достаточным основанием для отнесения его к категории недвижимого имущества. Это обусловлено тем, что фундамент могут иметь и временные сооружения, правовой статус которых не позволяет квалифицировать их в качестве недвижимости.

Аналогичным образом к объектам недвижимости не относят быстровозводимые сборно-разборные конструкции. Ключевая особенность таких объектов заключается в возможности их оперативно демонтировать и перенести, то есть их конструкция изначально предполагает мобильность, что принципиально противоречит одному из базовых признаков недвижимости.

Кроме того, наличие подведённых инженерных коммуникаций также не может выступать безусловным критерием для признания объекта недвижимым. Коммуникации (водоснабжение, электроснабжение, канализация и т. д.) технически возможно подвести практически к любому сооружению, в том числе к мобильным или временным объектам, не обладающим признаками недвижимости.

И даже такой традиционный признак недвижимого имущества, как прочная связь с землёй, следует при-

знать относительным. Суть данного критерия сводится лишь к тому, что перемещение объекта сопряжено со значительными техническими сложностями, существенным ущербом его назначению либо невозможно без несоразмерного ущерба его конструктивной целостности. Однако сама по себе сложность перемещения не создаёт автоматического основания для квалификации объекта в качестве недвижимости — требуется комплексный анализ всех юридически значимых признаков [5, с. 90].

Считаем целесообразным предусмотреть более детализированное описание признаков, позволяющих квалифицировать объект в качестве недвижимого имущества, в статье 130 ГК РФ. Также наиболее рациональным решением представляется заимствование концептуального подхода к определению недвижимости, принятого в ряде западных стран (например, во Франции, Германии и других государствах). В рамках указанной правовой модели недвижимым имуществом признаётся исключительно земельный участок. Все объекты, расположенные на его территории (здания, сооружения и иные постройки), рассматриваются не как самостоятельные объекты недвижимости, а в качестве составной части земельного участка.

Подобный подход обладает рядом существенных преимуществ, таких как: упрощение процедуры государственной регистрации (все расположенные на земельном участке постройки автоматически включаются в состав этого объекта, что исключает необходимость отдельной регистрации каждого строения); повышение правовой определённости (чёткое ограничение понятия недвижимости земельным участком устраняет неоднозначность в квалификации объектов); доступность для понимания гражданами (концепция, согласно которой недвижимость — это прежде всего земля, интуитивно понятна широкому кругу лиц; она не требует специальных юридических знаний для осмысления базовых принципов оборота недвижимости, что повышает правовую грамотность населения и снижает количество ошибок при совершении сделок); уменьшение количества правовых споров (единообразное понимание объекта недвижимости минимизирует основания для судебных разбирательств, связанных с квалификацией объектов, оспариванием сделок и регистрацией прав) и гармонизация с международными стандартами (адаптация зарубежного опыта позволит сблизить российское законодательство с правовыми системами развитых стран, что может способствовать упрощению трансграничных сделок с недвижимостью).

Таким образом, переход к модели, где центральным объектом недвижимости выступает земельный участок, а все прочие постройки рассматриваются как его неотъемлемая часть, способен существенно оптимизировать регулирование отношений в сфере недвижимости и повысить эффективность правоприменительной практики в России.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая): Федеральный закон от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 24.06.2025) // СПС «КонсультантПлюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9027/ (дата обращения: 30.03.2026).
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 28.06.2021, с изм. от 26.10.2021) // СПС «КонсультантПлюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 30.03.2026).
3. Волков, Г. А. Понятие недвижимого имущества: публично-правовой аспект / Г. А. Волков. — Текст: непосредственный // Экологическое право. — 2018. — № 4. — С. 18–24.
4. Дахадаева, М. А. Договор купли-продажи жилых помещений: проблемы теории и практики / М. А. Дахадаева. — Текст: непосредственный // Научное обозрение: актуальные вопросы теории и практики. — Пенза: Наука и Просвещение, 2023. — С. 219–221.
5. Крыштопа, Е. С. Договор купли-продажи недвижимости: проблемы теории и практики / Е. С. Крыштопа. — Текст: непосредственный // Закон. Право. Государство. — 2023. — № 1 (37). — С. 89–90.
6. Нестерчук, И. С. Договор купли-продажи недвижимости: проблемы теории и практики / И. С. Нестерчук. — Текст: непосредственный // Социально-экономические и гуманитарные исследования в современном мире. — СПб.: Частное науч. учреждение дополнительного проф. образования Гуманитарный нац. исследовательский ин-т «НАЦРАЗВИТИЕ», 2024. — С. 60–61.

Проблема соотношения реституции и кондикции в системе последствий недействительности сделки

Такидзе Даяна Джемаловна, студент магистратуры
Московский университет «Синергия»

В статье исследуется проблема соотношения реституции и кондикции в механизме последствий недействительности сделки. Анализируются положения статей 167 и 1103 ГК РФ, современные подходы доктрины к определению правовой природы реституции, а также практика Верховного Суда Российской Федерации. Сделан вывод о том, что реституция представляет собой специальное последствие недействительности сделки, тогда как нормы о неосновательном обогащении выполняют по отношению к ней субсидиарную и развивающую функцию. Особое внимание уделяется вопросу о возможности взыскания не только основного имущественного эквивалента, но и доходов, извлечённых из имущества, переданного по недействительной сделке. Формулируется вывод о необходимости последовательного разграничения реституционных и кондикционных требований по юридическому факту, предмету доказывания и объёму имущественных последствий.

Ключевые слова: недействительная сделка, реституция, кондикция, неосновательное обогащение, последствия недействительности сделки, способ защиты права, Верховный Суд РФ.

Институт недействительности сделки в современной системе гражданско-правовых средств защиты сохраняет ключевое значение, поскольку через него обеспечивается устранение имущественных последствий дефектного волеизъявления и восстановление нарушенного баланса интересов участников оборота. В силу пункта 1 статьи 167 ГК РФ недействительная сделка не влечёт юридических последствий, кроме тех, которые связаны с её недействительностью, а по общему правилу считается недействительной с момента совершения. Пункт 2 той же статьи закрепляет базовую модель имущественного восстановления: каждая из сторон обязана возвратить другой всё полученное по сделке, а при невозможности возврата в натуре — возместить стоимость полученного [1].

Вместе с тем статья 1103 ГК РФ прямо предусматривает, что правила о неосновательном обогащении применяются также к требованиям о возврате исполненного по недействительной сделке [2].

Именно это нормативное пересечение и обуславливает дискуссию о том, следует ли рассматривать реституцию как самостоятельный институт, как разновидность кондикции либо как особый случай субсидиарного применения главы 60 ГК РФ.

В современной доктрине преобладает подход, согласно которому реституция не совпадает с кондикцией полностью, хотя и тесно связана с ней по функциональному назначению. Д. Е. Еременко и И. А. Тюменцев характеризуют реституцию как специальное последствие недействитель-

ности сделки, имеющее двустороннюю направленность и возникающее именно из факта признания сделки недействительной [4].

Н. М. Лакоценина подчёркивает, что реституционные правоотношения носят охранительный характер и возникают не из любого безосновательного имущественного прироста, а лишь из исполнения по дефектной сделке [5].

В свою очередь, А. Д. Кутепова обращает внимание на существование научной позиции, согласно которой реституция может рассматриваться как разновидность кондикции, поскольку обе конструкции направлены на устранение необоснованного имущественного смещения; однако решающее различие состоит в юридическом факте, порождающем соответствующее требование [7]. Этот вывод представляется обоснованным, поскольку, совпадение экономического результата ещё не означает тождества правовой природы.

Разграничение реституции и кондикции имеет не только теоретическое, но и выраженное прикладное значение. Если реституция опирается на сам факт недействительности сделки и служит первичным способом возврата переданного между её сторонами имущества, то кондикционное требование охватывает более широкий круг ситуаций: ошибочные платежи, отпадение правового основания, получение доходов от чужого имущества, сбережение расходов и иные случаи безосновательного имущественного приобретения. Следовательно, реституция отвечает на вопрос о возврате основного исполнения, тогда как кондикция позволяет развить имущественные последствия недействительности в той части, в которой требуется возврат дополнительного обогащения, не сводимого к простому восстановлению *status quo ante*. Именно поэтому в научной литературе всё чаще подчёркивается, что глава 60 ГК РФ выполняет по отношению к статье 167 ГК РФ не заменяющую, а дополняющую функцию [8].

Показательно, что правовая позиция высшей судебной инстанции также исходит из разграничительного, а не отождествляющего подхода. В разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 закреплено, что последствия недействительности сделки должны применяться с учётом характера нарушенного интереса, природы недействительности и содержания соответствующего требования [3].

При этом сама структура ГК РФ показывает, что реституция закреплена в специальных нормах о недействительности сделок, а правила о неосновательном обогащении действуют постольку, поскольку иное не вытекает из существа отношений. Следовательно, кондикция не подменяет реституцию, а включается в механизм защиты субсидиарно — когда необходимо урегулировать вопросы, прямо не охватываемые пунктом 2 статьи 167 ГК РФ, например взыскание доходов, процентов, определение момента осведомлённости приобретателя о неосновательности обогащения [2], [3].

Наиболее отчётливо разграничение этих конструкций проявляется в судебной практике последних лет. Так, в Определении Верховного Суда РФ от 23 октября 2024 г. № 302-ЭС24-18297 по делу № А78-11592/2022 рассматривался спор, в котором истец наряду с требованием о признании сделки недействительной заявил требование о взыскании неосновательного обогащения и процентов. Верховный Суд не усмотрел препятствий для такой процессуальной конструкции: нижестоящие суды взыскали сумму неосновательного обогащения и проценты, а кассационная жалоба была передана, при этом сам судебный акт фиксирует допустимость сочетания требования о недействительности сделки с требованием о возврате имущественного эквивалента как неосновательного обогащения [9].

Из этого следует, что современная практика не считает обращение к конструкции неосновательного обогащения в подобных спорах чем-то исключительным, однако и не устраняет специальную роль реституции как исходного последствия недействительности.

Ещё более значимая позиция выражена в Определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 3 февраля 2026 г. № 305-ЭС25-10460 по делу № А40-119257/2023. Коллегия указала, что недействительная сделка не порождает правовых последствий с момента её совершения, а не с момента вынесения судебного акта о признании её недействительной. Верховный Суд специально сослался на статьи 167, 1103 и 1107 ГК РФ и разъяснил, что при недействительности сделки вопрос о взыскании доходов, извлечённых из имущества, переданного по такой сделке, должен решаться через правила о неосновательном обогащении с учётом того, когда приобретатель узнал или должен был узнать о пороках сделки [11].

Тем самым суд фактически развёл два уровня имущественных последствий: реституцию как возврат основного исполнения и кондикционные элементы как взыскание производного имущественного прироста.

Данная позиция имеет принципиальное значение для разграничения предмета доказывания. При заявлении реституционного требования истец, как правило, должен подтвердить наличие недействительной сделки, факт исполнения по ней и объём подлежащего возврату имущества. Для кондикционного же требования этого недостаточно: необходимо установить сам факт имущественного прироста либо сбережения, отсутствие правового основания для такого прироста, его размер, а в ряде случаев — момент, когда приобретатель узнал или должен был узнать о неосновательности соответствующего обогащения.

Л. С. Шестакова, анализируя разграничение кондикционных обязательств, справедливо отмечает, что кондикция имеет собственную предметную область и собственные процессуальные преимущества и ограничения, а потому её нельзя без остатка растворить ни в деликтных, ни в реституционных механизмах [8]. По этой причине выбор между реституционной и кондикционной моделью

не может быть произвольным; он должен определяться не удобством истца, а фактическим составом спорного отношения.

Отдельную проблему составляет вопрос о так называемой конкуренции способов защиты. На практике нередко встречаются ситуации, когда сторона, фактически оспаривая сделку, пытается сразу сформулировать иск как требование о взыскании неосновательного обогащения, минуя требование о признании сделки недействительной либо о применении последствий её недействительности.

Такой подход не всегда допустим. Если между сторонами сохраняется формально действующая сделка, именно она образует юридическое основание передачи имущества до тех пор, пока не будет опровергнута в установленном порядке. Следовательно, кондикционное требование не может использоваться для обхода специальных правил о недействительности сделки, сроках исковой давности и распределении бремени доказывания. Вместе с тем после устранения такого основания либо в тех случаях, когда спор касается уже не основного исполнения, а доходов, процентов, сбережённых расходов или иных вторичных имущественных выгод, применение главы 60 ГК РФ не только возможно, но и необходимо [11].

Представляется, что реституция и кондикция соотносятся как специальное и общее, но не в упрощённом, а в многоуровневом смысле. Реституция является специальным последствием недействительности сделки и применяется прежде всего к возврату того, что стороны непосредственно передали друг другу во исполнение недействительного соглашения. Кондикция же, оставаясь самостоятельным обязательственным механизмом, обслуживает те имущественные последствия, которые выходят за пределы прямого возврата основного исполнения. Поэтому неверно как полное отождествление реституции с кондикцией, так и их абсолютное противопоставление. Более корректно говорить о том, что статья

167 ГК РФ задаёт первичную модель восстановления нарушенного имущественного положения, а статья 1103 ГК РФ обеспечивает возможность дальнейшей правовой разработки этого восстановления средствами института неосновательного обогащения [11].

Вывод по результатам проведённого исследования состоит в том, что реституция и кондикция, несмотря на функциональную близость, не являются тождественными правовыми конструкциями. Реституция представляет собой специальное последствие недействительности сделки, непосредственно вытекающее из статьи 167 ГК РФ и направленное на возврат сторонами всего полученного по недействительной сделке. Кондикция, основанная на положениях главы 60 ГК РФ, имеет более широкий охват и применяется в тех случаях, когда необходимо устранить имущественное обогащение, не сводимое лишь к возврату основного исполнения, включая доходы, проценты и иные имущественные выгоды, возникшие вследствие отсутствия либо отпадения правового основания.

Судебная практика последних лет подтверждает тенденцию к разграничению указанных способов защиты по их юридическому основанию, предмету доказывания и объёму подлежащего восстановлению имущественного положения сторон. Такой подход позволяет избежать смешения самостоятельных правовых механизмов и обеспечивает более точную квалификацию спорных отношений. В связи с этим наиболее обоснованным следует признать понимание реституции как самостоятельного специального последствия недействительности сделки при допустимости субсидиарного применения норм о неосновательном обогащении в части, не урегулированной специальными правилами. Последовательное разграничение реституционных и кондикционных требований способствует единообразию правоприменения, укреплению правовой определённости и повышению эффективности гражданско-правовой защиты.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.10.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. действующая) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 5. Ст. 410.
3. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации».
4. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 23.10.2024 № 302-ЭС24-18297 по делу № А78-11592/2022.
5. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 03.02.2026 № 305-ЭС25-10460 по делу № А40-119257/2023.
6. Еременко, Д. Е., Тюменцев, И. А. Подходы к понятию и правовой природе реституции как последствия недействительности сделок // Юридическая наука. 2023. № 11. С. 118–123.
7. Лакоценина, Н. М. Институт реституции в российском гражданском праве // Современный юрист. 2023. № 3. С. 42–52.
8. Федосеев, П. С. О некоторых вопросах правового регулирования кондикционных обязательств // Legal Concept = Правовая парадигма. 2024. Т. 23, № 4. С. 98–103.

9. Кутепова, А. Д. Проблемы соотношения обязательства из неосновательного обогащения с иными видами гражданско-правовых требований // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2024. № 11–3 (98).
10. Вахитов, М. Г. Реституция в гражданском праве Российской Федерации: понятие, юридическая природа // Сибирский юридический вестник. 2025. № 3 (110). С. 48–54.
11. Шестакова, Л. С. Теоретико-правовые аспекты разграничения кондикционных и деликтных обязательств // Юридический вестник ДГУ. 2025. С. 71–76.

Понятие, сущность и детерминизм преступности

Темирова Диана Арсеновна, студент магистратуры
Северо-Кавказская государственная академия (г. Черкесск)

В статье проводится анализ причин преступности на современном этапе развития общества. Отмечается, что множественность факторов, обуславливающих причины преступности, предполагает выделение научно-обоснованной классификации. На основе выбранной классификации приводятся характерные особенности причин и примеры их проявления в настоящее время. Автором делается вывод о необходимости улучшения криминологического состояния и эффективного противодействия преступности путем принятия определенного комплекса мер.

Ключевые слова: преступность, причины преступности, факторы преступности.

Современное криминологическое состояние страны, а также причины и условия преступности в настоящее время формируются под воздействием множества факторов, характерных для данного периода развития общества.

В практической деятельности становится трудным отделить причину от условия преступности, поэтому их объединяют единым родовым понятием — криминогенные детерминанты, под которыми понимается совокупность взаимодействующих и взаимодополняющих факторов. Несмотря на это, стоит разграничить рассматриваемые понятия и определить их роль. Причины преступности представляют собой совокупность негативных явлений, которые порождают преступность как закономерное следствие. Условия преступности — совокупность негативных явлений и процессов, которые сами не порождают преступность, но способствуют и облегчают действие самой преступности. Любая причина действует в совокупности различных условий [2, с. 211]. Различение причины и условий имеет не только теоретическое, но и практическое значение: если устранение условий позволяет лишь снизить вероятность преступлений, то воздействие на причину направлено на их искоренение. Таким образом, стоит уделить особое внимание причинам преступности.

Важно отметить, что множественность факторов, обуславливающих причины преступности, предполагает выделение научно-обоснованной классификации. Так, В. Е. Эминов выделяет экономические, политические, социальные, нравственно психологические и правовые причинные комплексы [4, с. 57]. Для дальнейшего анализа причин преступности, порождающихся данными факторами, стоит обратиться к статистике. За период с января по декабрь 2025 года было зарегистрировано более 1 771,2

тыс. преступлений, при этом отмечается снижение общего количества по стране. Большая часть, а именно 675,4 тыс., связана с преступлениями, совершенными с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации, однако эта цифра показывает снижение впервые за последние несколько лет количества преступлений в данной сфере [3]. В последние годы прослеживается рост киберпреступлений, преступлений экстремистской направленности, преступлений, совершенных несовершеннолетними лицами, группами лиц и организованными группами. Как отмечает ряд отечественных ученых-криминологов, «в современных условиях преступники не только пользуются существующими возможностями или создают условия для совершения конкретных преступлений, но и принимают меры к организации криминального воспроизводства, его самодетерминации» [2, с. 221].

Обращаясь вновь к вышеупомянутым факторам, можно выделить причины, обусловленные их воздействием.

Первая группа — экономические факторы. Возникновение дисбаланса в экономической системе, угрозы инфляции, экономические кризисы, вызванные множественными обстоятельствами, в том числе и пандемией, появившейся в 2020 году, а также существенное снижение экономической активности субъектов малого и среднего бизнеса [1, с. 377], все это создает потенциальную угрозу роста преступности.

Вторая группа — политические факторы, проявляющиеся как на микроуровне и выражающиеся во внутрисостоятельных конфликтах и высоком уровне коррумпированности государственных органов, так и на макроуровне, находящем свое отражение в напряженности международных отношений. Особую роль играет со-

временное геополитическое состояние, многочисленные санкции, перераспределение ресурсов, сопровождающиеся негативной реакцией со стороны общества.

Третья группа — социальные факторы. Данный вид факторов вызван существенным различием в уровне благосостояния различных групп общества, безработица, низкий уровень доходов, стоит упомянуть и про проблемы в сфере семьи и воспитания подрастающего поколения, а также сильное негативное воздействие со стороны людей с девиантным поведением.

Четвертая группа — нравственно психологические факторы. Особо остро в настоящее время стоит проблема деформации ценностных ориентиров у молодежи и подростков. Становятся размытыми моральные правила и традиции, в некоторых группах людей идет попытка нормализации жестокого обращения с животными и детьми, а также активная пропаганда насилия, маскирующаяся под положительные способы воспитания и взаимодействия.

Пятая группа — правовые факторы. В связи с возникновением новых институтов, становящимися объектами преступлений, законодателям не удается оперативно закреплять в нормативно-правовых актах соответству-

ющие условия поведения и санкции за правонарушения. Помимо этого, пробелы в законодательстве и иные коллизии порождают новые способы и методы совершения преступлений.

Уделяя внимание современному состоянию преступности, стоит выделить и технологические факторы, несмотря на его отсутствие в традиционных классификациях, приводимых учеными. С помощью компьютерных технологий активно совершаются такие преступления, как мошенничество, распространение наркотических и психотропных веществ, а также убийства и иные преступления разных степеней тяжести.

Для улучшения криминологического состояния и эффективного противодействия преступности необходимо предпринять комплекс мер, включающий совершенствование российского законодательства, усиление внимания к разработке профилактических программ в соответствии с факторами, обуславливающими причины преступности, а также регулярное взаимодействие правоохранительных органов с категорией лиц, задействованных в преступлениях, в целях информирования и дальнейшего предотвращения преступлений.

Литература:

1. Берова Д. М., Аккаева Х. А. Актуальные вопросы развития причин и условий преступности в Российской Федерации // Пробелы в российском законодательстве. 2023. № 5. С. 376–380.
2. Криминология: учебник для вузов / под общей редакцией О. С. Капинус. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2025. — 1132 с.
3. Состояние преступности в Российской Федерации за январь — декабрь 2025 года // Официальный сайт МВД России. URL: <https://mvdmedia.ru/news/official/statisticheskie-svedeniya-o-sostoyanii-prestupnosti-v-2025-godu/> (дата обращения: 28.03.2026).
4. Эминов В. Е. Причины преступности в России: криминологический и социально-психологический анализ: монография / В. Е. Эминов. — Москва: Норма: ИНФРА-М, 2024. — 128 с.

Становление института банкротства граждан

Тулубенский Евгений Константинович, студент
Московский университет «Синергия»

В статье автор исследует этапы становления банкротства граждан, особенности и современные тенденции.

Ключевые слова: банкротство, внесудебное банкротство, физическое лицо, законодательство.

Институт банкротства граждан развивается постепенно. Фактически данный институт берет свое начало с 1 октября 2015 года. Но при этом его предпосылки были заложены ранее.

А. А. Король отмечает, что исследование процесса становления института несостоятельности (банкротства) граждан в современной России поднимает глубинные аспекты не только правовых, но и историко-социальных условий развития общества. К настоящему времени споры о необходимости существования института банкротства

в современной российской правовой действительности стихли в пользу положительного вердикта по данному вопросу, но концепция развития отдельных его механизмов по-прежнему является предметом оживленных дискуссий [4, с. 77].

Г. В. Иванова выделяет, что в истории становления рассматриваемого института можно выделить несколько этапов [3]:

1. Зарождение — период до 12 века.
2. Развитие института — 13–16 вв.

3. Институт банкротства как институт несостоятельности — 17–19 вв.

4. Возрождение и развитие — 20 в. и по настоящее время.

Каждый этап развития института банкротства характеризуется соответствующими особенностями. Немаловажным является достижение целей по развитию института, повышения показателей правовой защищенности. В рамках исследования рассмотрим кратко особенности каждого этапа развития.

В. С. Кравченко отмечает, что в статьях 68 и 69 Русской Правды было дано определение понятия несостоятельности, а также названы ее виды в зависимости от причин несостоятельности должников, наличия и степени умысла. Русская Правда делила банкротство на случайное, неосторожное и злостное [5, с. 77]

А. А. Беликов указывает, что Судебник 1497 года закрепил участие государства в лице уполномоченного на то лица — боярина, в расследовании причин несостоятельности в целях определения степени вины должника. Судебник содержал правило о том, что в случае наступления несостоятельности по независящим от должника обстоятельствам, ему выдавалась полетная грамота, предоставляющая право на выплату долга в рассрочку [2, с. 56].

В Соборном Уложении 1649 г., были практически в точности повторены положения, содержащиеся в Русской Правде. Сохранялось деление несостоятельности на случившуюся по независящим от лица обстоятельствам и возникшую в результате его неправомерных действий или по небрежности.

С течением времени в нашем государстве развивались торговые отношения. Это объективно обуславливало необходимость правовой регламентации института банкротства. В Петровскую эпоху был издан Вексельный устав 1729 года, который впервые дал легальное определение несостоятельности должника: «Когда приниматель векселя по слуху в народе банкротом учинился, (то есть в неисправу и в убожество впал) ...».

Революция стала основой для преобразования института в целом, принятия большого числа нормативных актов. Данные нормативные акты, затронули в том числе институт банкротства, гарантий связанных с правовой защиты субъектов. Вследствие этого, произошло принятие ряда нормативных актов, в том числе в области регламентации института банкротства, установления соответствующих гарантий в отношении физических лиц.

Ю. А. Оруджова отмечает, что коренные преобразования в правовом регулировании банкротства в России имели место при смене государственного строя в 1917

году. Здесь сыграли роль следующие обстоятельства: если говорить в общем, то все наработки развития правовых институтов царской России были отвергнуты как монархические и антинародные; рынок был фактически ликвидирован в связи с национализацией всего имущества в стране. А так как банкротство — есть необходимый инструмент, прежде всего, рыночной экономики, то в связи с отсутствием такового, институт также был фактически упразднен. И появился он снова спустя уже длительное время в связи с появлением тенденций НЭПа [6, с. 115].

В дальнейшем произошло историческое искажение в развитии данного направления науки и права почти на 100 лет, но тем не менее необходимо признать, что законодательство о банкротстве в современной России — это не результат правовой революции, а скорее поступательное развитие, эволюция. При этом на современном этапе развития характеризуется необходимостью детализации требований и условий по развитию законодательства в целом и усложнения ситуации на рынке.

Современный этап развития законодательства характеризуется принятием соответствующих актов. Так был принят Федеральный закон от 26.10.2002 N 127-ФЗ (ред. от 29.12.2025) «О несостоятельности (банкротстве)» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2026) устанавливает основания для признания должника несостоятельным (банкротом), регулирует порядок и условия осуществления мер по предупреждению несостоятельности (банкротства), порядок и условия проведения процедур, применяемых в деле о банкротстве, и иные отношения, возникающие при неспособности должника удовлетворить в полном объеме требования кредиторов. [1]. В дальнейшем в рамках развития законодательства были приняты соответствующие изменения, в том числе в целях реформирования.

Таким образом, историю развития института банкротства граждан можно разделить на несколько этапов. Первый этап — период Древнерусского государства, где очередность погашения задолженности прослеживалась еще в первом сборнике правовых норм. Второй этап — это период конца XIX — начало XX веков, когда в Уставе о банкротях 1800 года существовали нормы, регулирующие банкротство дворян и чиновников. Третий этап — это время затишья развития института банкротства, в связи с плановой экономикой страны, который продлился до конца XX века. Четвертый этап — конец XX — начало XXI века — это период, в течение которого было принято три Закона о банкротстве. Конечной точкой развития исследуемого института является вступление в силу Закона о несостоятельности (банкротстве) в 2015 года, в нормах которого сохранился институт банкротства граждан.

Литература:

1. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 29.12.2025) «О несостоятельности (банкротстве)» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации, N 43, 28.10.2002, ст.4190
2. Беликов, А. А. Развитие института банкротства граждан в России // Перспективы развития науки в современном мире: Сборник научных статей по материалам XIV Международной научно-практической конфе-

- ренции, Уфа, 19 января 2024 года. — Уфа: Общество с ограниченной ответственностью «Научно-издательский центр «Вестник науки», 2024. — С. 55–60. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=61249555>
3. Иванова Г. В. История становления института банкротства граждан в российской федерации // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2023. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-stanovleniya-instituta-bankrotstva-grazhdan-v-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения: 02.04.2026).
 4. Король, А. А. Проблемы правового становления института несостоятельности (банкротства) граждан в современной России // Юриспруденция, государство и право: актуальные вопросы и современные аспекты: сборник статей XX Международной научно-практической конференции, Пенза, 25 мая 2025 года. — Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г. Ю.), 2025. — С. 77–80. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=82350232>
 5. Кравченко, В. С. Становление института несостоятельности (банкротства) граждан в Российской Федерации // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. — 2023. — № 6–1(81). — С. 77–80. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=54188536>
 6. Оруджова, Ю. А. История развития института банкротства граждан в России // Юриспруденция, правосудие и государство: актуальные вопросы теории и практики: сборник статей Международной научно-практической конференции, Пенза, 25 ноября 2023 года. — Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г. Ю.), 2023. — С. 114–117. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=55167329>

Получение взятки в цифровой валюте: тенденции и проблемы судебной практики

Узденов Арсен Алиевич, студент магистратуры

Научный руководитель: Лепешкина Оксана Ивановна, кандидат юридических наук, доцент
Северо-Западный институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (г. Санкт-Петербург)

Статья посвящена квалификации получения взятки в цифровой валюте по ст. 290 УК РФ. Исследование основано на нормативных актах, опубликованных судебных актах, а также на статистике за 2020–2024 годы и материалах за 1 полугодие 2025 года. Показано, что криптовалюта рассматривается судами как имущественная ценность, способная выступать предметом получения взятки, однако практика остается редкой и неоднородной. Наиболее сложными остаются вопросы оценки курса цифровой валюты, определения момента окончания преступления, доказательств контроля над цифровым кошельком и последующей конфискации актива. Сделан вывод о необходимости дополнительных разъяснений Верховного Суда РФ и унификации доказательственных стандартов.

Ключевые слова: взятка, получение взятки, ст. 290 УК РФ, цифровая валюта, криптовалюта, биткоин, судебная практика, конфискация цифровой валюты.

Актуальность темы обусловлена тем, что коррупционные платежи все чаще уходят из наличной формы в цифровую среду, а ст. 290 УК РФ прямо не называет цифровую валюту среди возможных предметов получения взятки. После принятия Федерального закона от 31.07.2020 № 259-ФЗ стало возможным более уверенно рассматривать цифровую валюту как экономически ценную категорию, способную входить в предмет коррупционного преступления [1, 2].

Цель статьи — определить тенденции и проблемы судебной практики по ст. 290 УК РФ, когда предметом получения взятки выступает цифровая валюта. Задачи исследования: проанализировать опубликованные судебные акты; выявить проблемы квалификации; сопоставить их с общей статистикой по ст. 290 УК РФ; дать краткую сравнительную характеристику составам ст. 290, 291, 291.1, 291.2 и 204 УК РФ за 1 полугодие 2025 года. Методы иссле-

дования: анализ, формально-юридический, сравнительно-правовой, статистический.

Открытая практика по «криптовзяткам» немногочисленна. Поэтому для анализа использован массив из 9 судебных актов (собственно, приговоров, актов пересмотра и решений о конфискации цифровой валюты, напрямую связанных с уголовным преследованием по ст. 290 УК РФ), представленных в таблице 1 [3–9].

На основе этого массива можно выделить три устойчивые тенденции. Первая: суды фактически признают цифровую валюту разновидностью имущественной ценности, подпадающей под диспозицию ст. 290 УК РФ через категории «иное имущество» и «иные имущественные права» [2; 3]. Вторая: значительная часть таких дел возникает в сфере правоохранительной деятельности, где должностное лицо может влиять на судьбу цифровых активов подозреваемых или обвиняемых. Третья: ключевое зна-

Таблица 1. Приговоры судов по статье 290 УК РФ

№	Суд	Дело	Дата	Комментарий
1	Пензенский областной суд	№ 2–2/2021	01.04.2021	Ранний пример дела о взятке в биткоинах
2	Верховный Суд Республики Мордовия	№ 2–7/2023–23сс	22.11.2023	Приговор по делу о взятке в 2 BTC ¹
3	Никулинский районный суд г. Москвы	№ 2–3411/23	19.06.2023	Конфискация 1032,1 BTC по делу М. Тамбиева
4	Московский городской суд	апелляция по № 2–3411/23	28.09.2023	Подтверждение подхода к конфискации BTC
5	Балашихинский городской суд МО	№ 1–350/2024	08.10.2024	Приговор М. Х. Тамбиеву
6	Балашихинский городской суд МО	№ 1–350/2024	08.10.2024	Приговор К. В. Ляховенко
7	Пересмотр дела Тамбиева	по № 1–350/2024	14.01.2025	Штрафы снижены, сроки сохранены
8	Зюзинский районный суд г. Москвы	№ 02–1190/2026	29.01.2026	Изъятие имущества по делу Сатюкова
9	Зюзинский районный суд г. Москвы	№ 02–1190/2026	29.01.2026	Тот же акт в части имущества Соколова

чение приобретают цифровые доказательства — адрес кошелька, история транзакций, переписка, устройства с seed-фразами и экспертные заключения.

Основные проблемы практики также очевидны. Во-первых, отсутствует прямое упоминание цифровой валюты в тексте ст. 290 УК РФ. Во-вторых, не унифицирован вопрос определения рублевого эквивалента криптоактива для целей квалификации значительного, крупного и особо крупного размера. В-третьих, спорным остается момент окончания преступления: сетевая отправка транзакции и фактический контроль над кошельком совпадают не всегда. В-четвертых, после квалификации по ст.

290 УК РФ возникает отдельный сложный блок вопросов о наложении ареста и обращения цифровой валюты в доход государства [6–10].

По данным Агентства правовой информации, при сокращении общего массива уголовных дел в России с 748 853 в 2020 г. до 659 878 в 2024 г. количество дел по ст. 290 УК РФ, напротив, выросло с 1 345 до 2 122. Число лиц по этим делам увеличилось с 1 361 до 2 136, а число осужденных — с 1 152 до 1 940 [12]. Следовательно, взятничество сохраняет устойчиво высокий уровень значимости в структуре преступности. Представим статистические данные в таблице 2 и на рисунках 1 и 2.

Таблица 2. Статистические данные по уголовным делам по всем статьям УК РФ и отдельно по статье 290 УК РФ за 2020 -2024 гг

Год	Все уголовные дела	Все лица	Осуждено	Дела по ст. 290	Лица по ст. 290	Осужд. по ст. 290	Оправд. по ст. 290	Особый порядок по ст. 290
2020	748 853	778 995	562 906	1345	1361	1152	22	190
2021	769 948	800 471	601 148	1624	1635	1437	25	16
2022	770 851	797 156	614 726	1888	1886	1684	23	15
2023	727 168	750 770	589 011	2070	2110	1914	22	15
2024	659 878	679 457	534 644	2122	2136	1940	23	17

Если выделять именно дела, где предметом получения взятки выступала цифровая валюта, их доля на фоне общего массива по ст. 290 УК РФ остается минимальной. Согласно открытым источникам прослеживаются единичные дела: 2021 г. — 1, 2023 г. — не менее 2, 2024 г. — 1 крупное дело с несколькими эпизодами, в 2020 и 2022 гг.

завершенных дел не выявлено. Эта оценка отражает не реальную латентную распространенность, а именно доступность подтвержденных судебных материалов.

Публикация «Коммерсанта» за 1 полугодие 2025 года дополнительно показывает, что суды чаще всего имеют дело либо с получением взятки, либо с мелким взяточ-

¹ BTC — биржевой тикер Bitcoin (биткоин). Первая в мире децентрализованная цифровая валюта, которая позволяет совершать прямые платежи между пользователями без участия банков и государственных органов.

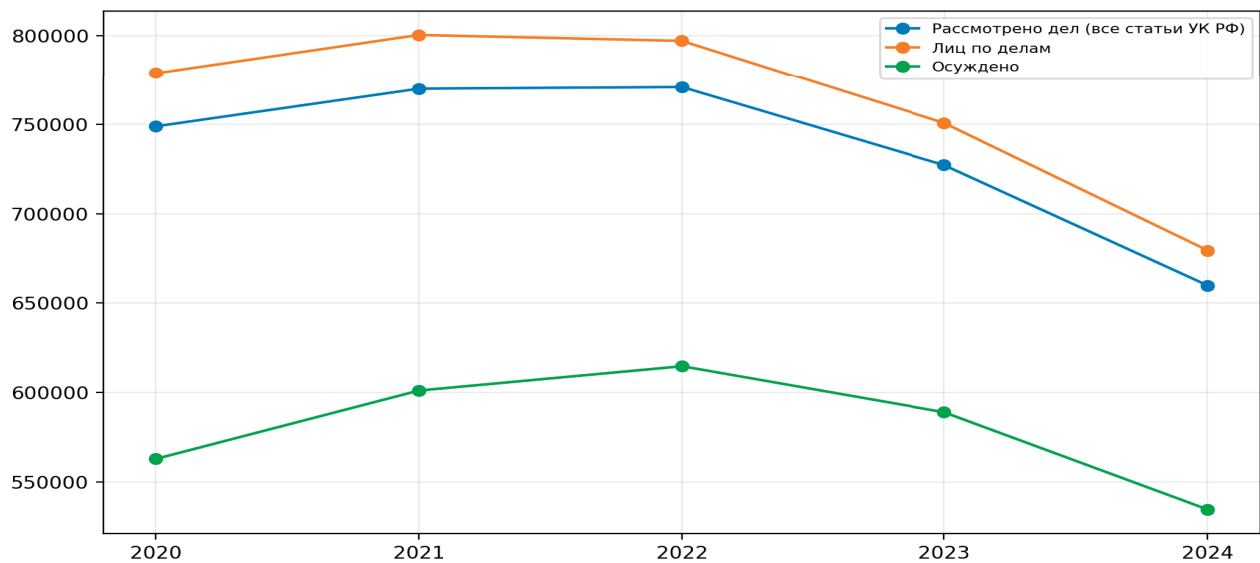

Рис. 1. Общая динамика уголовных дел, лиц по делам и осужденных по всем статьям УК РФ в 2020–2024 гг. [12]

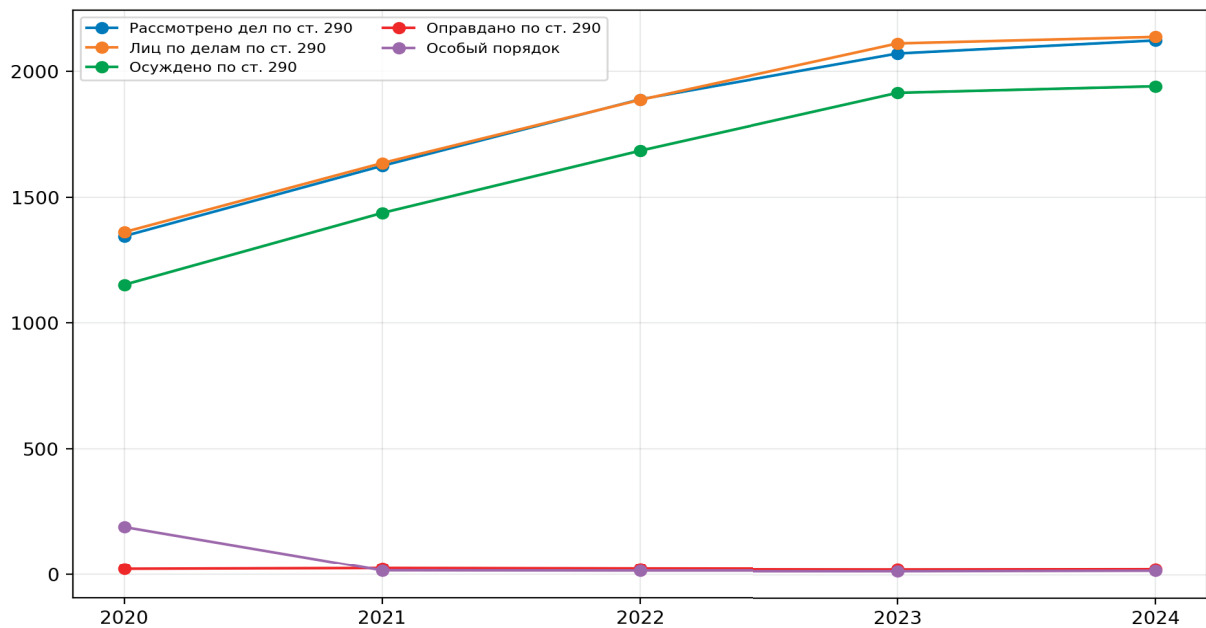

Рис. 2. Динамика основных показателей по ст. 290 УК РФ в 2020–2024 гг. [13]

ничеством. Это означает, что «криптовзятка» пока не меняет статистическое отображение ст. 290 УК РФ, но существенно меняет доказательственную характеристику: такие дела сложнее, технологичнее и сильнее зависят от цифровой криминалистики. Проиллюстрируем это в таблице 3.

Таблица 3

Статья	Осуждено в 1 полугодии 2025 г.	Характеристика
290	2 604	лидирующий коррупционный состав [13]
291	1 627	уступает ст. 290, но остается массовым [13]
291.1	н/д в тексте статьи	точное число в публикации не раскрыто [13]
291.2	2 014	второй по распространенности блок [13]
204	749	заметно уступает классическому взяточничеству [13]

Таким образом, представляется сделать следующие выводы.

Получение взятки в цифровой валюте уже квалифицируется по ст. 290 УК РФ как получение имущественной выгоды. Судебная практика, хотя и немногочисленная, подтверждает допустимость такого подхода.

Тенденции практики состоят в переходе коррупционных платежей в цифровую среду, усилении роли электронных доказательств и расширении судебных механизмов конфискации криптоактивов. Проблемы практики — отсутствие прямого упоминания цифровой валюты в ст. 290 УК РФ, отсутствие единых правил опре-

деления курса актива, неопределенность момента окончания преступления и неполная регламентация обращения цифровой валюты в доход государства.

Для решения выявленных проблем целесообразно: дополнить разъяснения Пленума Верховного Суда РФ прямым указанием на цифровую валюту как возможный предмет получения взятки; унифицировать подход к определению ее стоимости на момент преступления; закрепить стандарты доказывания принадлежности криптокошелька; выработать специальный процессуальный порядок ареста, хранения и реализации цифровой валюты.

Литература:

1. Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <https://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007310056> (дата обращения: 22.03.2026).
2. Уголовный кодекс Российской Федерации: ст. 290 // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/6411e005f539b666d6f360f202cb7b1c23fe27c3/ (дата обращения: 22.03.2026).
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» // Верховный Суд РФ. URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/own/28635/> (дата обращения: 22.03.2026).
4. Пензенский областной суд. Карточка производства по делу № 2–2/2021 // VS RF. URL: <https://vsrf.ru/lk/practice/cases/11277138> (дата обращения: 22.03.2026).
5. Верховный Суд Республики Мордовия. Карточка производства по делу № 2–7/2023–23сс // VS RF. URL: <https://vsrf.ru/lk/practice/appeals/22–36052625> (дата обращения: 22.03.2026).
6. Никулинский районный суд г. Москвы вынес решение по гражданскому делу в отношении Тамбиева М. Х. // Московский городской суд. URL: <https://www.mos-gorsud.ru/rs/nikulinskij/news/nikulinskij-rajonnij-sud-g-moskvy-vynes-reshenie-po-grazhdanskomu-delu-v-otnoshenii-tambieva-mh> (дата обращения: 22.03.2026).
7. Балашихинский городской суд Московской области. Карточка дела № 1–350/2024 // ГАС «Правосудие». URL: https://balashihinsky—mo.sudrf.ru/modules.php?case_id=899414776&case_uid=13d6fbb3-ab2b-47ea-ac41-8a20dd94223f&delo_id=1540006&name=sud_delo&name_op=case&srvc_num=1 (дата обращения: 22.03.2026).
8. Суд изъял активы экс-сотрудника МВД: дело № 02–1190/2026 // Право.ru. URL: <https://pravo.ru/news/262199/> (дата обращения: 22.03.2026).
9. Абросимов, И. И. Некоторые размышления о предмете взятки/И. И. Абросимов// CyberLeninka. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-razmyshleniya-o-predmete-vzyatki> (дата обращения: 22.03.2026).
10. Киен, Л. Ч. Обращение криптовалюты в доход Российской Федерации: обзор первой практики/Л. Ч. Киен// CyberLeninka. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obraschenie-kriptovalyuty-v-dohod-rossiyskoy-federatsii-obzor-pervoy-praktiki> (дата обращения: 22.03.2026).
11. Корня, А. Лучше меньше, да чаще/А.Корня// Коммерсантъ. 20.10.2025. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8139111> (дата обращения: 22.03.2026).
12. Миллер, В. Ю. К вопросу об объективной стороне получения взятки/В. Ю. Миллер// CyberLeninka. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-obektivnoy-storone-polucheniya-vzyatki> (дата обращения: 22.03.2026).
13. Статистика по уголовным делам за 2020–2024 гг. // Агентство правовой информации. URL: <https://stat.апи-пресс.рф/stats/ug/t/11/s/1-> (дата обращения: 16.11.2025).

Криминалистика как наука о следах: закономерности развития, проблемы и перспективы

Филимонова Ульяна Вячеславовна, студент магистратуры

Научный руководитель: Смахтин Евгений Владимирович, доктор юридических наук, профессор
Тюменский государственный университет

В статье автор исследует современное состояние и развитие криминалистического учения о следах.

Ключевые слова: *трасология, следы преступления, криминалистическая техника, следственные действия.*

Криминалистическое учение о следах (трасология) остается фундаментальной отраслью криминалистической техники, играющей ключевую роль в процессе доказывания по уголовным делам. Его значение обусловлено возможностью установления групповой принадлежности объектов, их индивидуальной идентификации, получения информации об особенностях следообразующих объектов и обстоятельствах расследуемого события [3, с. 75]. Однако динамичное развитие науки, технологий и самой преступной деятельности диктует необходимость постоянного совершенствования научно-практического инструментария трасологии, пересмотра устоявшихся понятий и классификаций, адекватного ответа на новые вызовы, такие как повсеместная цифровизация.

Категория «след» является базовой для трасологии, однако ее содержание неоднозначно и контекстуально зависимо. Исторически сложилось разделение следов на материальные (физические изменения в обстановке, предметах) и идеальные (психические образы события, сохранившиеся в памяти человека). Однако стремительное развитие информационных технологий выявило ограниченность этой дуальной классификации. Практика расследования все чаще сталкивается со следами, существующими в цифровой среде — на электронных носителях или в сетевом пространстве.

Анализ научных подходов позволяет сформулировать универсальное определение: следы преступления представляют собой интегративную информационную систему, включающую любое объективное материальное (физическое) отображение свойств вещей и явлений, связанных с совершением преступления, а также любое криминалистически значимое отражение события преступления, существующее в виде информации [1, с. 163]. Это определение охватывает как традиционные материальные следы (отпечатки, вещества, предметы), так и идеальные образы, и принципиально новые формы — цифровые следы.

Цифровые следы — это криминалистически значимые отображения (информация), образованные в результате взаимодействия с электронными носителями или в информационно-телекоммуникационных сетях, представленные в дискретном виде, пригодном для автоматизированной обработки. Они занимают промежуточное положение и не сводятся полностью ни к материальным, ни к идеальным следам. Важно разграничивать понятия:

Цифровые следы — родовое понятие, охватывающее все следы, существующие в цифровой форме.

Виртуальные следы — вид цифровых следов, специфически расположенных в сетевом киберпространстве (Интернет, облачные сервисы, соцсети, мессенджеры), доступ к которым возможен только опосредованно, через сети [2, с. 177]. Таким образом, всякий виртуальный след является цифровым, но не всякий цифровой след является виртуальным (например, файл на изъятom жестком диске — цифровой, но не виртуальный след).

Необходимость включения цифровых следов в базовую классификацию продиктована их растущим криминалистическим значением в эпоху информатизации всех сфер жизни, включая преступную деятельность, и их принципиально иным механизмом следообразования и существования.

Трасология обладает значительным методологическим потенциалом, выходящим за рамки криминалистики и судебной экспертизы. Внутри криминалистики трасология служит методологической основой для баллистики, документоведения, взрывотехники, КЭМВИ и др.

Микротрасология выделилась как самостоятельное научное направление в рамках трасологии, фокусирующееся на изучении микроследов, микропризнаков и микрочастиц (размером менее 2 мм, часто менее 0.1 мм). Ее обособление обусловлено специфическими закономерностями возникновения и сохранения микрообъектов, требующими особых методов обнаружения (электростатические подъемники, специальные реагенты), фиксации (микрофотосъемка, стоматологические слепочные массы) и исследования (высокоразрешающая микроскопия). Владение методиками микротрасологии стало неотъемлемым элементом профессиональной подготовки современных следователей, экспертов и специалистов [3].

Актуальные проблемы в практике работы со следами связаны с несколькими важными аспектами. Во-первых, несмотря на закрепленное в ст. 58, 168 УПК РФ право следователя привлекать специалиста, на практике его участие, особенно для обнаружения специфических следов (биологических, микрочастиц, цифровых), часто игнорируется или является формальным [6, с. 370]. Это ведет к риску утраты или повреждения следов, неэффективному использованию криминалистической техники. Актуальна проблема внедрения новейших достижений науки (рамановская спектроскопия, методы анализа на атомно-моле-

кулярном уровне) в следственную практику. При осмотре места происшествия и обыске специалист-криминалист способен существенно повысить эффективность выявления, фиксации и изъятия следов, обеспечить их сохранность, грамотно применить технические средства и проконсультировать следователя.

Работа со следами рук включает вопросы выявления и обработки ДНК-контаминации и применение новых технологий. Для обнаружения следов рук на сложных поверхностях необходимо совершенствовать дактилоскопические порошки (в том числе флуоресцентные для липких поверхностей) и источники экспертного света (лазерные системы или источники с длиной волны 450 нм для сохранения ДНК). Критической проблемой является контаминация ДНК следов рук посторонним генетическим материалом с рук специалистов, инструментов, многоразовых кистей или даже из состава порошков. Решение видится в использовании одноразовых ДНК-фри (DNA free) материалов, строгом соблюдении протоколов работы в защитной одежде и разработке портативных устройств для УФ-обеззараживания инструментария в полевых условиях [3].

Перспективным направлением является автоматизация трасологических экспертиз и использование нейросетей. Особенно актуально автоматизировать задачи по анализу изображений и 3D-сканированию следов обуви — определение пригодности следа и сравнение изображений. Особый интерес представляют технологии нейронных сетей (нейросетей), способные к самообучению и показавшие высокую эффективность в предварительной идентификации следов обуви [7]. Их роль заключается в оптимизации, ускорении и повышении эффективности рутинных операций (обработка данных, распознавание, сравнение), освобождая эксперта для решения сложных задач. Однако окончательные выводы должны оставаться прерогативой эксперта-человека, а внедрение требует решения вопросов правового статуса и валидации методик.

Что касается цифровых (виртуальных) следов, то они могут быть обнаружены на изъятых носителях (компьютеры, смартфоны, флешки), в записях систем видеонаблюдения, в сетевом пространстве (соцсети, мессенджеры, форумы) через аккаунты, IP-адреса, уникальные идентификаторы [4]. Ключевое значение имеет оперативность из-за высокого риска уничтожения или изменения следов в сети. Процесс изъятия таких данных регламентирован статьей ст. 164.1 УПК РФ требует обязательного участия специалиста при изъятии любого электронного носителя информации. Это избыточно для простых случаев (изъятие смартфона, флешки), но критически важно

для сложных манипуляций (извлечение HDD из сервера). Жесткое требование ко всем ситуациям создает неоправданные процессуальные сложности и риски признания доказательств недопустимыми [5]. Предлагается дополнить ст. 164.1 УПК РФ ч. 2.1: «В случаях, когда изъятие электронного носителя информации в ходе производства следственного действия не связано с его отключением от более сложного технического устройства или извлечением из состава более сложного технического устройства, участие специалиста не является обязательным». Это обеспечит разумную дифференциацию.

Для обеспечения сохранности, при работе с цифровыми следами необходимо исключить: физические повреждения носителей, воздействие прямых солнечных лучей, нагревание, электромагнитные поля, некорректное отключение устройств [4].

Криминалистическое учение о следах сохраняет свою фундаментальную значимость, непрерывно развиваясь и адаптируясь к современным реалиям. Признание цифровых следов в качестве самостоятельной базовой категории наряду с материальными и идеальными следами является научно и практически обоснованным. Дальнейшее развитие трасологии предполагает углубление теоретической проработки механизма формирования цифровых следов, совершенствование технических средств и методов работы как с традиционными, так и с цифровыми следами. В частности, необходимо решать проблему ДНК-контаминации, внедрять новые источники света и разрабатывать специализированные реагенты, а также создавать инструменты для сетевого мониторинга, безопасного изъятия и анализа цифровых данных. Важным направлением является активное внедрение элементов автоматизации и технологий искусственного интеллекта, таких как нейросети, что позволит повысить эффективность и скорость обработки информации при сохранении ведущей роли эксперта в формировании выводов. Не менее важно совершенствовать уголовно-процессуальное регулирование, в частности, дифференцировать требования к участию специалиста при изъятии электронных носителей, что предлагается закрепить в поправке к статье 164.1 УПК РФ. Также необходимо повышать уровень профессиональной подготовки следователей, дознавателей, экспертов и специалистов в области классической трасологии, микротрасологии и современных цифровых технологий работы со следами. Только комплексный подход, который включает развитие теории, внедрение передовых технологий и адекватное правовое регулирование, позволит криминалистическому учению о следах оставаться эффективным инструментом в борьбе с преступностью в XXI веке.

Литература:

1. Сафаргалиева О. Н. О понятии и содержании следов в криминалистике // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2010. № 2 (23). С. 161–166.
2. Переверзева Е. С., Комов А. В. Виртуальные и цифровые следы: новый подход в понимании // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2021. № 1 (89). С. 172–178.

3. Трасология и трасологическая экспертиза: учебник / под ред. И. В. Латышова. — Волгоград: ВА МВД России, 2022. 524 с.
4. Льянов М. М. Процесс обнаружения виртуальных следов при расследовании преступлений // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2021. № 4 (58). С. 97–106.
5. Зуев С. В. Осмотр и изъятие электронных носителей информации при проведении следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий // Законность. 2018. № 4. С. 58–60.
6. Тхакумачев Б. Ю., Жиров Р. М. Криминалистические проблемы организации применения технических средств и методов для обнаружения, закрепления и изъятия следов и вещественных доказательств при производстве обыска и выемки // Право и государство: теория и практика. 2022. № 1 (205). С. 369–372.
7. Хаилов Н. М., Милованов М. М. Использование нейросетей в криминалистической идентификации: актуальное состояние и перспектива // Правовой альманах. 2023. № 9 (31). С. 41–46.

Ограничение прав должника: проблема границы правового принуждения в исполнительном производстве

Хаджиев Заур Маилович, студент магистратуры
Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России) (г. Москва)

В статье автор исследует проблему ограничения прав должника в рамках исполнительного производства, делая акцент на определение границ правового принуждения. Исполнительное производство, как ключевой механизм реализации судебных решений, может вступать в конфликт с конституционными правами личности, создавая дилемму между эффективностью взыскания и защитой базовых свобод должника. Автор анализирует правовую природу и виды ограничений, оценивает их соразмерность и законность через призму принципов пропорциональности и рационального вмешательства. В заключение предлагаются пути совершенствования законодательства, включая усиление судебного контроля над мерами ограничения и внедрение альтернативных механизмов урегулирования долгов.

Ключевые слова: правовое принуждение, исполнительное производство, должник, взыскатель, ограничение прав, пропорциональность, границы принуждения, защита прав, соразмерность, законность.

Исполнительное производство представляет собой завершающий этап судебной защиты, направленный на реализацию вступивших в законную силу решений. Однако в процессе принудительного исполнения могут возникать конфликты между интересами взыскателя и конституционными правами должника, которые могут быть ограничены. Проблема границы правового принуждения заключается в поиске баланса: с одной стороны, необходимо обеспечить эффективность исполнительного производства, с другой — предотвратить произвол и нарушение фундаментальных прав. Законодатель, ориентируясь на эффективность взыскания, часто смещает баланс в пользу интересов взыскателя, создавая риски «сверхпринуждения». В условиях макроэкономической нестабильности и роста долговой нагрузки граждан и юридических лиц эта проблема приобретает критически важное значение. Данная работа ставит целью проанализировать существующие меры ограничения прав должника, оценить их соответствие принципам правового государства и предложить элементы совершенствования механизма правоприменения.

Меры принуждения в исполнительном производстве — это не просто процессуальные действия, а публично-правовые ограничения конституционных прав.

Их правовая основа — Федеральный закон от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» [2]. В свою очередь Конституция РФ (ст. 35, ст. 22 и др.) устанавливает пределы для государственного вмешательства [1].

Органы, осуществляющие принудительное исполнение, должны соблюдать принцип справедливости и гарантировать, что должник не пострадает чрезмерно от исполнения решения. Согласно общему принципу справедливости, исполнительный орган должен действовать беспристрастно и надлежащим образом при выполнении своих служебных обязанностей. Кроме того, исполнительные обязанности должны выполняться быстро, эффективно и оперативно. Процедура не должна причинять должнику больше вреда, чем необходимо для достижения исполнения. Исполнительный орган также должен поощрять независимую инициативу должника и готовность сторон к примирению.

Поскольку принудительное исполнение является одним из аспектов отправления правосудия, требуемая справедливость имеет большее значение, чем административные процедуры. Основные элементы справедливости включают в себя:

- 1) право быть выслушанным,
- 2) беспристрастность государственного органа,

- 3) ограничение публичности,
- 4) обязанность обосновывать решение,
- 5) право на обжалование и
- 6) право на использование адвоката или юриста.

Сегодня принудительное взыскание во многом напоминает администрирование (в бюрократическом смысле), а не отправление правосудия. Например, режим «неограниченного ареста» стал массовой практикой, особенно при взыскании по административным и налоговым делам. Данный механизм не признает принцип специальности: арест должен покрывать именно сумму долга с учетом расходов на исполнение. Он парализует хозяйственную деятельность, превращая добросовестного, но неплатежеспособного предпринимателя в банкрота. Более того, он нарушает право на неприкосновенность собственности, так как замораживает средства, которые могут быть законным способом получены в будущем для погашения долга.

Ограничения при таких крупномасштабных практиках налагаются без личного контакта, без оценки жизненной ситуации должника, без попытки досудебного урегулирования. Должник, не владеющий правовыми знаниями, оказывается в «цифровой ловушке», без возможности эффективно оспорить такие меры «сверхпринуждения». Происходит дегуманизация процесса принудительного исполнения.

Как уже было отмечено выше, исполнительные органы обязаны защищать интересы должников по собственной инициативе. Поэтому должнику обычно не требуется адвокат. Судебный пристав должен следить за тем, чтобы должник не страдал больше, чем необходимо для исполнения решения, и соблюдать справедливость.

Проблема заключается в том, что делать с недисциплинированными платежеспособными должниками? Именно для них принудительное взыскание должно стать длительным и всеобъемлющим, становясь одновременно мягче в отношении честных должников, сталкивающихся с реальными финансовыми трудностями.

По запросу судебного пристава в рамках исполнительного производства добросовестный должник обязан правдиво предоставить судебным приставам следующую информацию, необходимую для исполнения решения:

- 1) личные и контактные данные должника и, в той мере, в какой это необходимо для исполнительного производства, информацию о членах семьи и лицах, проживающих с ним;
- 2) информацию о его имуществе и других активах, доходах, долгах, долях участия, влияющих на его финансовое положение;

3) информацию о любых вероятных изменениях этой информации в следующем году;

4) информацию о порядке определения заработной платы или другого регулярного дохода, а также информацию о месте работы и контактных данных работодателя или другого плательщика заработной платы;

5) информацию о местонахождении объекта или документа, являющегося предметом обязательства по передаче или установленной законом обязанности передачи судебному приставу;

6) информацию о договорах и обязательствах, влияющих на финансовое положение лица, а также об активах, управляемых или используемых им на основании переуступки прав или аналогичного соглашения;

7) информацию о переданных активах, произведенных платежах и заключенных сделках за или безвозмездно, если эта информация необходима для определения возможности использования иска о взыскании для возврата активов для принудительного исполнения.

Относительно хорошо защищенное положение должников можно рассматривать как проблему со стороны взыскателей. Однако в долгосрочной перспективе, как нам представляется, общество в целом, вероятно, получит больше пользы, если должники смогут продолжить свою жизнь или бизнес в обычном режиме.

В заключении отметим, что ограничение прав должника в исполнительном производстве представляет собой сложный правовой феномен, требующий тонкого баланса между эффективностью принуждения и защитой личности. Российская система ограничения прав должника в исполнительном производстве находится на пересечении двух полюсов: эффективности публичного принуждения и неотчуждаемых конституционных гарантий. В текущем виде эта система склоняется к первому, порождая системные риски для социальной стабильности и деловой репутации добросовестных, но неплатежеспособных граждан и предпринимателей.

Решение проблемы лежит не в отказе от принуждения, а в его кардинальной гуманизации и рационализации. Возможными мерами здесь могут быть:

- переход от культуры «взыскания любой ценой» к культуре «ответственного исполнения обязательств»;
- активная правозащитная позиция судов при рассмотрении жалоб, с применением развитых критериев пропорциональности с учетом конкретных жизненных обстоятельств должника;
- активное внедрение альтернативных механизмов, таких как медиация или реструктуризация долгов, до применения жестких мер.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации со всеми изменениями и дополнениями. Комментарий к статьям КРФ (Основного закона государства). — URL: <https://constrf.ru/#constrf> (дата обращения: 27.03.2026). — Текст: электронный.
2. Федеральный закон от 2 октября 2007 года N 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» // Собрание законодательства Российской Федерации, 2007, N 41.

Процессуальная дихотомия потерпевшего и частного обвинителя: проблемы реализации статусов в условиях цифровизации и гуманизации уголовного судопроизводства

Хаматьярова Альбина Айратовна, студент магистратуры

Научный руководитель: Кулешов Юрий Николаевич, кандидат юридических наук, доцент
Казанский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

В статье анализируются актуальные проблемы реализации процессуальных статусов потерпевшего и частного обвинителя в российском уголовном судопроизводстве. Автор рассматривает дуалистическую природу данных участников, выявляет коллизии, возникающие при совмещении статусов, а также исследует влияние цифровизации (ведения электронных уголовных дел) и института примирения на эффективность защиты прав личности. На основе анализа судебной практики последних лет предлагаются пути совершенствования законодательства, направленные на устранение дискриминации частного обвинителя по сравнению с потерпевшим по делам публичного обвинения.

Ключевые слова: потерпевший, частный обвинитель, уголовное судопроизводство, доступ к правосудию, цифровизация, примирение сторон, состязательность, статус участника процесса.

Procedural dichotomy of the victim and private prosecutor: problems of implementation of statuses in the context of digitalization and humanization of criminal proceedings

The article analyzes the current problems of implementing the procedural statuses of the victim and the private prosecutor in Russian criminal proceedings. The author examines the dualistic nature of these participants, identifies conflicts arising from the combination of statuses, and explores the impact of digitalization (maintenance of electronic criminal cases) and the institution of reconciliation on the effectiveness of protecting individual rights. Based on an analysis of judicial practice in recent years, the study proposes ways to improve legislation aimed at eliminating discrimination against the private prosecutor compared to the victim in public prosecution cases.

Keywords: victim, private prosecutor, criminal proceedings, access to justice, digitalization, reconciliation of parties, adversarial system, status of a participant in proceedings.

Институт защиты прав лиц, пострадавших от преступлений, является индикатором зрелости правового государства. В российском уголовном процессе ключевыми фигурами, инициирующими уголовное преследование, выступают потерпевший (по делам публичного и частно-публичного обвинения) и частный обвинитель (по делам частного обвинения). Несмотря на формальное равенство прав, предусмотренное ст. 42 и ст. 43 УПК РФ, на практике реализация этих статусов сопряжена с рядом системных противоречий [4].

Актуальность исследования обусловлена двумя факторами. Во-первых, продолжающейся гуманизацией уголовного законодательства (расширение оснований для примирения, ст. 25 УПК РФ), что часто вступает в конфликт с волей потерпевшего. Во-вторых, цифровой трансформацией судебной системы (внедрение электронного уголовного дела, подача заявлений через портал Госуслуг), которая создает новые барьеры для лиц, не обладающих достаточной цифровой грамотностью, особенно в сфере частного обвинения [2].

Цель работы — выявить правовые пробелы в регулировании статусов потерпевшего и частного обвинителя, предложить практико-ориентированные механизмы их устранения с учетом современных тенденций судебной практики и законодательных инициатив 2022–2024 гг.

Правовая природа статусов и проблема их совмещения

В доктрине уголовного процесса дискуссионным остается вопрос о соотношении статусов потерпевшего и частного обвинителя. Частный обвинитель является производным от потерпевшего, но наделяется функциями обвинения, что ставит его в положение стороны, отличное от классического потерпевшего по публичным делам [1].

Ключевой проблемой остается «вынужденное совмещение» статусов. Если по делам частного обвинения лицо автоматически становится частным обвинителем после подачи заявления мировому судье, то по делам публичного обвинения потерпевший лишен права самостоятельно формулировать и поддерживать обвинение в суде, если государственный обвинитель отказывается от иска или изменяет его в сторону смягчения.

Практический пример № 1

В производстве мирового судьи судебного участка № 5 г. Казани находилось уголовное дело частного обвинения по ст. 116.1 УК РФ (побои лицом, подвергнутым административному наказанию). Потерпевшая (она же

частный обвинитель) не явилась в судебное заседание в связи с болезнью, не уведомив суд. Судья на основании ч. 3 ст. 249 УПК РФ прекратил уголовное дело в связи с неявкой частного обвинителя. При этом потерпевшая утратила право на повторное обращение, так как сроки давности привлечения истекли. Данный пример иллюстрирует повышенный риск для частного обвинителя по сравнению с потерпевшим по публичным делам, где неявка не влечет автоматического прекращения дела.

Коллизии реализации права на примирение

Возможности прекращения уголовных дел в связи с примирением сторон, предусмотренные ст. 25 УПК РФ, были расширены, что нашло отражение в судебной практике. Однако анализ судебной практики показывает, что в делах частного обвинения суды зачастую игнорируют принцип добровольности примирения, оказывая давление на стороны с целью разгрузки судебной нагрузки.

В контексте потерпевших по публичным обвинениям наблюдается обратная тенденция: суды нередко отказывают в прекращении дела за примирением, даже если потерпевший заявил соответствующее ходатайство, ссылаясь на «общественный интерес» или «незначительное возмещение вреда», что противоречит разъяснениям Пленума Верховного Суда РФ (Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 19 от 27.06.2013 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности») [3].

Практический пример № 2

Гражданин К. был признан потерпевшим по ч. 1 ст. 161 УК РФ (грабеж). Подсудимый полностью возместил ущерб, принес извинения. Потерпевший К. написал заявление о прекращении дела за примирением. Суд первой инстанции отказал, мотивируя это тем, что преступление относится к категории средней тяжести и имеет высокую общественную опасность. Апелляционная инстанция (определение Московского городского суда от 15.03.2023) отменила приговор, указав, что формальное наличие состава преступления не является препятствием для применения ст. 25 УПК РФ при наличии всех условий и волеизъявления потерпевшего [6]. Данный пример демонстрирует сохраняющуюся судебскую дискрецию, которая делает статус потерпевшего нестабильным.

Цифровизация как фактор трансформации статуса

Активное внедрение электронного документооборота (в частности, введение ст. 189.1 УПК РФ, регламентирующей проведение следственных действий с использованием видео-конференц-связи [5]) и создание единой информационной системы судебного делопроизвод-

ства породили новую проблему: цифровой разрыв между участниками [2].

Для частных обвинителей подача заявления мировому судье в электронном виде через портал Госуслуг (сервис «Правосудие онлайн») стала обязательной во многих регионах. Однако отсутствие у гражданина квалифицированной электронной подписи или технических средств затрудняет доступ к правосудию. В то же время потерпевшие по публичным делам, имея возможность знакомиться с материалами дела в электронном виде (ст. 217 УПК РФ), зачастую сталкиваются с техническими ограничениями (низкое качество сканирования, отсутствие поиска по тексту), что нарушает их право на полное ознакомление.

Анализ

С точки зрения процессуальной науки, цифровизация не должна изменять сущность правового статуса. Однако практика показывает, что у потерпевшего (особенно по делам о преступлениях в сфере экономики) возникает право заявлять ходатайства о приобщении цифровых доказательств (криптокошельков, данных мессенджеров), тогда как частный обвинитель, не обладающий оперативно-розыскными полномочиями, фактически лишен возможности легально изъять такие доказательства у третьих лиц [4].

Проблема обеспечения состязательности

В науке уголовного процесса (работы С. В. Лозовского, 2023; А. Ю. Епихина, 2024) подчеркивается, что статус частного обвинителя является «урезанной» версией стороны обвинения [2,1]. В отличие от государственного обвинителя, частный обвинитель:

1. Не может ходатайствовать об исключении доказательств, полученных с нарушением закона, если эти доказательства представлены защитой, на равных основаниях с государственным обвинителем (на практике суды отказывают в таких ходатайствах, ссылаясь на отсутствие у частного обвинителя «властных полномочий») [1];
2. Не обладает правом на получение квалифицированной юридической помощи за счет государства, даже если дело представляет особую сложность, в отличие от подозреваемого (обвиняемого).

Практический пример № 3

Частный обвинитель С. обратился к мировому судье с заявлением о привлечении соседа к ответственности по ч. 1 ст. 115 УК РФ (умышленное причинение легкого вреда здоровью). В ходе судебного разбирательства защитник обвиняемого заявил ходатайство о назначении повторной судебно-медицинской экспертизы, сославшись на сомнения в компетенции первичного эксперта. Судья удовлетворил ходатайство. Частный обви-

нитель С., не имея специальных медицинских познаний и средств на привлечение специалиста, оказался неспособен эффективно оспорить выводы новой экспертизы, которая установила отсутствие вреда здоровью. Дело было прекращено за отсутствием состава преступления. Данный кейс иллюстрирует нарушение принципа состязательности, когда непрофессиональный обвинитель ставится в заведомо неравные условия с профессиональным защитником.

Пути совершенствования законодательства

На основе проведенного анализа представляется целесообразным предложить следующие изменения в УПК РФ:

1. Уравнивание процессуальных гарантий. Внести изменения в ст. 43 УПК РФ, предоставив частному обвинителю право на бесплатную юридическую помощь (адвоката за счет государства) в случае, если уголовное дело частного обвинения не было прекращено на стадии назначения судебного заседания и представляет сложность для лица, не обладающего юридическим образованием. Аналогия — институт защитника по назначению.

2. Реформа института примирения. Законодательно закрепить обязательность участия медиатора (профессионального примирителя) в делах частного обвинения, что позволит снизить нагрузку на мировых судей и обеспечить действительную добровольность волеизъявления потерпевшего, исключив административное давление суда.

3. Цифровая асимметрия. Ввести в ст. 42 УПК РФ обязанность органа предварительного расследования предоставлять потерпевшему материалы дела в машиночитаемом формате (с возможностью поиска и копирования) по его ходатайству. Для частных обвинителей предусмотреть возможность подачи заявления в суд в простой письменной форме без обязательного использования Единого портала Госуслуг до момента устранения технических барьеров.

Проведенное исследование позволяет утверждать, что современное уголовно-процессуальное регулирование статусов потерпевшего и частного обвинителя не в полной мере соответствует принципу состязательности и равенства сторон. Несмотря на общую гуманизацию процесса, лицо, пострадавшее от преступления, сталкивается с дилеммой: обладая формально широкими правами, оно зачастую не имеет реальных механизмов их реализации, особенно в условиях цифровизации и при переходе от публичного к частному обвинению.

Дальнейшее развитие института должно идти по пути нивелирования различий между статусом потерпевшего по публичным делам и частного обвинителя, а также усиления государственной поддержки лиц, самостоятельно осуществляющих функцию обвинения. Перспективным направлением научного поиска является разработка критериев объективной необходимости участия адвоката для потерпевшего и частного обвинителя за счет государства, что позволит реализовать конституционное право на доступ к правосудию в полном объеме.

Литература:

1. Епихин, А. Ю. Частный обвинитель в уголовном судопроизводстве России: проблемы процессуальной самостоятельности / А. Ю. Епихин // Российская юстиция. — 2024. — № 2. — С. 28–32.
2. Лозовский, С. В. Цифровизация уголовного процесса: баланс интересов потерпевшего и обвиняемого / С. В. Лозовский // Законность. — 2023. — № 4. — С. 15–19.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2013. — № 8.
4. Масленникова, Л. Н. Процессуальная дихотомия потерпевшего и частного обвинителя в условиях цифровой трансформации правосудия / Л. Н. Масленникова // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). — 2023. — № 11. — С. 102–110.
5. Федеральный закон от 30.12.2021 № 501-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Российская газета. — 2022. — 11 января.
6. Апелляционное определение Московского городского суда от 15.03.2023 по делу № 10–4562/2023 (уголовное) // Архив Московского городского суда.

Доктринальные подходы к пониманию корпоративных отношений в России, США и КНР: сравнительный анализ

Хугаева Диана Цезаревна, студент магистратуры

Научный руководитель: Соловых Сергей Николаевич, кандидат юридических наук, доцент
Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского

В статье анализируются доктринальные подходы к определению корпоративных отношений в России, США и Китае.

Ключевые слова: корпоративные отношения, Россия, США, КНР.

Корпоративные отношения являются центральным понятием корпоративного права, однако их правовая природа и содержание трактуются по-разному в зависимости от национальной правовой системы, вопросы понимания правовых подходов представляю важность для внешнеэкономической деятельности организаций.

В российском праве легальное определение корпоративных отношений закреплено в ст. 65.1 ГК РФ: это отношения, связанные с участием в корпоративных организациях или с управлением ими. Однако доктринальная дискуссия о природе этих отношений продолжается. Е. А. Суханов определяет корпоративные правоотношения как особый вид организационных отношений, возникающих в связи с членством в корпорации [1, с. 145]. В. А. Белов, напротив, делает акцент на имущественной составляющей, утверждая, что корпоративные отношения всегда имеют имущественную основу [2, с. 112]. Комплексный подход Д. В. Ломакина объединяет организационные и имущественные элементы: корпоративные отношения — это «совокупность имущественных и организационных связей между участниками корпорации по поводу управления ею и распределения результатов её деятельности» [3, с. 78]. Российская доктрина также выделяет проблему разграничения корпоративных и обязательственных отношений. С. Д. Могилевский отмечает, что отсутствие чётких критериев создаёт сложности в правоприменении, особенно в холдинговых структурах [4, с. 115].

В США отсутствует единое законодательное определение корпоративных отношений. Доминирующей в американской науке является договорная теория (*pexus of contracts*), развитая Р. Познером, Ф. Истербруком и др. Согласно этой теории, корпорация — это «узел договоров» между поставщиками капитала, труда, материалов и другими участниками, которые согласовывают свои интересы через систему контрактов [5]. Корпоративные отношения, таким образом, сводятся к совокупности добровольных договорных связей, что обосновывает минимальное государственное вмешательство. Важнейшим элементом американской модели являются фидуциарные обязанности директоров и офицеров — *duty of care* (обязанность должной осмотрительности) и *duty of loyalty* (обязанность лояльности). Эти обязанности, закреплённые в § 8.30 MBCA и развитые судебной практикой (например, дело *Smith v. Van Gorkom*), составляют ядро корпора-

тивных отношений, обеспечивая баланс интересов между менеджментом и акционерами [6, с. 77].

В КНР корпоративные отношения регулируются Законом «О компаниях» 1993 г. (в ред. 2005 г. и последующих). Статья 3 Закона определяет компанию как юридическое лицо, имеющее независимое имущество, а статья 4 закрепляет права акционеров на получение доходов, участие в управлении и выбор управляющих. Однако китайская доктрина формировалась под влиянием перехода от плановой экономики к социалистической рыночной, что придало ей выраженный государственно-центрический характер. Исследователь Ван Лиминь подчёркивает, что в китайском праве корпоративные отношения понимаются прежде всего, как отношения между компаниями как целым и её участниками, построенные по иерархическому принципу [7, с. 89]. Это отражает традиционную для китайской правовой культуры идею о приоритете коллективного (государственного) интереса над частным. Чжан Вэйсинь акцентирует роль государства как регулятора и участника корпоративных отношений, особенно в компаниях с государственным участием [8, с. 112]. Особые положения о таких компаниях (ст. 64–70 Закона) устанавливают для них особый режим, что свидетельствует о сохранении государственного контроля даже после акционирования. В последние десятилетия в китайской науке усиливается рыночно-ориентированный подход (Чэнь Цзяньфу, Ван Хуэй), который трактует корпоративные отношения как экономические связи, возникающие в рыночной деятельности [9, с. 56]. Тем не менее, государственное влияние остаётся системообразующим фактором, что отличает китайскую модель от западных аналогов.

Проведённый сравнительный анализ показывает, что доктринальные подходы к пониманию корпоративных отношений в России, США и КНР формируются под влиянием национальных правовых традиций и экономических моделей. В США корпоративные отношения интерпретируются преимущественно через договорную теорию, что обуславливает высокую степень свободы договора и развитую систему фидуциарных обязанностей. В России доминирует комплексный подход, сочетающий организационные и имущественные элементы, но сохраняются проблемы разграничения корпоративных и обязательственных отношений. Китайская модель представляет собой уникальный симбиоз ры-

ночных институтов и государственного контроля, что отражается в иерархическом понимании корпоративных отношений и особом режиме для компаний с государственным участием.

Для российской правовой системы перспективным представляется заимствование отдельных элементов аме-

риканской модели (уточнение фидуциарных обязанностей, упрощение процедур производных исков) и учёт китайского опыта регулирования смешанных компаний. Однако любая имплементация должна учитывать особенности российской правовой традиции и экономической структуры.

Литература:

1. Суханов, Е. А. Сравнительное корпоративное право / Е. А. Суханов. — Москва: Статут, 2020. — 456 с. — Текст: непосредственный.
2. Белов, В. А. Гражданское право: в 2 т. Т. 1 / В. А. Белов. — Москва: Юрайт, 2019. — 672 с. — Текст: непосредственный.
3. Ломакин, Д. В. Корпоративные правоотношения / Д. В. Ломакин. — Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2018. — 320 с. — Текст: непосредственный.
4. Могилевский, С. Д. Корпоративное право / С. Д. Могилевский. — Москва: Норма, 2021. — 480 с. — Текст: непосредственный.
5. Познер, Р. Экономический анализ права / Р. Познер // The Journal of Legal Studies. — 1973. — С. 399–458. — Текст: непосредственный.
6. Соловьева, С. В. Правовая природа корпоративного договора в праве США / С. В. Соловьева // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. — 2018. — № 2 (69). — С. 75–80. — Текст: непосредственный.
7. Ван, Лимин. Договорное право: китайская специфика Закона «О договорах» / Лимин Ван; перевод с китайского К. В. Батыгина. — Москва: Шанс, 2017. — 436 с. — Текст: непосредственный.
8. Хан, Вэйсинь. Корпоративное управление в Китае / Вэйсинь Хан; перевод с китайского. — Шанхай: Народное издательство, 2020. — 312 с. — Текст: непосредственный.
9. Чэнь, Цзяньфу. Китайское право: контекст и трансформация / Цзяньфу Чэнь; перевод с английского. — Лейден: Brill, 2015. — 650 с. — Текст: непосредственный.
10. Model Business Corporation Act (MBCA) // American Bar Association. — Текст: электронный. — URL: <https://www.americanbar.org> (дата обращения: 10.03.2026).

Банкротство физических лиц: проблемы теории и практики

Цаплин Константин Олегович, студент магистратуры
Московский университет «Синергия»

Введение института внесудебного банкротства граждан стало значительным шагом на пути к повышению доступности процедуры несостоятельности и защите прав граждан, оказавшихся в сложной финансовой ситуации. Долгое время единственным способом легального списания долгов являлось судебное банкротство, которое требовало значительных временных и финансовых затрат, а также наличия профессионального посредника в лице арбитражного управляющего. Это создавало барьеры для многих должников, которые, несмотря на невозможность исполнения обязательств, не могли воспользоваться законным механизмом освобождения от долгов.

Ключевые слова: несостоятельность (банкротство), банкротство гражданина, внесудебное банкротство, должник, кредитор, освобождение от исполнения обязательств.

Институт несостоятельности (банкротства) физических лиц в России имеет давнюю историю, начавшуюся с Федерального закона от 08.01.1998 № 6-ФЗ, глава IX которого была посвящена банкротству граждан. Однако, эта норма носила скорее теоретический характер, поскольку ее практическое применение было обусловлено внесением поправок в Гражданский кодекс РФ, что произошло значительно позже.

Действующий Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» также предусматривал банкротство граждан, но его вступление в силу в этой части было связано с аналогичными законодательными изменениями. Реальный запуск процедуры банкротства для физических лиц произошел только в 2015 году с принятием Федерального закона от 29.06.2015 № 154-ФЗ. Этот закон внес изменения в Гражданский ко-

декс РФ и главу IX Закона о банкротстве, урегулировав процедуру, которая позволяла гражданам добровольно инициировать признание себя банкротом с последующей возможностью освобождения от долгов.

Учитывая особую природу этого механизма, позволяющего гражданам, оказавшимся в трудном финансовом положении, избавиться от долговых обязательств, возникла идея упрощения процедуры и вывода части ее из судебного производства. В 2019 году был предложен законопроект о внесудебном банкротстве граждан, призванный снизить нагрузку на суды и повысить доступность процедуры. Изначально законопроект вызвал дискуссию по ряду вопросов, однако, его финальная версия, введенная в действие с 01.09.2020, сохранила возможность внесудебного банкротства для граждан с определенным уровнем долга, сделала процедуру бесплатной и передала ее рассмотрение многофункциональным центрам (МФЦ), исключив при этом участие арбитражных управляющих.

Впоследствии предпринимались попытки расширить доступность внесудебного банкротства, в том числе для малоимущих граждан, однако, подобные инициативы не получили одобрения.

16 ноября 2022 г. Президентом РФ были даны поручения по дальнейшему совершенствованию законодательства, предусматривающие, в частности, распространение процедуры внесудебного банкротства на граждан, получающих пенсии и пособия, а также на тех, чьи исполнительные производства длиться длительный срок.

Учитывая, что полная стоимость судебного банкротства (не менее 40 тысяч рублей на вознаграждение финансового управляющего и обязательные публикации, не считая услуг юристов) делает эту процедуру малодоступной для определенных категорий граждан, внесенные изменения, касающиеся внесудебного банкротства, вряд ли значительно повлияют на количество таких дел или на экономические результаты процедур.

Значительное улучшение экономических показателей банкротства и снижение нагрузки на суды, вероятно, возможно лишь путем перевода наиболее массовых и неоплатных долгов, таких как кредитные обязательства, во внесудебную процедуру. Поскольку большая часть долговых требований граждан связана с займами и кредитами, а кредиторами чаще всего выступают профессиональные участники рынка (банки, микрофинансовые организации, коллекторские агентства), способные оценивать риски неисполнения обязательств, такой подход представляется разумным и эффективным.

Существенным пробелом, пока что не замеченным законодателями, является отсутствие механизма информирования кредиторов о начале внесудебной процедуры банкротства. Закон о банкротстве обязывает должника при подаче заявления о внесудебном банкротстве предоставить список известных ему кредиторов с указанием их местонахождения, но прямого механизма извещения кредиторов со стороны МФЦ не предусмотрено.

Нормы Закона о банкротстве возлагают на МФЦ обязанность размещать информацию в ЕФРСБ, направлять уведомления в банки, где у должника есть счета, а также в ФССП. Однако, обязанности МФЦ уведомить кредиторов о начале процедуры банкротства должника отсутствуют.

Это создает существенную вероятность того, что кредиторы останутся неувещенными, и не смогут воспользоваться своим правом заявить об имуществе должника или оспорить совершенные им сделки.

Еще одной проблемой правового регулирования внесудебного банкротства является противоречие со статьей 25 ГК РФ, которая допускает банкротство гражданина исключительно по решению арбитражного суда, несмотря на то, что соответствующие изменения в Закон о банкротстве были внесены более двух с половиной лет назад [4].

С 3 ноября 2023 года действует Федеральный закон от 4 августа 2023 г. N 474-ФЗ. Поправки были направлены на расширение доступа граждан к упрощенной процедуре банкротства.

В соответствии с данными поправками подать заявление на внесудебное банкротство могут лица с долгом от 25 тысяч до 1 миллиона рублей, что существенно расширяет прежние рамки (от 50 тысяч до 500 тысяч рублей).

Также были смягчены требования для следующих категорий должников:

- пенсионеры;
- получатели ежемесячного пособия на ребенка;
- граждане, чьи исполнительные документы оставались неисполненными на протяжении семи лет.

Эти должники могут претендовать на внесудебное банкротство при выполнении определенных условий, подтвержденных справками (о статусе пенсионера, получателя пособия, или о неисполненных исполнительных документах).

Справки должны быть получены не ранее чем за три месяца до подачи заявления. Утвержденные формы справок и заявлений действуют до 1 июля 2024 года, после чего, при наличии технической возможности, предоставление таких документов станет необязательным благодаря интеграции в единую межведомственную систему.

Период ожидания перед повторной подачей заявления на внесудебное банкротство сокращен с десяти до пяти лет.

Расширены случаи, когда кредиторы могут инициировать судебное банкротство должника, проходящего внесудебную процедуру. Теперь это возможно при наличии обоснованных подозрений или доказательств наличия у должника имущества или дохода, либо фактов совершения сделок, ущемляющих интересы кредиторов и подлежащих оспариванию. Эти основания относятся к кредиторам, включенным в список, предоставленный должником.

К другим изменениям указанного Закона относятся:

— уточнения в порядке регистрации сведений о начале и завершении внесудебного банкротства в Едином федеральном реестре;

— предоставление финансовому управляющему права обращаться в трудовую инспекцию при выявлении нарушений трудовых прав гражданина, касающихся невыплаты заработной платы [1].

Наконец 23 мая 2025 г. были обнародованы и вступили в действие изменения в Закон о несостоятельности (банкротстве), расширяющие применение процедуры внесудебного банкротства для лиц, участвующих или участвовавших в специальной военной операции (ФЗ от 23 мая 2025 г. N 111-ФЗ).

Требования к военнослужащим, желающим инициировать процедуру внесудебного банкротства, схожи с условиями, предъявляемыми к пенсионерам:

— сумма задолженности должна находиться в пределах от 25 000 до 1 000 000 рублей.

— отсутствие имущества, подлежащего конфискации;

— наличие исполнительного документа, выданного не ранее чем за год до подачи заявления, по которому требования не были полностью или частично удовлетворены.

К заявлению о банкротстве требуется приложить документ, подтверждающий участие в специальной военной операции.

Кроме того, внесено уточнение, что установленные законом ограничения для финансового управляющего, касающиеся закрытия банковских счетов должника, а также запрет на самостоятельное открытие им счетов и получение средств по ним, не распространяются на счета, открытые гражданином для зачисления выплат, связанных с военной операцией, и совершения операций по ним [2].

Таким образом, процесс развития законодательства о внесудебном банкротстве граждан остается непрерывным. Постоянно возникают новые вызовы и потребности, связанные с изменяющимися экономическими условиями и общественными запросами.

Постоянно возникают новые вызовы и потребности, связанные с изменяющимися экономическими условиями и общественными запросами. Важно отметить, что дальнейшее совершенствование правовых норм должно быть направлено на достижение баланса между защитой прав добросовестных должников и обеспечением справедливого подхода к интересам всех участников правоотношений.

Литература:

1. Внесудебное банкротство гражданина: изменения с 3 ноября 2023 г. (обзор подготовлен экспертами компании «Гарант», 2023 г.) // СПС «Гарант».
2. Внесудебное банкротство для участников СВО: новеллы вступили в силу 23 мая 2025 г. (обзор подготовлен экспертами компании «Гарант», 2025 г.) // СПС «Гарант».
3. Росиков А. Внесудебное банкротство гражданина // Юридический справочник руководителя. 2023. N 5. С. 32–45 // СПС «КонсультантПлюс».
4. Шайхутдинов Е. М. Актуальные проблемы правового регулирования внесудебного банкротства гражданина // Юрист. 2023. N 11. С. 47–51 // СПС «КонсультантПлюс».
5. Конституция Российской Федерации Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ).
6. Федеральный конституционный закон «О Верховном Суде Российской Федерации» от 05.02.2014 № 3-ФКЗ.
7. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ.
8. Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 № 127-ФЗ.
9. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 03.08.2018)
10. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 N 95-ФЗ (ред. от 03.08.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 04.08.2018)
11. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 N 138-ФЗ (ред. от 03.08.2018).

Подходы к определению структуры и содержания договоров, используемых в рекламной деятельности

Чувакова Ирина Николаевна, студент магистратуры
Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина

В статье автор анализирует виды договоров, используемых в рекламной деятельности и предусмотренных Гражданским кодексом Российской Федерации. Также в статье изучены точки зрения авторов к определению структуры рекламных договоров. Высказывается позиция о закреплении на федеральном уровне примерной структуры рекламных договоров, а также о разработке унифицированных форм рекламных договоров.

Ключевые слова: реклама, рекламные отношения, рекламный договор, структура рекламного договора.

Развитие техники и технологий способствует расширению производства новой продукции и росту предложения новых услуг. При этом реклама — это один из действенных способов привлечения внимания к новому ассортименту товаров и услуг. В то же время производители товаров и услуг, преследуя цели наиболее быстрой и выгодной реализации, зачастую пренебрегают нормами рекламного законодательства.

По информации Федеральной антимонопольной службы Российской Федерации (далее — ФАС России) за первое полугодие 2025 года, «центральный аппарат и территориальные органы ФАС России рассмотрели 10615 заявлений о признаках нарушений рекламного законодательства. Ведомство возбудило 1757 дел и выдало 637 предписаний об устранении нарушений. По итогам рассмотрения административных дел ФАС России вынесла 772 постановления о наложении штрафов в сфере рекламы на общую сумму 101 478 000 рублей...» [1].

Однако, вышеуказанные мероприятия являются мерами пресечения уже наступивших нарушений. При этом в целях снижения числа нарушений в сфере рекламы наиболее эффективными являются меры превентивного характера.

В последнее время законодатели ужесточают требования к отдельным видам и способам размещения рекламы. Так, например, с текущего года Федеральный закон от 13 марта 2006 года № 38-ФЗ «О рекламе» (далее — Закон о рекламе) [2] дополнен положениями, направленными на снижение негативных последствий для граждан от рекламы, связанной с проведением процедуры банкротства.

Кроме того, с 1 марта 2025 года вступили в силу поправки в Закон о рекламе, усилившие требования к информационной прозрачности рекламы потребительских кредитов (займов) за счёт расширения перечня обязательных сведений, подлежащих раскрытию, включая условия о процентных ставках и полной стоимости потребительского кредита (займа).

Все изменения законодателей, безусловно, положительно влияют на выстраивание отношений на рекламном рынке. При этом соблюдение интересов и гарантий всех участников рекламного рынка можно достигнуть только путем заключения соглашения по всем интересующим вопросам.

Согласно Гражданскому кодексу Российской Федерации (далее — ГК РФ) [3, 4, 5, 6] соглашение двух или нескольких лиц об установлении, изменении или прекращении гражданских прав и обязанностей именуется договором.

В настоящее время Закон о рекламе и ГК РФ не содержат понятие договора, регулирующего правоотношения в сфере рекламной деятельности (далее — рекламный договор), а также не устанавливают требования к рекламному договору, несмотря на наличие такой необходимости.

Подходы к определению понятия «рекламный договор» встречаются в научных работах Каменского М. А. [7], Кидрячевой Д. П. [8], Степанюк Н. В. [9], Рахматулина Т. Э. [10], Шиловой М.А [11].

Также Каменский М. А. подчеркивает необходимость закрепления правового понятия рекламного договора. Стоит согласиться с его точкой зрения. Целесообразно включить определение рекламного договора в раздел «Общие положения» Закона о рекламе, а также установить в указанном разделе требования к рекламному договору.

Однако включение определения рекламного договора в Закон о рекламе остается первым шагом на пути выстраивания договорных отношений между участниками рекламного рынка.

Следующим шагом регулирования договорных отношений в сфере рекламы должна стать проработка типовой структуры рекламного договора, а в дальнейшем разработка комплекса типовых форм договоров для отдельных этапов рекламной деятельности, включая создание, размещение, распространение и продвижение рекламы.

Попробуем определить наиболее важные структурные элементы рекламного договора. Для определения элементов, формирующих структуру рекламного договора, представляется целесообразным проанализировать специфику отдельных договорных конструкций, предусмотренных гражданским законодательством и применяемых в настоящее время в сфере рекламной деятельности.

Стоит согласиться с точкой зрения Кожоназарова И.Р. что «первый вид договорных правоотношений представляет собой отношения между рекламодателем и рекламопроизводителем по изготовлению рекламного материала. Здесь речь идет об обязательствах по выполнению работ с законченным материализованным результатом, то есть о договоре подряда, где предметом договора является не только процесс выполнения подрядчиком работы, но главное — его результат, а именно создание рекламного материала...»

Второй вид договорных правоотношений представляет собой отношения между рекламодателем и рекламораспространителем по распространению рекламы, то есть о договоре возмездного оказания услуг, где предметом договора является либо совершение исполнителем определенных действий, либо осуществление им определенной деятельности». [12, с. 203–204].

Кроме того, для регулирования отношений, возникающий в процессе создания рекламных материалов и являющихся результатом интеллектуальной деятельности, применяются договоры авторского заказа.

Таким образом, на рекламном рынке могут использоваться договоры подряда, авторского заказа, возмездного оказания услуг, а также договоры, сочетающие элементы нескольких видов договоров — смешанные договоры.

Следует отметить, что в соответствии со статьей 432 ГК РФ договор считается заключенным, если стороны достигли соглашения по всем существенным условиям договора.

В п. 11 информационного письма Президиума Высшего Арбитражного суда Российской Федерации (далее — ВАС РФ) от 25.02.2014 № 165 «Обзор судебной практики по спорам, связанным с признанием договоров незаключенными» (далее — Информационное письмо) [13] указано, что заявление стороны договора о необходимости согласования какого-либо условия означает, что такое условие является существенным для данного договора. Договор, у которого не согласованы существенные условия, признается незаключенным (п. 1 Информационного письма).

Рассмотрим, какие условия являются существенными для договоров подряда, авторского заказа и возмездного оказания услуг, применяемых в рекламной деятельности.

Судебная практика по вопросу какие условия являются существенными для договора подряда является неоднозначной. Суды, включая ВАС РФ (п. 6 Информационного письма), считают, что существенным условием договора подряда помимо его предмета является срок выполнения работ. Также некоторые суды к таковым относят условие о цене работ.

Предмет договора подряда подлежит предельно точному определению: необходимо зафиксировать ожидаемый результат, его форму (формат), технические характеристики, а также критерии и показатели качества. При отсутствии согласования конкретного объема, видов и результатов работ договор, как правило, квалифицируется как незаключенный (определения ВАС РФ от 21.06.2010 № ВАС-6393/10 [14], от 28.07.2010 № ВАС-8703/10 [15], постановление ФАС Северо-Западного округа от 20.10.2004 по делу № А21-7986/03-С2) [16]. Эти подходы применяются и к подряду на создание рекламы.

Срок является существенным условием договора подряда, исходя из содержания ст. 708, 715 ГК РФ. Так, договор признается незаключенным, если его срок (в т. ч. начало работ) не согласован либо если сроки начала выполнения работ не урегулированы в договоре и приложениях к нему (определение ВАС РФ от 09.07.2010 № ВАС-8415/10 [17], постановление ФАС Уральского округа от 26.10.2009 № Ф09-8328/09-С5 [18]).

Для договора авторского заказа существенным условием являются его предмет (имущественные права на произведение), цена, срок и объем передаваемых имущественных прав. Договор может предусматривать отчуждение исключительного права либо предоставление лицензии.

Для отчуждения существенным условием договора является предмет договора (объект интеллектуальной собственности) и вознаграждение (ст. 1234 ГК РФ), а для предоставления лицензии — предмет, способы использования и вознаграждение (ст. 1286, подп. 1, 2 п. 6 ст. 1235 ГК РФ).

В договорах возмездного оказания услуг существенным условием является предмет (действия исполни-

теля). Иные условия становятся существенными по требованию стороны (ст. 432 ГК РФ). Во избежание споров следует детализировать вид, объем и способ оказания услуг (результат). При отсутствии требований к оформлению результата заказчик может быть обязан оплатить услуги и без акта (постановление АС Северо-Западного округа от 27.02.2020 № Ф07-1414/2020) [19].

Цена становится существенным условием договора безвозмездного оказания услуг, если это предусмотрено законом или соглашением сторон. Большинство судов не считает цену существенным условием договора (постановление АС Московского округа от 24.02.2021 № Ф05-23713) [20], однако встречается подход о незаключенности договора без цены со ссылкой на ст. 783 ГК РФ (постановление АС Северо-Западного округа от 18.11.2019 № Ф07-13617/2019) [21].

Срок может стать существенным условием договора безвозмездного оказания услуг по заявлению стороны (п. 1 ст. 432 ГК РФ). Верховный суд Российской Федерации указал, что сроки начала и окончания не обязательны, а при их отсутствии применяется п. 2 ст. 314 ГК РФ (определение от 11.02.2020 № 304-ЭС20-260) [22].

С учетом вышеизложенного наиболее значимыми структурными элементами договоров, используемых в рекламной деятельности и требующих более тщательной проработки, становятся их предмет, срок действия и цена.

В целях определения дальнейшей структуры рекламных договоров обратимся к научным статьям по данной тематике.

Так, Шилова М. А. в статье «Понятие и виды гражданско-правовых договоров, регулирующих рекламную деятельность» [11, с. 37–38] предлагает в договор на оказание рекламных услуг помимо предмета и срока действия договора включать разделы: права и обязанности, порядок взаиморасчетов, ответственность сторон, разрешение споров, прочие условия, реквизиты сторон.

Коротков Ю. отмечает, что договор на оказание рекламных услуг, «как правило включает в себя 10 разделов:

1. Предмет договора.
2. Права и обязанности сторон.
3. Права на результаты интеллектуальной деятельности.
4. Требование к качеству оказываемых услуг.
5. Срок действия и порядок оплаты.
6. Основания прекращения договора.
7. Ответственность сторон.
8. Разрешение споров.
9. Заключительные положения.
10. Реквизиты сторон». [23].

Юрист Ю. Коротков предлагает уделить особое внимание определению предмета договора, прав и обязанностей сторон, а также определению прав на результаты интеллектуальной деятельности и требованиям к качеству оказываемых услуг. И в этом стоит согласиться с ним.

Полагаю, что в части соблюдения авторских прав важно разграничить между сторонами рекламного до-

говора права на результаты, исходные материалы (шаблоны), проработать механизм передачи прав, включая момент передачи, перечень объектов, способы, срок и территорию использования, а также закрепить гарантии сторон договора по передаче прав на материалы и использование их.

Важность проработки мер ответственности за нарушение условий договора на оказание рекламных услуг отмечает М. А. Глинская, указывая, что «правильное их определение позволит избежать рисков и убытков, связанных с неблагоприятными последствиями недобросовестных участников соглашения» [24, с. 45]. Такого же мнения придерживаются Мартынова В. Р. и Фролова К. В. в статье «Особенности гражданско-правового регулирования рекламных договоров» [25].

В то же время Кишенская С. А. помимо важности обязательств сторон договоров, регулирующих рекламные правоотношения, указывает на неэффективность существующих способов защиты обязательств — неустойки и взыскания убытков. Она предлагает «внесение в «договор на рекламу» права сторон заранее согласовать твердую компенсацию за нарушение обязательств». [26, с. 120]. Также она отмечает, что такая форма ответственности уже, к примеру, предусмотрена для корпоративных договоров. Аналогичная позиция изложена в статье Головиновой М. А. «Некоторые особенности гражданско-правовых договоров в сфере рекламной деятельности». [27, с. 74]

Отмечаю, что вышеуказанной форме ответственности сторон рекламного договора присущи свои плюсы и минусы.

Среди положительных моментов можно отметить повышение предсказуемости договорных рисков и финансового планирования. Так, фиксация размера компенсации обеспечивает сторонам возможность количественной оценки потенциальных потерь ещё на стадии заключения договора, что облегчает процесс планирования бюджетной деятельности.

Кроме того, фиксированная компенсация выполняет дисциплинирующую функцию, побуждая стороны соблюдать сроки, регламенты, требования технического задания, условия использования и порядок предоставления доступа к рекламным материалам, также способствуют упрощению механизма урегулирования споров. Это повышает вероятность внесудебного урегулирования и ускоряет восстановление нарушенного интереса.

Однако ответственности в форме фиксированной компенсации присущ ряд недостатков. Так, например — это риск неопределённости квалификации условия и его правового режима. Само по себе обозначение «твёрдая компенсация» не гарантирует однозначной квалификации. При отсутствии ясного указания на её правовую природу (неустойка, штраф, фиксированные убытки, смешанная конструкция) повышается вероятность споров о допустимости взыскания, порядке применения и соотношении с иными способами защиты.

Также стороны рекламного договора могут столкнуться с такой проблемой, как недостаточность фиксированного размера для покрытия реального ущерба. Фиксированная сумма может не соответствовать фактическому масштабу потерь (например, при срыве сезонной или событийной рекламной кампании). Вместе с тем при установлении низкого размера фиксированной компенсации одной сторон рекламного договора может быть экономически выгодно не исполнять обязательства, а уплачивать компенсацию. При значительном же размере компенсации, напротив, стороны могут чрезмерно усложнять процедуры согласования и документооборот, что снижает оперативность рекламного процесса.

Нельзя исключать проблематику кумуляции ответственности (двойного взыскания). Так, если договор допускает одновременно взыскание твёрдой компенсации, убытков, стоимости работ и иных расходов без детализированной нормы о соотношении этих мер, возникает риск спора о допустимости кумуляции и обоснованности «двойной» ответственности. Следовательно, в договоре требуется корректное разграничение: компенсация взыскивается вместо убытков либо сверх них (с указанием состава подлежащих взысканию убытков).

В целях исключения неопределённости, а также исключения принципа применения двойных санкций за невыполнение одного и того же обязательства, предлагаем при разработке положений об обязательствах сторон рекламного договора обратить особое внимание на закрепление исчерпывающего перечня нарушений, влекущего наступление ответственности, определение стандартов результата (включая допустимые отклонения), распределение зон ответственности между сторонами за юридическую корректность содержания рекламного материала, техническую идентификацию и корректность передачи данных, а также установление санкций пропорциональных допущенному нарушению.

Считаю, что ещё одним немаловажным элементом структуры рекламного договора должен стать раздел, посвященный конфиденциальности информации. При этом данный аспект не нашел отражения в научных статьях других авторов. При этом отсутствие договоренности в принципах соблюдения конфиденциальности использования информации может нести для сторон следующие правовые и экономические риски:

1) уязвимость коммерчески значимых сведений (медиапланирование, бюджеты, результаты исследований и другие), что облегчает их использование и распространение третьими лицами, ослабляя конкурентные преимущества.

2) рост вероятности инцидентов информационной безопасности и нарушений при обращении с данными (в том числе персональными), поскольку не закрепляются режим доступа, правила передачи, хранения и уничтожения информации;

3) затруднение доказуемости нарушений и предсказуемости санкций, влекущие снижение эффективности

правовой защиты и увеличение транзакционных издержек контроля.

4) несоблюдение корпоративных и отраслевых требований и норм, что влечет ограничение сотрудничества с крупными заказчиками и платформами.

С учетом вышеизложенного предлагаем следующую обобщенную структуру рекламного договора:

- 1) предмет договора;
- 2) права и обязанности (включая соблюдение авторских прав);
- 3) порядок и сроки оплаты по договору (включая смету и порядок согласования дополнительных расходов, детализацию оплаты и сроков отдельных этапов выполнения работ, порядка приостановки выполнения работ, а также одностороннего отказа от выполнения работ в случае просрочки платежа);
- 4) порядок предоставления отчетности (включая срок, порядок и способы представления и приемки отчетности, порядок направления требований и штрафные санкции за нарушение указанных требований);
- 5) ответственность сторон;
- 6) порядок разрешения споров;
- 7) конфиденциальность;
- 8) срок действия договора;
- 9) обстоятельства непреодолимой силы;
- 10) дополнительные условия (включая порядок передачи рекламных материалов и порядок обмена юридически значимыми сообщениями);
- 11) заключительные положения (включая порядок изменения и расторжения договора).

Примерную структуру рекламного договора также следует предусмотреть в разделе I «Общие положения» Закона о рекламе.

Вместе с тем отмечаю, что проблематика структуры и содержания рекламных договоров остается открытой. У авторов не сформировалось единство мнения по данному вопросу.

Кроме того, научная литература, как правило, не предлагает комплексного анализа структуры и содержания ре-

кламного договора с учетом специфики отдельных этапов рекламной деятельности (создание, размещение, распространение и продвижение). В большинстве исследований рекламный договор квалифицируется преимущественно как договор возмездного оказания услуг, при недостаточном учете конструкций подряда и авторского заказа, широко применяемых при создании рекламы.

В связи с вышеизложенным, разработка унифицированных типовых форм рекламных договоров в настоящее время затруднена. Указанный вопрос требует дальнейшей научной и практической проработки с учетом судебной и правоприменительной практики, а также позиций предпринимательского и научного сообществ. Координацию мероприятий по подготовке типовых форм целесообразно возложить на УФАС как орган, осуществляющий федеральный государственный контроль (надзор) в сфере рекламы.

Полагаю, что унифицированные типовые формы рекламных договоров должны представлять систему договорных конструкций, предусмотренных как для отдельных этапов рекламной деятельности (создание, размещение, распространение и продвижение рекламы), так и для отдельных сегментов рекламного рынка с учетом специфики рекламного законодательства (реклама финансовых услуг, лекарственных средств, реклама на транспорте и другие виды рекламы).

Также предлагаю, чтобы разработка унифицированных форм рекламных договоров основывалась на применении риск-ориентированного подхода, т. е. на идентификации и систематизации рисков, возникающих у каждой из сторон обязательства — у заказчика (как получателя результата работ, услуг) и у исполнителя (как субъекта, осуществляющего фактическое исполнение). В рамках указанного подхода подлежит определению совокупность договорно-правовых инструментов, направленных на предупреждение либо минимизацию выявленных рисков; именно такие инструменты должны составлять основу соответствующих разделов унифицированных форм рекламных договоров.

Литература:

1. Федеральная антимонопольная служба: офиц. сайт. URL: <https://fas.gov.ru/news/34164/> (дата обращения: 24.02.2026).
2. Федеральный закон от 13.03.2006 № 38-ФЗ (ред. от 29.09.2025) «О рекламе». URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 24.02.2026).
3. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 24.02.2026).
4. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть вторая от 26.01.1996 № 14-ФЗ // Российская газета. 1996. 2 февраля. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 24.02.2026).
5. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть третья от 26.11.2001 № 146-ФЗ // Российская газета. 2001. 28 ноября. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 24.02.2026).
6. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть четвертая от 18.12.2006 № 230-ФЗ // Российская газета. 2006. 22 декабря. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 24.02.2026).
7. Каменский, М. А. Гражданско-правовое регулирование производства и распространения рекламы на территории Российской Федерации: специальность 12.00.03 «Гражданское право, семейное право, предприниматель-

ское право, международное частное право»: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Каменский Максим Андреевич; Федеральное гос. бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российская гос. акад. интеллектуальной собственности». — М., 2019. — 203 с.

8. Кидрячева, Д. П. Правовая природа и место договора на оказание рекламных услуг в сфере рекламной деятельности / Д. П. Кидрячева // Молодой ученый. — 2022. — № 50(445). — С. 252–253. URL: <https://moluch.ru/archive/445/97597> (дата обращения: 11.03.2026).
9. Степанюк, Н. В. Толкование гражданско-правового договора: проблемы теории и практики: Монография / Н. В. Степанюк. Москва: ООО «Научноиздательский центр ИНФРА-М». 2017. 136 с.
10. Рахматуллин, Т. Э. Система рекламных договоров и их юридическая конструкция / Т. Э. Рахматуллин // Юрист. — 2018. — № 2. — С. 18–24. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=32438414> (дата обращения: 11.03.2026). Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.
11. Шилова, М. А. Понятие и виды Гражданско-правовых договоров, регулирующих рекламную деятельность / М. А. Шилова // Вестник науки. — 2019. — Т. 4, № 2(11). — С. 34–41. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-vidy-grazhdansko-pravovyh-dogovorov-reguliruyuschih-reklamnuyu-deyatelnost> (дата обращения: 11.03.2026).
12. Кожоназаров, И. Р. Гражданско-правовые договоры в сфере рекламной деятельности / И. Р. Кожоназаров // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. — 2015. — № 3(31). — С. 202–205.
13. Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда Рос. Федерации от 25.02.2014 № 165 URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 24.02.2026).
14. По делу № А12–12230/2009: постановление Высшего арбитражного суда Рос. Федерации от 21.06.2010 № ВАС-6393/10. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 24.02.2026).
15. По делу № А78–3890/2009: определение Высшего арбитражного суда Рос. Федерации от 28.07.2010 № ВАС-8703/10. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 24.02.2026).
1. По делу № А21–7986/03–С2: постановление Федерального арбитражного суда Северо-Западного округа от 20.10.2004.
2. URL: https://1jur.ru/?utm_medium=refer&utm_source=www.arbitr-praktika.ru&utm_term=6295&utm_content=news&utm_campaign=red_block_content_link_marker#/document/96/885047028. (дата обращения: 24.02.2026).
3. По делу № А76–11725/2009–10–683: определение Высшего арбитражного суда Рос. Федерации от 09.07.2010 № ВАС-8415/10. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 24.02.2026).
4. По делу № А60–9291/2009–С2: постановление Федерального арбитражного суда Уральского округа от 26.10.2009 № Ф09–8328/09–С5. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 24.02.2026).
5. По делу № А56–52271/2019: постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 27.02.2020 № Ф07–1414/2020. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 24.02.2026).
6. По делу № А40–332528/2019: постановление Арбитражного суда Московского округа от 24.02.2021 № Ф05–23713/2020. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 24.02.2026).
7. По делу № А05–14097/2018: постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 18.11.2019 № Ф07–13617/2019. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 24.02.2026).
8. По делу № А45–5592/2019: определение Верховного суда Рос. Федерации от 11.02.2020 № 304-ЭС20–260. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 24.02.2026).
9. Коротков, Ю. Договор на оказание рекламных услуг / Ю. Коротков. — Текст: электронный // law.ru: [сайт]. — URL: <https://www.law.ru/article/23111-dogovor-naokazanie-reklamnyh-uslug/> (дата обращения: 24.02.2026).
10. Глинская, М. И. Особенности договорной работы в рекламной отрасли: понятие, сущность, виды и ответственность за нарушение условий договора / М. И. Глинская // Стратегии устойчивого развития: социальные, экономические и юридические аспекты: Материалы III Всероссийской научно-практической конференции, Чебоксары, 25 января 2024 года. — Чебоксары: ООО «Издательский дом «Среда», 2024. — С. 43–46.
11. Мартынова, В. Р. Особенности гражданско-правового регулирования рекламных договоров / В. Р. Мартынова, К. В. Фролова // Проблемы гражданско-правового регулирования в современной России: Материалы научно-практической конференции, Тула, 27 октября 2022 года. — Тула: Всероссийский государственный университет юстиции, 2023. — С. 189–194. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=82563406> (дата обращения: 22.03.2026). Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.
12. Кишенская, С. А. Гражданско-правовые договоры в сфере рекламной деятельности / С. А. Кишенская // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. — 2020. — № 1. — С. 116–122. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=42653368> (дата обращения: 22.03.2026). Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.
13. Головинова, М. А. Некоторые особенности гражданско-правовых договоров в сфере рекламной деятельности / М. А. Головинова // Академическая публицистика. — 2020. — № 8. — С. 70–75. URL <https://elibrary.ru/item.asp?id=42653368> (дата обращения: 22.03.2026). Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.

Особенности правоприменительной и судебной практики по вопросам прохождения государственной службы в органах Федеральной службы судебных приставов (на примере Управления Федеральной службы судебных приставов России по Калужской области)

Шавырин Иван Борисович, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье рассматриваются особенности правоприменительной и судебной практики по вопросам прохождения государственной службы в органах Федеральной службы судебных приставов. Проведен анализ нормативных правовых актов, судебной практики и правоприменительной деятельности территориальных органов ФССП России. Выявлены основные категории служебных споров, возникающих при прохождении государственной службы. Сформулированы предложения по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики.

Ключевые слова: государственная служба, ФССП России, судебные приставы, дисциплинарная ответственность, служебные споры, правоприменительная практика.

Features of law enforcement and judicial practice on issues of public service in the Federal Bailiff Service

Shavyrin Ivan Borisovich, master's student
Moscow University of Finance and Law

The article discusses the features of law enforcement and judicial practice related to public service in the Federal Bailiff Service. The author analyzes legislation, judicial practice and law enforcement practice of territorial bodies of the Federal Bailiff Service. The main categories of service disputes arising during public service are identified. Proposals for improving legislation and law enforcement practice are formulated.

Keywords: public service, Federal Bailiff Service, disciplinary responsibility, service disputes, law enforcement practice.

Государственная служба является важнейшим институтом государственного управления, обеспечивающим реализацию полномочий государственных органов и выполнение функций государства. Эффективность функционирования государственного аппарата во многом зависит от качества правового регулирования служебных отношений, а также от правоприменительной практики в данной сфере.

Особое место в системе государственной службы занимает служба в органах Федеральной службы судебных приставов Российской Федерации, деятельность которых направлена на обеспечение установленного порядка деятельности судов и принудительное исполнение судебных актов и актов иных органов. Специфика деятельности органов принудительного исполнения обуславливает наличие особых требований к государственным служащим, а также особенностей правового регулирования прохождения службы.

В процессе прохождения государственной службы нередко возникают служебные споры, связанные с назначением на должность, прохождением службы, привлечением к дисциплинарной ответственности и прекращением служебных отношений. Значительная часть таких споров рассматривается судами, что позволяет сформировать определенную судебную практику по данной категории дел.

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что правоприменительная и судебная практика по вопросам прохождения государственной службы в органах ФССП России продолжает формироваться, а отдельные положения законодательства требуют дальнейшего совершенствования [2].

Целью статьи является анализ правоприменительной и судебной практики по вопросам прохождения государственной службы в органах ФССП России на примере УФССП России по Калужской области.

1. Нормативно-правовые основы прохождения государственной службы в органах ФССП России

Правовое регулирование прохождения государственной службы в органах Федеральной службы судебных приставов основывается на Конституции Российской Федерации, федеральных законах, указах Президента Российской Федерации, постановлениях Правительства Российской Федерации, а также ведомственных нормативных актах.

Основным нормативным актом, регулирующим прохождение государственной гражданской службы, является Федеральный закон «О государственной гражданской службе Российской Федерации» [2]. Указанный закон определяет правовое положение государственных

гражданских служащих, порядок поступления на службу, прохождения службы, основания прекращения служебного контракта, а также вопросы дисциплинарной ответственности.

Особенности правового статуса сотрудников органов принудительного исполнения закреплены в Федеральном законе «Об органах принудительного исполнения Российской Федерации» [3]. Данный закон устанавливает задачи и функции органов принудительного исполнения, правовое положение сотрудников и особенности прохождения службы.

Кроме того, важное значение имеют положения Федерального закона «О противодействии коррупции», устанавливающие ограничения, запреты и обязанности государственных служащих [4].

Таким образом, правовое регулирование государственной службы в органах ФССП России носит комплексный характер и включает нормы различных отраслей права, в том числе административного, трудового и антикоррупционного законодательства.

Судебная практика по дисциплинарной ответственности государственных служащих ФССП

Одной из наиболее распространенных категорий служебных споров являются споры, связанные с привлечением государственных служащих к дисциплинарной ответственности.

Дисциплинарная ответственность государственных гражданских служащих наступает за совершение дисциплинарного проступка, под которым понимается неисполнение или ненадлежащее исполнение должностных обязанностей [2]. В качестве дисциплинарных взысканий могут применяться замечание, выговор, предупреждение о неполном должностном соответствии и увольнение.

Анализ судебной практики показывает, что при рассмотрении дел данной категории суды проверяют следующие обстоятельства:

- наличие дисциплинарного проступка;
- соблюдение процедуры проведения служебной проверки;
- соблюдение сроков привлечения к дисциплинарной ответственности;
- соразмерность дисциплинарного взыскания совершенному проступку;
- соблюдение прав государственного служащего при проведении служебной проверки.

Судебная практика свидетельствует о том, что дисциплинарные взыскания нередко признаются незаконными в связи с нарушением процедуры проведения служебной проверки. Например, распространенными нарушениями являются неполное выяснение обстоятельств дела, отсутствие письменных объяснений служащего, нарушение сроков проведения проверки и издания приказа о привлечении к дисциплинарной ответственности.

Также суды обращают внимание на соразмерность дисциплинарного взыскания совершенному проступку. В ряде случаев увольнение признается чрезмерной мерой

дисциплинарной ответственности, если проступок не повлек существенных последствий [6].

Таким образом, судебная практика показывает, что при привлечении государственных служащих к дисциплинарной ответственности необходимо строго соблюдать установленную законом процедуру и учитывать тяжесть совершенного проступка.

2. Судебные споры о прекращении государственной службы

Другой распространенной категорией служебных споров являются споры, связанные с прекращением государственной службы.

Основания прекращения служебного контракта предусмотрены законодательством о государственной гражданской службе и включают соглашение сторон, истечение срока контракта, сокращение должности, несоответствие замещаемой должности, утрату доверия, нарушение ограничений и запретов, а также неоднократное неисполнение должностных обязанностей [2].

Наиболее сложными являются дела, связанные с увольнением в связи с утратой доверия. Судебная практика показывает, что суды предъявляют повышенные требования к доказательствам, подтверждающим наличие обстоятельств, свидетельствующих об утрате доверия к государственному служащему. При отсутствии достаточных доказательств увольнение признается незаконным.

Также распространены споры, связанные с сокращением должностей государственной службы. В таких случаях суды проверяют соблюдение процедуры сокращения, наличие предложений других должностей, соблюдение гарантий государственных служащих и правильность оформления документов.

Судебная практика показывает, что основными причинами признания увольнения незаконным являются:

- нарушение процедуры увольнения;
- отсутствие доказательств несоответствия должности;
- нарушение порядка проведения аттестации;
- несоблюдение гарантий государственных служащих при сокращении должности [5].

3. Особенности правоприменительной практики УФССП России по Калужской области

Анализ правоприменительной практики УФССП России по Калужской области показывает, что наибольшее количество служебных споров связано с дисциплинарной ответственностью государственных служащих и прекращением служебных отношений.

Основными причинами возникновения служебных споров являются:

- нарушение процедуры проведения служебных проверок;
- недостаточное документальное оформление дисциплинарных проступков;

- несоблюдение сроков привлечения к дисциплинарной ответственности;
- ошибки при оформлении приказов о привлечении к ответственности;
- нарушение процедуры увольнения государственных служащих.

Вместе с тем следует отметить, что в последние годы наблюдается тенденция к снижению количества служебных споров, что связано с повышением уровня правовой подготовки сотрудников кадровых подразделений и совершенствованием внутреннего контроля.

Правоприменительная практика показывает, что важную роль играет профилактика дисциплинарных нарушений, проведение служебных инструктажей, повышение уровня правовой культуры государственных служащих.

4. Проблемы и направления совершенствования законодательства

Анализ правоприменительной и судебной практики позволяет выделить ряд проблем правового регулирования государственной службы в органах ФССП России:

1. Недостаточная конкретизация оснований дисциплинарной ответственности.
2. Отсутствие единых методических рекомендаций по проведению служебных проверок.
3. Сложности правоприменения при увольнении в связи с утратой доверия.
4. Наличие противоречий между отдельными нормативными актами.
5. Недостаточная правовая защищенность государственных служащих при проведении служебных проверок.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. // СЗ РФ. 2014. № 31. Ст. 4398. — Текст: электронный — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 28.03.2026).
2. Федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» // Российская газета. 2004. — Текст: электронный — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48601/ (дата обращения: 01.04.2026).
3. Федеральный закон от 21.07.1997 № 118-ФЗ «Об органах принудительного исполнения Российской Федерации» // Российская газета. 1997.. — Текст: электронный — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_15281/ (дата обращения: 01.04.2026).
4. Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» // Российская газета. 2008.. — Текст: электронный — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82959/ (дата обращения: 28.03.2026).
5. Бахрах, Д. Н. Государственная служба Российской Федерации / Д. Н. Бахрах. — учебное пособие. — М.: Норма, 2018. — Текст: непосредственный.
6. Старилов, Ю. Н. Административное право России / Ю. Н. Старилов. — М.: Норма, 2019. — Текст: непосредственный.
7. Манохин, В. М. Государственная служба в Российской Федерации: правовое регулирование / В. М. Манохин. — М.: Юрист, 2017. — Текст: непосредственный.

В целях совершенствования правового регулирования государственной службы представляется целесообразным:

- разработать единый порядок проведения служебных проверок;
- уточнить основания дисциплинарной ответственности;
- усилить правовые гарантии государственных служащих;
- повысить уровень правовой подготовки сотрудников кадровых подразделений;
- совершенствовать ведомственные нормативные акты ФССП России.

Таким образом, правоприменительная и судебная практика по вопросам прохождения государственной службы в органах Федеральной службы судебных приставов имеет важное значение для формирования правового регулирования служебных отношений.

Наиболее распространенными категориями служебных споров являются споры о дисциплинарной ответственности и прекращении государственной службы. Основные проблемы правоприменения связаны с нарушением процедуры служебных проверок, недостаточным документальным оформлением дисциплинарных проступков и ошибками при увольнении государственных служащих.

Совершенствование законодательства и правоприменительной практики должно быть направлено на повышение правовой защищенности государственных служащих, совершенствование процедур служебных проверок и повышение эффективности кадровой работы в органах ФССП России.

Процессуальные особенности рассмотрения дел о защите прав потребителей в суде: распределение бремени доказывания и возмещение морального вреда

Шахмеев Эдэль Эдуардович, студент магистратуры
Тольяттинский государственный университет (Самарская область)

В статье рассматриваются особенности судебного разбирательства дел, связанных с защитой прав потребителей. Тема актуальна из-за большого количества таких споров и их важности для общества. Автор анализирует действующее российское законодательство и практику его применения, в том числе позицию Верховного Суда РФ. Цель работы — выявить ключевые процессуальные проблемы в этой категории дел и предложить способы их решения. Исследование базируется на сравнительно-правовом и формально-юридическом методах. Научная новизна заключается в комплексном анализе текущих процессуальных проблем в спорах с участием потребителей. В результате сделан вывод о необходимости дальнейшего улучшения законодательства.

Ключевые слова: потребитель, бремя доказывания, доказательства, судебная практика, моральный вред, Пленум, Роспотребнадзор, Верховный Суд Российской Федерации.

Procedural peculiarities of consideration of consumer protection cases in court: distribution of the burden of proof and compensation for moral damage

Shakhmееv Edel Eduardovich, master's student
Togliatti State University

The article examines the features of judicial proceedings in cases related to consumer rights protection. This topic is relevant due to the large number of such disputes and their importance for society. The author analyzes the current Russian legislation and its application, including the position of the Supreme Court of the Russian Federation. The purpose of this work is to identify key procedural issues in this category of cases and propose ways to address them. The research is based on comparative legal and formal legal methods. The scientific novelty of this article lies in its comprehensive analysis of current procedural issues in consumer disputes. As a result, it is concluded that it is necessary to further improve the legislation.

Keywords: consumer, burden of proof, evidence, judicial practice, moral damage, Plenum, Rospotrebnadzor, Supreme Court of the Russian Federation.

Введение

В 2025 году в Самарской области Российской Федерации зафиксировали незначительное уменьшение количества всех обращений, связанных с защитой потребительских прав. Об этом сообщили в Управлении Роспотребнадзора по Самарской области. «За 9 месяцев 2025 года в Управление поступило 6027 обращений по вопросам защиты прав потребителей, за аналогичный период 2024 года поступило 6220 обращений. Из общего числа письменных обращений по вопросам защиты прав потребителей 3653 (60,6 %) — это обращения граждан на нарушение прав потребителей в **сфере розничной торговли**, 2374 (39,3 %) обращение на нарушение прав потребителей в **сфере различных услуг**. Основными вопросами, поднимаемые потребителями в своих обращениях, по-прежнему остаются: предоставление услуг ненадлежащего качества, нарушение сроков исполнения услуг, незаключение договоров в письменной форме на оказание услуг. Все поступившие обращения были рассмотрены в установленные законодательством сроки: в 63,8 % (3872) случаев заявителям были даны необходимые разъяснения, 36,2 % (2192) обращений направлены на рассмо-

трение в другие государственные органы в соответствии с их компетенцией» [1].

Анализ судебной практики по делам данной категории выявил несколько процессуальных проблем, таких как вопросы распределения бремени доказывания, критерии разумности при взыскании компенсации морального вреда.

Цель данной работы — выявить и проанализировать процессуальные особенности и проблемы, которые возникают при рассмотрении судами дел о защите прав потребителей. Также планируется разработать рекомендации по их решению.

Распределение бремени доказывания. Одной из наиболее сложных задач процессуального права является правильное распределение обязанности по доказыванию. Учитывая особенности субъектного состава и активную роль суда в процессе сбора доказательств, проблемы, связанные с распределением бремени доказывания, особенно ярко проявляются в гражданском процессуальном законодательстве.

Верховный Суд РФ в п. 28 Постановления Пленума от 28.06.2012 N 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей» разъяснил, «что при разрешении требований потребителей необходимо

учитывать, что бремя доказывания обстоятельств, освобождающих от ответственности за неисполнение либо ненадлежащее исполнение обязательства, в том числе и за причинение вреда, лежит на продавце (изготовителе, исполнителе, уполномоченной организации или уполномоченном индивидуальном предпринимателе, импортере) (п. 4 ст. 13, п. 5 ст. 14, п. 5 ст. 23.1, п. 6 ст. 28 Закона о защите прав потребителей, ст. 1098 ГК РФ). Исключение составляют случаи продажи товара (выполнения работы, оказания услуги) ненадлежащего качества, когда распределение бремени доказывания зависит от того, был ли установлен на товар (работу, услугу) гарантийный срок, а также от времени обнаружения недостатков (п. 6 ст. 18, п. п. 5 и 6 ст. 19, п. п. 4, 5 и 6 ст. 29 Закона о защите прав потребителей)» [7].

То есть, Закон о защите прав потребителей, разъяснения Верховного Суда РФ возлагают бремя доказывания на юридическое лицо или индивидуального предпринимателя, которые оказывает услугу или реализует товар потребителю. Однако, в судебной практике, все-таки возникают проблемы, которые можно увидеть из рассмотренных споров вышестоящими судами.

Определением Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 16.12.2025 № 67-КГ25-11-К8 отменены судебные акты нижестоящих судов, которыми потребителю отказано в удовлетворении исковых требований о расторжения договора и возврате денежных средств за товар. Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации пришла к выводу, что обжалуемые судебные постановления нельзя признать законными по следующим основаниям.

«В пункте 28 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2012 г. N 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей», разъяснено, что при разрешении требований потребителей необходимо учитывать, что бремя доказывания обстоятельств, освобождающих от ответственности за неисполнение либо ненадлежащее исполнение обязательства, в том числе и за причинение вреда, лежит на продавце (изготовителе, исполнителе, уполномоченной организации или уполномоченном индивидуальном предпринимателе, импортере). При рассмотрении требований потребителя о возмещении убытков, причиненных ему недостоверной или недостаточно полной информацией о товаре (работе, услуге), суду следует исходить из предположения об отсутствии у потребителя специальных познаний о его свойствах и характеристиках, имея в виду, что в силу Закона о защите прав потребителей изготовитель (исполнитель, продавец) обязан своевременно предоставлять потребителю необходимую и достоверную информацию о товарах (работах, услугах), обеспечивающую возможность компетентного выбора (пункт 44). Таким образом, в силу положений закона с учетом разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации обязанность доказать пригодность товара, а соответственно

и наличие всех необходимых документов лежит на продавце. С учетом этого доводы судов апелляционной и кассационной инстанций о том, что истец, получив отказ в совершении регистрационных действий в отношении приобретенного автомобиля, не оспорил действия должностных лиц ГИБДД, являются необоснованными» [2].

В другом судебном акте Верховный Суд РФ, возвращая дело на новое рассмотрение, также указал на неправильное распределение бремени доказывания.

Так, определением Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 27.05.2025 № 58-КГ25-3-К9 дело направлено на новое рассмотрение, так как нижестоящие суды, указывая на отсутствие доказательств некачественного выполнения работ по осуществлению ремонта смартфона, фактически переложили бремя доказывания обстоятельств, освобождающих от ответственности продавца на потребителя. Верховный Суд РФ указал в документе «Судебные инстанции, указывая на отсутствие доказательств некачественного выполнения ответчиком работ по осуществлению ремонта смартфона истца, в нарушение законодательства о защите прав потребителей и разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации фактически переложили бремя доказывания обстоятельств, освобождающих от ответственности, за причинение вреда, с исполнителя на потребителя» [4].

По другому спору, который дошел до Верховного Суда РФ, неправильное распределение бремени доказывания имело место по спору со сделкой по купле-продаже валюты.

Определением Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 27.05.2025 № 2-КГ25-1-К3 дело направлено на новое рассмотрение. Верховный Суд РФ указал, что «при рассмотрении требований потребителя о возмещении убытков, причиненных ему недостоверной или недостаточно полной информацией о товаре (работе, услуге), суду следует исходить из предположения об отсутствии у потребителя специальных познаний о свойствах и характеристиках товара (работы, услуги), имея в виду, что в силу Закона о защите прав потребителей изготовитель (исполнитель, продавец) обязан своевременно предоставлять потребителю необходимую и достоверную информацию о товарах (работах, услугах), обеспечивающую возможность компетентного выбора (статья 12 Закона о защите прав потребителей). Из содержания приведенных выше норм материального права и разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации следует, что бремя доказывания факта предоставления надлежащей информации об услуге в доступной для потребителя форме законом возложено на исполнителя и именно он несет ответственность за несоответствие информации об услуге, связанное с фактами, о которых он знал или не мог не знать и о которых он не сообщил потребителю» [5].

Таким образом, Верховный Суд Российской Федерации, рассматривая в кассационном порядке все вышеуказанные споры, утвердил распределение бремени

доказывания в спорах о защите прав потребителей на исполнителя.

Компенсация морального вреда. Многие потребительские споры связаны с сопутствующим требованием о взыскании морального вреда. Сложность в рассмотрении подобных дел заключается в определении размера компенсации. Основная трудность связана с тем, что моральный вред трудно измерить как отдельную категорию. Из-за этого у судов формируется неоднозначное понимание и, как следствие, практика вынесения решений. Суды практически всегда уменьшают размер заявленных требований в части возмещения морального вреда. Основания для таких решений могут быть самыми разными: от «несоразмерности требований» до отсутствия доказательств причинения морального ущерба. Снижение внимания к компенсации морального вреда уменьшает профилактическую роль законодательства о защите прав потребителей и создаёт впечатление недостаточной правовой защищённости. Это подтверждается анализом судебной практики гражданских дел, дошедших до второго кассационного рассмотрения в Верховном Суде РФ.

В п. 30 Постановления Пленума N 33 Верховный Суд Российской Федерации обращает внимание судов на то, что «исключается присуждение потерпевшему чрезвычайно малой, незначительной денежной суммы, если только такая сумма не была указана им в исковом заявлении» [8]. Большинство экспертов указывают на то, что суды при вынесении решений в мотивировочной части, чтобы обосновать тот или иной размер компенсации за моральный вред, ограничиваются общими формулировками и ссылками на действующее законодательство, не принимая во внимание индивидуальные особенности конкретного дела.

Так, Определением Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 12 декабря 2023 г. N 5-КГ23-137-К2 решения нижестоящих судов были отменены, дело направлено на новое рассмотрение в суд первой инстанции. Судебная коллегия, отменяя судебные постановления, вынесенные по данному делу, и направляя его на новое рассмотрение в суд первой инстанции указала, «что определение размера компенсации морального вреда относится в большей степени к исследованию и оценке доказательств, а также обстоятельств конкретного дела. Вместе с тем присуждение чрезвычайно малой, незначительной и неадекватной компенсации может свидетельствовать о существенном нарушении судом положений материального закона, устанавливающего критерии определения размера компенсации морального вреда, и (или) о существенном нарушении правил исследования и оценки доказательств. С учетом установленных по делу обстоятельств в судебных постановлениях судов первой и апелляционной инстанций фактически не содержится обоснования вывода о том, почему сумма компенсации морального вреда в размере 2000 руб. является достаточной компенсацией причиненных физических и нравственных страданий в результате установки в квар-

тире шкафа-купе, изготовленного из материалов, содержащих вредные химические вещества. Определяя размер данной компенсации в столь незначительной сумме, суды не учли, что шкаф с вредными испарениями находился в жилом помещении почти 14 месяцев, на неоднократные требования истцов о вывозе опасного товара ответчик отвечал отказом» [6].

Следующий пример судебной практики касается неправильного определения возникших правоотношений, при разрешении вопроса о компенсации морального вреда.

Так, Определением Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 15 ноября 2022 г. N 5-КГ22-99-К2 отменены состоявшиеся по делу судебные постановления в части отказа во взыскании суммы компенсации морального вреда и дело направлено на новое рассмотрение в суд первой инстанции. Судебная коллегия указала, что «в соответствии со ст. 15 Закона о защите прав потребителей моральный вред, причиненный потребителю вследствие нарушения изготовителем (исполнителем, продавцом, уполномоченной организацией или уполномоченным индивидуальным предпринимателем, импортером) прав потребителя, предусмотренных законами и правовыми актами Российской Федерации, регулирующими отношения в области защиты прав потребителей, подлежит компенсации причинителем вреда при наличии его вины. Поскольку при рассмотрении спора установлено, что работник гостиницы выдал дубликат ключа от номера истца посторонним лицам, суду в соответствии с требованиями ст. ст. 67, 198 ГПК РФ надлежало дать оценку действиям исполнителя гостиничных услуг с точки зрения нарушения прав потребителя, что сделано не было» [3].

Выводы

Исследование процессуальных аспектов рассмотрения дел о защите потребительских прав показывает, что успешная судебная защита в этой сфере во многом определяется качеством правоприменительной практики на всех этапах гражданского судопроизводства.

Крайне важно создать унифицированные подходы в судебной практике и повысить уровень процессуальной культуры при разрешении подобных споров.

Комплексное исследование действующего законодательства и судебной практики позволяет сформулировать несколько рекомендаций: создание новых разъяснений Пленума Верховного Суда РФ, которые будут более точно регулировать вопрос о распределении бремени доказывания по делам о защите прав потребителей; внесение поправок в Гражданский процессуальный кодекс РФ, которые установят упрощенные, но юридически надежные механизмы защиты прав потребителей. Разделяю мнение цивилистов, которые выступают за законодательное закрепление минимальных размеров компенсации морального вреда, включая случаи нарушения прав потребителей.

Эти предложения нацелены на улучшение доступности правосудия, обеспечение правовой предсказуемости и восстановление справедливого равновесия между интересами сторон.

Литература:

1. Об итогах работы Управления по работе с обращениями граждан по вопросам защиты прав потребителей за 9 месяцев 2025 года// Роспотребнадзор: [Электронный ресурс]. URL: <https://63.rospotrebnadzor.ru> (дата обращения: 02.04.2026).
2. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 16.12.2025 № 67-КГ25–11-К8// Консультант плюс: справочно-правовая система.
3. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 15 ноября 2022 г. N 5-КГ22–99-К2// Консультант плюс: справочно-правовая система.
4. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 27.05.2025 № 58-КГ25–3-К9// Консультант плюс: справочно-правовая система.
5. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 27.05.2025 № 2-КГ25–1-К3// Консультант плюс: справочно-правовая система.
6. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 12 декабря 2023 г. N 5-КГ23–137-К2// Консультант плюс: справочно-правовая система.
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 N 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей» // Консультант плюс: справочно-правовая система.
8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ N 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда»// Консультант плюс: справочно-правовая система.

Комплексный подход кредитных организаций к реализации рискоориентированного мониторинга в рамках противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, в условиях «обеления» экономики России

Шепелин Александр Александрович, руководитель службы финансового мониторинга
ПАО «БАНК УРАЛСИБ» (г. Москва)

Статья представляет собой исследование новаций законодательства в области противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма (далее — законодательство о ПОД/ФТ) в контексте политики России, направленной на «обеление» экономики. В работе анализируются изменения законодательства о ПОД/ФТ, направленные на повышение прозрачности экономики России, формулируется мнение о необходимости реализации комплексного подхода к мониторингу клиентов и их операций.

Ключевые слова: «обеление» экономики, комплексный подход, банки, рискоориентированный мониторинг.

В конце 2025 года на уровне Правительства Российской Федерации и других федеральных органов исполнительной власти определены главные направления структурных изменений в экономике на ближайшие пять лет, которые планируется реализовать для выхода на траекторию экономического роста, необходимую для достижения национальных целей развития. Речь идет о таких сферах, как занятость и потребление, качество инвестиционного климата и уровень технологического развития, новые возможности внешней торговли России, деятельность в сфере обороны и безопасности, а также о блоке мер, направленных на «обеление» отдельных секторов экономики [1].

В контексте деятельности кредитных организаций значимым, по нашему мнению, является блок мер, направленных на «обеление» экономики, который, несомненно, будет реализован в течение 2026 года с учетом итогов заседания Совета при Президенте России по стратегическому развитию и национальным проектам, состоявшегося 8 декабря 2025 года (далее — заседание) [2].

Крайне важно обратить внимание на цели, поставленные Президентом России, и обозначенное определение «обеления» экономики, под которым следует понимать развитие прозрачной конкурентной деловой среды, направленное на увеличение доходов бюджета и обеспечение новых возможностей для развития и экономиче-

ского роста добросовестных предпринимателей (далее — стратегические цели).

В ходе заседания Председателем Правительства России обозначена структура плана по «обелению», который состоит из шести разделов по секторам, заслуживающим особого внимания:

- торговля в рамках ЕАЭС;
- внутренний рынок товаров;
- рынок труда;
- оборот наличных денежных средств и цифровых валют;
- нелегальное кредитование;
- рынки табачной и никотинсодержащей продукции [2].

В связи обозначенными направлениями важно обратить внимание на то, что влияние на деятельность кредитных организаций предполагается существенное и уже находит отражение в принятых или разрабатываемых нормативных актах.

Одним из основополагающих нормативных актов в сфере законодательства в области противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма (далее — законодательство о ПОД/ФТ) для кредитных организаций является Положение Банка России от 18.06.2025 № 860-П «О требованиях к правилам внутреннего контроля кредитной организации, филиала иностранного банка, через который иностранный банк осуществляет деятельность на территории Российской Федерации, в целях противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, финансированию терроризма и экстремистской деятельности» (далее — Положение Банка России № 860-П) [3]. Положение Банка России № 860-П, вступившее в силу в августе 2025 года, значительно расширило и актуализировало перечень признаков необычных операций: количество признаков необычных операций увеличилось; детализированы старые группы критериев, и добавлены новые; обозначены правила контроля за операциями с цифровыми рублями.

Особое внимание уделяется развитию мониторинга наличного оборота денежных средств, поскольку наличные деньги остаются главным «топливом» теневой экономики. Министерство финансов Российской Федерации и Банк России последовательно сужают возможности для неконтролируемого обращения наличных. Так, Министерством финансов Российской Федерации прорабатывается инициатива по установлению лимита на внесение наличных через банкоматы: предлагается установить лимит в 1 млн рублей в месяц на внесение наличных через банкоматы и терминалы с целью сделать невозможной самоинкассацию теневой выручки. При превышении лимита операции будут возможны только в отделении банка с объяснением происхождения средств [4].

С учетом обозначенных выше стратегических целей для достижения баланса интересов регуляторов и добросовестных предпринимателей особое значение приобре-

тает реализация кредитными организациями рискориентированного мониторинга (далее — РОМ) клиентов и их операций, в том числе с использованием сведений Банка России в рамках платформы «Знай своего клиента» (далее — платформа ЗСК) [5]. Платформа ЗСК — сервис, с помощью которого кредитные организации получают от Банка России информацию об уровне риска вовлеченности в проведение подозрительных операций их клиентов (юридических лиц и индивидуальных предпринимателей). Платформа ЗСК располагает сведениями о 7,5 млн юридических лиц и индивидуальных предпринимателей.

Банк России на основе собственных аналитических данных разделил банковских клиентов на три группы — низкого, среднего и высокого уровня риска («зеленую», «желтую» и «красную»). Банк России принимает решение об отнесении юридического лица, индивидуального предпринимателя к группам риска совершения подозрительных операций по совокупности критериев [6].

Любой предприниматель или физическое лицо может проверить, не находится ли компания или индивидуальный предприниматель, по оценке платформы, в «красной» группе риска. Проверить можно как собственный уровень риска, так и уровень риска третьих лиц, в том числе потенциальных партнеров и контрагентов [7].

Информация платформы ЗСК является для кредитных организаций вспомогательной, окончательную оценку о добросовестности бизнеса клиентов с точки зрения законодательства о ПОД/ФТ кредитные организации присваивают самостоятельно, в том числе с учетом критериев Положения Банка России № 860-П.

За счет принимаемых мер Банком России определенно достигнуты положительные результаты по направлению «обеления» экономики (2025 год к 2024 году): общий объем подозрительных операций снизился на 19 % (до 72,6 млрд рублей); обналичивание денежных средств сократилось на 28 % (до 31,9 млрд рублей), особенно показательно двукратное падение обналичивания через корпоративные карты [8].

РОМ в сфере противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, перестает быть исключительно формальной процедурой, в том числе с учетом изменений в рамках Положения Банка России № 860-П в части критериев необычных операций. Кредитным организациям необходимо выстраивать РОМ как часть комплексной многоуровневой системы, включающей правовые, технологические и экономические компоненты. Комплексный подход требует от кредитных организаций не только исполнения нормативных требований, но и способности прогнозировать риски (применять инструменты предиктивной аналитики для предотвращения необычных операций и своевременного выявления недобросовестных клиентов), оперативно адаптироваться к новым схемам вывода средств либо обналичивания, в том числе сохраняя баланс между

защитой кредитной организации от проникновения в нее преступных доходов и доступностью услуг для добросовестных клиентов, включающей, в частности, предоставление сервисов, позволяющих клиентам превентивно оценивать и снижать свои регуляторные риски (сервисы-советники: «Белый бизнес», «Светофор» и др.). Современный этап развития РОМ характеризуется переходом от «красных флагов» (фиксированных пороговых значений) к технологиям искусственного интеллекта и поведенческого анализа.

Кредитные организации разворачивают системы, сочетающие предиктивную аналитику и механизмы превентивных рекомендаций для снижения рисков. Ключевым элементом становится онлайн-контроль транзакций в рамках периода охлаждения, который осуществляется с помощью инструментов, позволяющих кредитным организациям приостановить проведение транзакции при выявлении поведенческих аномалий и получить дополнительные пояснения и документы от клиента.

В рассматриваемом контексте значимым является планируемое Банком России изменение подходов к оценке кредитных организаций в соответствии с Указанием Банка России от 03.04.2017 № 4336-У «Об оценке экономического положения банков», которое должно вступить в силу с 1 октября 2026 года [9; 10].

Одним из ключевых изменений в части оценки систем внутреннего контроля в целях противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, финансированию терроризма, экстремистской деятельности и финансированию распространения оружия массового уничтожения, на наш взгляд, является переход от выявления операций с денежными средствами или иным имуществом, предположительно совершаемых в целях легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем, и финансирования терроризма (подозрительных операций), к оценке способности их предотвращать, что, несомненно, будет положительно влиять, в частности, на достижение стратегических целей.

Литература:

1. Правительство утвердило план структурных изменений в российской экономике до 2030 года // Министерство экономического развития Российской Федерации. — URL: https://economy.gov.ru/material/news/pravitelstvo_utverdilo_plan_strukturnyh_izmeneniy_v_rossiyskoy_ekonomike_do_2030_goda.html
2. Заседание Совета по стратегическому развитию и национальным проектам // Президент России. — URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/78672>
3. Положение Банка России от 18.06.2025 № 860-П «О требованиях к правилам внутреннего контроля кредитной организации, филиала иностранного банка, через который иностранный банк осуществляет деятельность на территории Российской Федерации, в целях противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, финансированию терроризма и экстремистской деятельности». — URL: <https://docs.cntd.ru/document/1313652894>
4. Минфин ставит барьер: как запрет на внесение более 1 млн рублей наличными ударит по теневому бизнесу и карману обывателя // РИАМО. — URL: https://riamo.ru/articles/aktsenty/minfin-stavit-barer-kak-zapret-na-vnesenie-bolee-1-mln-rublej-nalichnymi-udarit-po-tenevomu-biznesu-i-karmanu-obyvatelja/?from=inf_cards
5. Платформа «Знай своего клиента» // Банк России. — URL: https://cbr.ru/counteraction_m_ter/platform_zsk
6. Решение Совета Директоров Банка России о критериях отнесения Банком России юридических лиц (за исключением кредитных организаций, государственных органов и органов местного самоуправления) (индивидуальных предпринимателей), зарегистрированных в соответствии с законодательством Российской Федерации, к группам риска совершения подозрительных операций // Банк России. — URL: https://cbr.ru/about_br/dir/rsd_2022-07-01_1/
7. Информация об отнесении юридических лиц и индивидуальных предпринимателей к группе риска совершения подозрительных операций // Банк России. — URL: https://cbr.ru/counteraction_m_ter/platform_zsk/proverka-po-inn/
8. Структура подозрительных операций и отрасли экономики, формировавшие спрос на теневые финансовые услуги // Банк России. — URL: <https://www.cbr.ru/analytics/podft/struktura-podozritel-nykh-operaciy-i-otrasli-ekonomiki-formirovavshie-spros-na-tenevye-finansovye-uslugi/>
9. Указание Банка России от 03.04.2017 № 4336-У «Об оценке экономического положения банков». — URL: <https://docs.cntd.ru/document/456066419>
10. Проект Указания Банка России «О внесении изменений в Указание Банка России от 3 апреля 2017 года № 4336-У» (по состоянию на 07.11.2025) : (подготовлен Банком России). — URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/412908233/>

Принудительные меры медицинского характера: понятие, цели и основания применения

Щербакова Диана Дмитриевна, студент

Научный руководитель: Фабрика Тамара Александровна, кандидат юридических наук, доцент
Челябинский государственный университет

В статье исследуется правовая природа принудительных мер медицинского характера (ПММХ) в российском уголовном праве. Анализируются доктринальные подходы к определению понятия ПММХ, выявляются расхождения между позициями учёных относительно отраслевой природы рассматриваемого института. Рассматривается соотношение юридического и медицинского критериев как оснований назначения принудительного лечения; исследуется принцип динамической оценки общественной опасности психически больного лица, определяющий как основания применения ПММХ, так и процедуру их пересмотра. На основе анализа действующего законодательства, постановления Пленума Верховного Суда РФ от 7 апреля 2011 г. № 6 и судебной практики сформулирован авторский вариант дефиниции ПММХ и обоснована необходимость закрепления соответствующего понятия в тексте УК РФ.

Ключевые слова: принудительные меры медицинского характера, невменяемость, психическое расстройство, общественная опасность, судебно-психиатрическая экспертиза, уголовное право.

Coercive measures of medical nature: concept, objectives and grounds for application

Shcherbakova Diana Dmitriyevna, student

Scientific advisor: Fabrika Tamara Aleksandrovna, phd in law, associate professor
Chelyabinsk State University

The article examines the legal nature of compulsory medical measures (CMM) in Russian criminal law. Doctrinal approaches to defining CMM are analysed, and divergences between scholars on the branch attribution of the institution are identified. The correlation of legal and medical criteria as grounds for ordering compulsory treatment is examined; the principle of dynamic assessment of the social dangerousness of mentally ill persons is investigated as the basis both for applying CMM and for the procedure of their review. Drawing on current legislation, the Plenum of the Supreme Court resolution of 7 April 2011 No. 6, and judicial practice, the author proposes a statutory definition of CMM and substantiates the need for its incorporation into the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: compulsory medical measures, insanity, mental disorder, social dangerousness, forensic psychiatric examination, criminal law.

Уголовный закон не содержит ни перечня оснований применения принудительного лечения в одной норме, ни единого нормативного определения самого института: сведения о том, кому, за что и при каких условиях назначаются принудительные меры медицинского характера (далее — ПММХ), рассредоточены между ст. 97–104 УК РФ и гл. 51 УПК РФ, что само по себе свидетельствует о межотраслевой природе рассматриваемого правового явления. По существу, речь идёт о мерах государственного принуждения, которые суд назначает лицам с психическими расстройствами, совершившим деяния, запрещённые Особенной частью УК РФ, в рамках процедуры, одновременно регулируемой уголовным и уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации [1].

Глава 15 УК РФ регламентирует основания, виды, цели и порядок применения ПММХ, однако понятие самого института в нормативном тексте не формулируется. Законодательный пробел не является нейтральным с точки зрения правоприменения: без нормативного определения суды лишены точки опоры при разграничении ПММХ и иных форм психиатрической помощи — добровольной

госпитализации, принудительного освидетельствования, диспансерного наблюдения, — а также при установлении пределов судебного контроля над психиатрическим учреждением и при решении вопроса о том, в какой мере конституционные права лица могут быть ограничены без его осуждения за преступление. Неустранённость этого пробела объясняет расхождение доктринальных позиций, ни одна из которых не приобрела значения общепризнанной.

Уголовно-правовая наука подходила к определению ПММХ с нескольких сторон, расходясь прежде всего в вопросе об отраслевой принадлежности рассматриваемого института. Б. А. Спасенников квалифицирует ПММХ как государственно-принудительные меры, назначаемые судом лицам, совершившим общественно опасное деяние в состоянии невменяемости либо утратившим возможность нести или продолжать отбывать наказание вследствие психического расстройства, возникшего после совершения преступления; по своему содержанию они сводятся к психиатрическому лечению, призванному восстановить психическое здоровье лица и устранить угрозу совершения им новых общественно опасных посягательств [13, с. 53].

Е. А. Попкова помещает ПММХ в систему уголовно-процессуального принуждения, смещая акцент с терапевтической составляющей на специальную превенцию и социальную реабилитацию лиц, страдающих психическими расстройствами; тем самым процессуальное производство по гл. 51 УПК РФ предстаёт в её концепции не технической оболочкой для реализации уголовно-правовой меры, а самостоятельным инструментом принуждения, обладающим собственными основаниями и целями [12, с. 13]. В. В. Городнянская оспаривает саму логику отраслевой локализации ПММХ, указывая, что правоотношения, возникающие при реализации принудительного лечения, не укладываются в рамки ни уголовного, ни психиатрического права в отдельности: решение о назначении меры принимается судом в порядке уголовного судопроизводства, её содержание определяется нормами законодательства о психиатрической помощи, а правовое основание коренится в уголовном законе. Попытка свести ПММХ к одной из отраслевых разновидностей государственного принуждения неизбежно обедняет правовую конструкцию, поскольку ни уголовно-правовая, ни процессуальная квалификация не охватывает весь массив норм, совместно регулирующих применение принудительного лечения [8, с. 18-19].

Ю. М. Антонян и С. В. Бородин проводят принципиальную черту между принуждением как методом воздействия и карой как его целью: принудительный характер ПММХ определяется способом их реализации назначением и исполнением вне зависимости от согласия лица, но не функцией, которую они выполняют в системе государственного реагирования на общественно опасное поведение. Функция эта состоит в устранении патологического состояния, порождающего угрозу для окружающих, тогда как воздаяние за содеянное остаётся исключительной прерогативой наказания, предполагающего виновность лица, признак, по определению отсутствующий там, где речь идёт о невменяемом [6, с. 204-206].

Г. В. Назаренко фиксирует темпоральное свойство ПММХ, принципиально отличающее их от наказания: если срок последнего определяется приговором и исчисляется независимо от того, достигнуты ли его цели, то продолжительность принудительного лечения целиком подчинена динамике психического состояния лица и не может быть установлена заранее. Неопределённость срока — это не законодательное упущение, а прямое следствие природы института: государство сохраняет правовую связь с лицом ровно до тех пор, пока сохраняется порождающее её болезненное состояние, и обязано прекратить меру, как только клинические основания для неё отпадут. Тем самым правоотношение при ПММХ лишено той временной определённости, которая свойственна карательным санкциям, и строится на принципиально иной логике: не отбытие назначенного срока, а достижение терапевтического результата служит основанием для его прекращения [11, с. 77].

Различия между рассмотренными концепциями затрагивают не словесное оформление, а существо пра-

вовых последствий, к которым ведёт каждая из них. Уголовно-правовая квалификация, которой придерживается Спасенников, требует от суда доказать причинно-следственную связь между болезненным состоянием лица и конкретным деянием и обеспечить процессуальные гарантии в объёме, сопоставимом с общим порядком судопроизводства; без этого назначение меры лишается нормативного основания. Трактовка Попковой, помещающей ПММХ в плоскость уголовно-процессуального принуждения, теоретически расширяет круг оснований их применения: если определяющим признаётся сам факт невозможности нормального хода судопроизводства вследствие психического расстройства обвиняемого, квалификация деяния по нормам Особенной части утрачивает значение обязательного условия. Межотраслевая позиция Городнянской ближе всего к реальной правовой конструкции, поскольку описывает её без искусственного сведения к одной отрасли: судебное решение выносится в рамках уголовного судопроизводства, содержание меры регулируется психиатрическим законодательством, а её правовое основание закреплено в уголовном законе. Вместе с тем ни одна из трёх концепций не вскрывает лечебно-профилактическую двойственность ПММХ, при которой достижение медицинского результата выступает не самоцелью, а условием реализации юридической задачи — устранения общественной опасности лица. Именно этот пробел определяет необходимость закрепления нормативного определения ПММХ непосредственно в тексте УК РФ [7, с. 82-84].

Назначение ПММХ опирается на два критерия — юридический и медицинский, — которые не заменяют, а дополняют друг друга: изолированное применение любого из них не даёт достаточных оснований для принудительного лечения. Юридический критерий устанавливает факт совершения деяния, предусмотренного уголовным законом, позволяет оценить его характер и тяжесть, а также определить, в какой мере поведение лица было обусловлено болезненным состоянием, нарушившим способность осознавать происходящее или управлять своими действиями. Медицинский критерий обращён к клинической картине расстройства: его природе, глубине и устойчивости, прогнозу течения при различных терапевтических режимах, а также к тому, как именно болезненная симптоматика проявляется в социально опасном поведении — в условиях лечения и вне их. Суд, ограничивающийся одним из критериев, неизбежно либо назначает принудительное лечение лицу, чьё расстройство не связано с совершённым деянием, либо уклоняется от оценки той клинической составляющей, без которой невозможно определить ни вид меры, ни её соразмерность реальной степени общественной опасности [2].

М. М. Мальцева и В. П. Котов выявили закономерность, характерную для значительной части судебных решений о применении ПММХ: суды склонны принимать тяжесть клинического диагноза за самодостаточное основание принудительного лечения, не проверяя, об-

условлено ли именно этим расстройством то конкретное деяние, которое послужило поводом для возбуждения производства по гл. 51 УПК РФ. Между тем тяжесть диагноза и причинная связь между болезненным состоянием и общественно опасным поведением — не одно и то же: лицо с тяжёлым хроническим расстройством может совершить деяние, никак не обусловленное психопатологической симптоматикой, тогда как менее выраженное расстройство способно непосредственно определять характер и направленность общественно опасных действий. Уклонение от проверки этой связи означает, что суд фактически подменяет уголовно-правовое основание применения ПММХ психиатрическим, замещая требуемую законом совокупность трёх элементов одним медицинским фактом [10, с. 47-49]. Ст. 97 УК РФ не допускает сокращения предусмотренного ею основания: принудительное лечение назначается при одновременном наличии трёх элементов, а именно доказанного факта совершения деяния, подтверждённого судебно-психиатрической экспертизой расстройства и установленной общественной опасности лица. Отсутствие любого из них исключает применение ПММХ независимо от того, насколько тяжёлым является диагноз и насколько серьёзным оказалось деяние; замена совокупности одним из её элементов представляет собой нарушение закона, а не его расширительное толкование.

М. Ш. Буфетова показывает, что оба вида ошибки, то есть переоценка медицинского критерия и его недооценка, влекут симметричные, но разнонаправленные последствия. Абсолютизация клинической составляющей приводит к тому, что принудительному лечению подвергаются лица, психическое состояние которых не сопряжено с реальной угрозой для окружающих; тем самым ПММХ утрачивают связь с уголовно-правовым основанием и превращаются в меру психиатрического контроля, лишённую надлежащей процессуальной формы. Обратная ошибка, выражающаяся в игнорировании или преуменьшении медицинского критерия, порождает риск назначения наказания лицу, которое в силу болезненного состояния психики не способно ни осознать его смысл, ни достичь через него целей, предусмотренных ч. 2 ст. 43 УК РФ [7, с. 90].

Наказание соотносится с деянием, совершённым в прошлом, и назначается применительно к тому психическому состоянию лица, которое существовало в момент его совершения. ПММХ подчинены иной логике: суд оценивает не то, каким было состояние лица при совершении деяния, а то, каким оно является на момент рассмотрения дела, поскольку именно актуальная общественная опасность служит основанием для применения принудительного лечения, его продления или прекращения. Г. В. Назаренко обосновывает, что общественная опасность психически больного лица не представляет собой константы: после совершения деяния она подвержена изменениям под воздействием клинических, терапевтических и средовых факторов и способна как усилиться, так и ста-

билизоваться или полностью исчезнуть. Отсюда следует, что тяжесть деяния, послужившего поводом для возбуждения производства по гл. 51 УПК РФ, не преддвигает ни факта назначения ПММХ, ни их вида: лицо, совершившее тяжкое преступление, может к моменту судебного разбирательства утратить общественную опасность, тогда как при менее серьёзном деянии она способна сохраниваться или возрасти [11, с. 77].

Утрата общественной опасности образует самостоятельное основание для отказа в применении ПММХ вне зависимости от тяжести совершённого деяния. Пункт 21 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 7 апреля 2011 г. № 6 прямо предписывает суду прекратить уголовное дело и отказать в назначении принудительного лечения, если лицо по психическому состоянию не представляет опасности. Сохранение или нарастание общественной опасности, напротив, служит основанием для продления меры либо перевода лица в стационар с более интенсивным режимом наблюдения при очередном плановом пересмотре по ч. 2 ст. 102 УК РФ.

Принцип динамической оценки порождает и самостоятельное процессуальное затруднение. Судебно-психиатрическая экспертиза, проведённая в ходе предварительного расследования, фиксирует психическое состояние лица на конкретный момент времени, и к моменту судебного заседания это состояние может измениться настолько, что ранее полученное заключение утратит доказательственное значение применительно к вопросу об актуальной общественной опасности. Суд оказывается перед необходимостью назначать повторную экспертизу, что влечёт приостановление производства, увеличение его сроков и дополнительную процессуальную нагрузку на всех участников. Чем длительнее предварительное расследование, тем выше вероятность того, что первоначальное экспертное заключение утратит актуальность прежде, чем дело поступит в суд.

Статья 98 УК РФ формулирует две взаимосвязанные цели ПММХ, а именно улучшение или восстановление психического состояния лица и предупреждение совершения им новых деяний, предусмотренных статьями Особенной части УК РФ. Соотношение этих целей не является равноправным: медицинская составляющая выполняет роль способа достижения юридической, поскольку именно терапевтическое воздействие создаёт почву для снижения общественной опасности лица, тогда как обратная зависимость отсутствует. Улучшение психического состояния само по себе не составляет конечного результата применения ПММХ и не влечёт их автоматического прекращения, если общественная опасность лица при этом сохраняется.

ПММХ не входят в систему наказания и не разделяют его целей. Восстановление социальной справедливости, исправление осуждённого и общая превенция, перечисленные в ч. 2 ст. 43 УК РФ в качестве целей наказания, к принудительному лечению неприменимы уже потому, что невменяемый не признаётся виновным, а значит, пра-

вовая связь между государством и лицом, к которому применяются ПММХ, строится на иных основаниях. Отсутствие судимости как следствие применения ПММХ закономерно вытекает из той же логики: судимость сопровождает осуждение за преступление, тогда как производство по гл. 51 УПК РФ завершается не приговором, а постановлением суда. Из разграничения целей ПММХ и целей наказания вытекает прямое практическое следствие: суд не вправе ограничиться указанием на необходимость лечения как таковую. Постановление о применении ПММХ обязано содержать самостоятельный вывод о том, что психическое расстройство лица сопряжено с реальной угрозой совершения новых общественно опасных деяний, поскольку именно эта угроза, а не сам по себе факт расстройства, образует юридическое основание принудительного лечения по ч. 2 ст. 97 УК РФ.

Статья 99 УК РФ предусматривает четыре вида ПММХ, выстроенных по принципу нарастающего ограничения свободы лица. Наименее интенсивной мерой является амбулаторное принудительное наблюдение и лечение у психиатра, при котором лицо не помещается в стационар и сохраняет возможность привычного социального функционирования. Следующую ступень занимает принудительное лечение в психиатрическом стационаре общего типа, за ним следует принудительное лечение в стационаре специализированного типа, и наиболее строгой мерой выступает принудительное лечение в психиатрическом стационаре специализированного типа с интенсивным наблюдением. Градация видов отражает требование соразмерности: объём изоляции и надзора должен соответствовать степени общественной опасности лица и характеру его расстройства, не превышая того уровня ограничений, который необходим для достижения целей, закреплённых в ст. 98 УК РФ. Принцип соразмерности при выборе вида ПММХ означает, что суд обязан установить тот минимально необходимый объём изоляции и надзора, который достаточен для нейтрализации общественной опасности лица с учётом характера его расстройства, но не превышает этого предела. Назначение более строгой меры при наличии клинических и социальных показаний для менее интенсивной формы лечения нарушает соразмерность столь же очевидно, как и применение амбулаторного наблюдения там, где состояние лица требует стационарного режима.

Пленум Верховного Суда РФ в постановлении от 7 апреля 2011 г. № 6 конкретизировал это требование, прямо обязав суды мотивировать выбор вида ПММХ совокупностью данных о психическом состоянии лица, характере расстройства и тяжести совершённого деяния. Тем самым Пленум исключил возможность формального обоснования избранной меры одной лишь ссылкой на диагноз или на квалификацию деяния: каждый из трёх элементов должен найти отражение в мотивировочной части постановления, а их совокупность должна объяснять, почему назначен именно этот вид ПММХ, а не более мягкий или более строгий. Назначение более строгой меры без

надлежащего обоснования или применение амбулаторной формы при наличии клинических показаний к стационарному лечению образует самостоятельное процессуальное основание для пересмотра судебного акта.

Несоблюдение требования мотивированности при выборе вида ПММХ образует самостоятельное процессуальное основание для пересмотра судебного акта вне зависимости от того, в какую сторону допущена ошибка: назначена ли более строгая мера без надлежащего обоснования либо применено амбулаторное наблюдение при наличии клинических показаний к стационарному лечению.

Уголовный закон не устанавливает предельного срока ПММХ, и это не законодательное упущение, а отражение объективного свойства психического расстройства, клиническая динамика которого не поддаётся точному предварительному прогнозированию. Часть 2 ст. 102 УК РФ обязывает суд пересматривать меру не реже одного раза в шесть месяцев по заключению комиссии психиатров; по итогам пересмотра суд вправе продлить, изменить или прекратить принудительное лечение в зависимости от актуального состояния лица. Отсутствие предельного срока порождает конституционно-правовую проблему: при хроническом течении расстройства и отсутствии положительной динамики принудительное лечение рискует приобрести фактически бессрочный характер, не будучи обусловлено уголовным осуждением. Противовесом служит обязательный периодический судебный контроль, осуществляемый независимо от позиции администрации психиатрического учреждения и отличающий ПММХ от принудительной госпитализации по гражданско-правовым основаниям, при которой сопоставимый по объёму судебный надзор не предусмотрен. По выздоровлении лица материалы дела направляются руководителю следственного органа или начальнику органа дознания для возобновления расследования в общем порядке.

Статья 97 УК РФ и ст. 433 УПК РФ закрепляют основания применения ПММХ в виде трёхэлементной конструкции, отсутствие любого из звеньев которой исключает назначение принудительного лечения. Первым элементом служит доказанность факта совершения лицом деяния, запрещённого уголовным законом; его установление осуществляется в рамках уголовно-процессуальной формы с соблюдением права на защиту и состязательности сторон, что исключает упрощённый подход к этой части доказывания под предлогом особого характера производства. Вторым элементом выступает психическое расстройство, подтверждённое заключением судебно-психиатрической экспертизы и требующее психиатрического лечения; одного лишь факта расстройства недостаточно, поскольку закон требует именно его экспертного удостоверения и терапевтической необходимости. Третьим элементом является установленная опасность лица для себя, для окружающих или возможность причинения им иного существенного вреда, и именно этот элемент замыкает конструкцию, придавая принудительному лечению уголовно-правовой смысл.

Когда психическое расстройство лица не сопряжено с общественной опасностью, уголовно-правовой инструментарий утрачивает своё назначение. В такой ситуации суд вправе передать материалы в органы здравоохранения для решения вопроса о добровольном лечении в порядке, предусмотренном Законом РФ от 2 июля 1992 г. № 3185–1 «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при её оказании», поскольку отсутствие угрозы охраняемым законом интересам переводит вопрос из сферы уголовного права в сферу охраны здоровья [3]. Производство по гл. 51 УПК РФ охватывает два круга лиц, разграниченных по моменту возникновения психического расстройства относительно совершения деяния. К первому относятся лица, признанные невменяемыми в соответствии со ст. 21 УК РФ, то есть те, кто в момент деяния не был способен осознавать его фактический характер и общественную опасность либо руководить своими действиями вследствие болезненного состояния психики. Невменяемость исключает уголовную ответственность, однако не снимает вопроса об общественной опасности лица, что и создаёт правовое основание для применения ПММХ.

Второй круг составляют лица, расстройство у которых наступило после совершения преступления, и внутри этой группы законодатель проводит собственное разграничение, влекущее принципиально различные правовые последствия. Необратимое расстройство влечёт освобождение от наказания или от его дальнейшего отбывания по ч. 1 ст. 81 УК РФ, поскольку исполнение наказания утрачивает смысл применительно к лицу, которое не в состоянии осознать ни его назначение, ни связь между деянием и претерпеваемыми последствиями. Временное расстройство порождает иное решение: к лицу применяются ПММХ при одновременном сохранении уголовного преследования, которое возобновляется по выздоровлении при условии, что не истекли сроки давности. Практическая значимость разграничения между необратимым и временным расстройством состоит в том, что его несоблюдение ведёт либо к незаконному прекращению уголовного дела в первом случае, либо к недопустимому возобновлению преследования во втором. Практическая значимость разграничения между необратимым и временным расстройством состоит в том, что его несоблюдение ведёт либо к незаконному прекращению уголовного дела при временном расстройстве, либо к недопустимому возобновлению преследования при необратимом.

Правомерное назначение ПММХ предполагает надлежащее качество судебно-психиатрической экспертизы, которая в рамках производства по гл. 51 УПК РФ выполняет двойную функцию. С одной стороны, она устанавливает психический статус лица применительно к моменту совершения деяния и к моменту рассмотрения дела. С другой стороны, она формулирует самостоятельный вывод об общественной опасности лица, который не вытекает автоматически из диагноза и требует отдельного экспертного суждения о вероятности совершения новых общественно опасных деяний с указанием на психопатологический механизм, обуславли-

вающий эту вероятность. Часть 2 ст. 97 УК РФ прямо связывает возможность применения ПММХ с тем, что психическое расстройство обуславливает опасность лица для себя или окружающих, а ч. 2 ст. 443 УПК РФ требует отражения этого обстоятельства в постановлении суда. Из совокупности приведённых норм следует, что суд обязан ставить перед экспертом вопрос об общественной опасности лица отдельно от вопроса о диагнозе и мотивировать своё решение с опорой на полученный ответ в совокупности с иными собранными по делу доказательствами. Отсутствие такого вывода в экспертном заключении означает пробел в доказательственной базе, который не восполняется ни тяжестью расстройства, ни характером совершённого деяния. Отсутствие вывода об общественной опасности в экспертном заключении означает пробел в доказательственной базе, который не может быть восполнен ни тяжестью расстройства, ни характером совершённого деяния.

Сформулированный процессуальный стандарт находит последовательное подтверждение в судебной практике. Судебная коллегия по уголовным делам Брянского областного суда 21 января 2011 г. по делу № 22–75/2011 изменила приговор в части ПММХ, констатируя, что суд первой инстанции не поставил перед экспертом вопрос об общественной опасности лица и не получил на него ответа в заключении. Коллегия квалифицировала допущенное нарушение как несоблюдение требований ч. 2 ст. 97 УК РФ и указала, что ПММХ не могут назначаться без надлежащего обоснования опасности лица вне зависимости от тяжести психического расстройства. Тем самым суд кассационной инстанции подтвердил, что диагноз не заменяет самостоятельного вывода об общественной опасности и что его отсутствие в материалах дела является достаточным основанием для пересмотра судебного решения в этой части [4]. Апелляционным постановлением Верховного суда Республики Башкортостан от 13 апреля 2023 г. по делу № 22–2437/2023 та же правовая позиция была применена к иным фактическим обстоятельствам. Суд указал, что немотивированное назначение ПММХ при отсутствии в материалах дела вывода об общественной опасности лица нарушает ч. 2 ст. 97 УК РФ и ч. 2 ст. 443 УПК РФ одновременно и не может быть исправлено ссылкой ни на поставленный диагноз, ни на тяжесть совершённого деяния. Совокупность двух судебных актов свидетельствует о том, что требование самостоятельного вывода об общественной опасности лица сложилось в устойчивый процессуальный стандарт, отступление от которого влечёт пересмотр судебного решения вне зависимости от того, на какой инстанции и в каком регионе рассматривалось дело [5]. Оба судебных акта фиксируют складывающийся стандарт мотивированности, согласно которому экспертное заключение, не содержащее самостоятельного суждения об общественной опасности лица, признаётся недостаточным доказательством для назначения принудительного лечения.

Отсутствие нормативной дефиниции ПММХ в тексте УК РФ порождает правоприменительные затруднения,

которые не устраняются ни разъяснениями Пленума Верховного Суда РФ, ни обращением к доктринальным источникам. Восполнение законодательного пробела посредством толкования принципиально не равнозначно нормативному регулированию применительно к мерам, ограничивающим конституционные права личности, поскольку толкование не создаёт общеобязательного правила, а лишь ориентирует правоприменителя в условиях существующей неопределённости. На практике суды испытывают затруднения при разграничении ПММХ и добровольного психиатрического лечения, при оценке допустимости принудительного лечения в отношении лиц с пограничными расстройствами, а также при определении пределов судебного надзора над деятельностью психиатрического стационара. Принцип законности, закреплённый в ч. 1 ст. 3 УК РФ, требует, чтобы основания и содержание любой меры государственного принуждения были определены непосредственно законом, однако применительно к понятию ПММХ это требование остаётся невыполненным. Закрепление дефиниции в тексте ст. 97 УК РФ или в отдельной норме гл. 15 создало бы нормативную точку опоры для единообразного правоприменения и позволило бы провести чёткую границу между ПММХ, принудительной госпитализацией по Закону о психиатрической помощи и ограничением дееспособности по нормам гражданского законодательства [9, с. 274-275].

Совокупность рассмотренных вопросов позволяет сформулировать определение, отражающее правовую

природу ПММХ в полном объёме. ПММХ представляют собой меры государственного принуждения некарательного характера, назначаемые судом лицам, совершившим общественно опасное деяние, предусмотренное Особенной частью УК РФ, при наличии психического расстройства, обуславливающего их опасность для себя или окружающих, и состоящие в обязательном психиатрическом лечении, направленном на улучшение или восстановление психического здоровья и предупреждение совершения новых общественно опасных деяний.

Предложенное определение позволяет последовательно разграничить ПММХ со смежными правовыми явлениями. От наказания они отличаются по признаку цели и по отсутствию виновности лица как условия применения. От ограничения дееспособности по ст. 29–30 ГК РФ они отличаются по субъекту правоотношения и по природе правового основания, поскольку гражданско-правовая мера не предполагает совершения общественно опасного деяния. От принудительной госпитализации по Закону РФ от 2 июля 1992 г. № 3185–1 они отличаются тем, что их применение неотделимо от уголовно-правового основания в виде совершённого деяния, тогда как психиатрическая госпитализация в порядке названного закона допускается вне какой-либо связи с уголовным преследованием. Нормативное закрепление предлагаемого определения устранило бы существующую неопределённость и обеспечило бы применение ПММХ в соответствии с конституционным требованием ясности и предсказуемости правовых ограничений.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 28 января 2025 г., с посл. изм. и доп. от 20 февраля 2026 г. № 38-ФЗ) // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 06.03.2025).
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (с посл. изм. и доп. от 8 марта 2026 г. № 50-ФЗ) // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 06.03.2025).
3. Закон РФ от 2 июля 1992 г. № 3185-1 «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при её оказании» (с посл. изм. и доп. от 22 июля 2024 г. № 195-ФЗ) // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 06.03.2025).
4. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Брянского областного суда от 21 января 2011 г. по делу № 22–75/2011 // База судебных актов «Судебные и нормативные акты РФ» [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 01.03.2025).
5. Апелляционное постановление Верховного суда Республики Башкортостан от 13 апреля 2023 г. по делу № 22–2437/2023 // База судебных актов «Судебные и нормативные акты РФ» [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 01.03.2025).
6. Антонян Ю. М., Бородин С. В. Преступность и психические аномалии. М.: Наука, 1987. 208 с.
7. Буфетова М. Ш. Производство о применении принудительных мер медицинского характера: дис.... канд. юрид. наук. Иркутск, 2004. 218 с.
8. Городнянская В. В. Постпенитенциарный рецидив и принудительные меры медицинского характера: соотношение правовых режимов // Вестник Томского государственного университета. Право. 2021. № 42. С. 16–24.
9. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. А. И. Рарога. 10-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2022. 960 с.
10. Мальцева М. М., Котов В. П. Опасные действия психически больных: психопатологические механизмы и судебно-психиатрическая оценка. М.: Медицина, 2016. 256 с.

11. Назаренко Г. В. Принудительные меры медицинского характера: учебное пособие. М.: Дело, 2016. 176 с.
12. Попкова Е. А. Принудительные меры медицинского характера, применяемые к психическим больным: уголовно-правовой и уголовно-исполнительный аспекты. Красноярск, 2015. 172 с.
13. Спасенников Б. А. Принудительные меры медицинского характера: история, теория, практика. СПб.: Юрид. центр «Пресс», 2003. 411 с.

Цифровые следы: часть персональных данных или новый объект правового регулирования?

Щербина Елизавета Андреевна, студент магистратуры
Государственный университет управления (г. Москва)

*Статья посвящена анализу цифровых следов как особого объекта правового регулирования в условиях стремительного развития цифровой среды. Рассматривается феномен цифрового следа, включающий активные и пассивные данные, порождаемые пользователем сознательно либо автоматически в ходе взаимодействия с информационными системами. Исследуются существующие подходы к определению цифровых следов в российской доктрине, включая позиции А. Н. Мочалова и А. Н. Колычевой, а также проводится их сопоставление с зарубежными концепциями, в том числе с категорией *inferred data* в рамках GDPR. На основе анализа российского законодательства и судебной практики выявляются противоречия в квалификации цифровых следов как персональных данных, что обусловлено фрагментарностью критериев идентифицируемости и спецификой автоматизированной обработки информации. Обосновывается необходимость введения автономного института цифрового следа, учитывающего его техническую природу, вероятностный характер связи с личностью и функциональную роль в алгоритмическом управлении.*

Ключевые слова: цифровой след, информационное право, персональные данные, GDPR, идентифицируемость, информационная безопасность, цифровая среда.

Современное развитие цифровой среды усилило актуальность вопросов, связанных с правовым режимом данных, возникающих при повседневном использовании цифровых технологий. Каждый пользователь ежедневно оставляет сотни цифровых следов — подсказок, которыми они являются по своей сути. Когда человек пользуется мобильным телефоном, выполняет поиск в Интернете или покупает что-либо с помощью банковской карты, он оставляет цифровой след. Такой след тянется за пользователем бесконечно: он воспользовался геолокационными сервисами на своем мобильном телефоне, прочитал новостные статьи в Интернете, просмотрел социальные сети, отправил и получил электронные письма, сделал покупки и выполнил еще множество незаметных и привычных для любого человека вещей. Участвовать в современной жизни — значит невольно оставлять за собой миллионы цифровых следов и точек данных. В это же время специалисты в области финансов, политики, страхования, спорта, медицины, маркетинга, права используют эти огромные массивы цифровых данных. Отслеживание цифровых следов повседневной жизни в настоящее время является рутинным, хотя и непоследовательным элементом современной правоохранительной деятельности, поскольку научный прогресс и постоянное развитие общества обеспечили беспрецедентные возможности для наблюдения. В той или иной степени все мы являемся объектами цифровой слежки, которая не всегда безопасна и конфиденциальна [1].

Например, в 2024 году Роскомнадзор зафиксировал 135 случаев утечек баз данных, в которых оказалось более 710 млн записей о россиянах. Крупнейший инцидент пришёлся на одну утечку в феврале — тогда, по словам заместителя главы РКН, «в сеть попало примерно 500 млн строк данных». В результате утечек в открытом доступе оказываются имена, даты рождения, телефоны, электронные почты, адреса, паспортные данные, детали заказов, hash-пароли россиян и другая информация [2].

В то же время коммерческие и государственные структуры продолжают наращивать сбор и анализ поведенческих и технических данных. Банки создают скоринговые модели, основанные на параметрах цифровой активности клиентов; маркетинговые компании конструируют детальные профили поведения пользователей; платформы доставки, телемедицины, мобильного банкинга и социальных сетей собирают логи, геоданные, информацию о взаимодействиях в режиме реального времени. Эта аналитика позволяет не только адаптировать сервисы, но и предсказывать поведение, выстраивать алгоритмы рекомендаций, оценивать риски и принимать решения, влияющие на жизнь людей.

При этом правовая база часто отстаёт от практики. Действующее российское регулирование не всегда даёт чёткий и структурированный статус тем данным, которые образуют цифровые следы. Персональные данные, как правовая категория, покрывают лишь часть этого массива: не всё автоматически считается персональными

данными, а те данные, которые пока не признаны таковыми, могут использоваться в алгоритмических моделях без достаточного контроля и прозрачности. В результате цифровые следы остаются в правовой «серой зоне»: они динамичны, контекстно зависимы, многослойны, и одновременно — фундаментальны для цифровой экономики и алгоритмического управления.

Без надлежащего контроля цифровых следов возможны манипуляции скоринговыми системами, утечки и несанкционированный обмен данными, а также потеря доверия пользователей к цифровым платформам. Именно поэтому важно обратить внимание на природу цифровых следов, законодательно определить их правовой статус и выстроить механизм защищённой обработки, при котором цифровая среда остаётся эффективной и инновационной, но при этом не нарушает основные права человека.

Понятие «цифровой след» сравнительно ново для отечественного и международного информационного права, однако уже стало ключевой категорией, определяющей характер правовых отношений в цифровой среде. В отличие от криминалистического подхода, где цифровой след традиционно рассматривается как элемент доказательственной базы, информационно-правовое понимание смещает акцент на правовой режим данных, возникающих в ходе использования информационно-телекоммуникационных систем, и на правовой статус субъекта, генерирующего эти следы.

В современной доктрине цифровой след трактуется как совокупность данных, которые порождаются субъектом при взаимодействии с цифровой средой — как сознательно (активные действия), так и автоматически, в силу функционирования систем (пассивные данные). Эти данные могут включать в себя как элементы, позволяющие идентифицировать конкретное лицо, так и сведения, которые изначально не являются персональными, но приобретают идентифицирующий характер при сочетании с другими массивами информации. Тем не менее, единого мнения правоведов, а также легального определения понятия «цифровой след» в доктрине нет.

Так, например, А. Н. Мочалов определяет цифровые следы как правовую категорию, отражающую информацию о действиях человека, фиксируемую в цифровой среде, которая может касаться аспектов частной жизни. Он подчёркивает, что цифровой след, «презюмируя наличие в каждом из них сведений о частной жизни конкретного индивида», требует правовой защиты неприкосновенности личности [3, с. 175].

А. Н. Колычева предлагает такое определение «электронно-цифрового следа»: «Криминалистически значимая информация, выраженная посредством электромагнитных взаимодействий или сигналов ... в форме, пригодной для обработки с использованием компьютерной техники, ... зафиксированная на материальном носителе ...» [4, с. 10].

С точки зрения информационного права цифровой след следует рассматривать не только как «остаток» поль-

зовательской активности, но как динамичную информационную конструкцию, обладающую правовым значением в силу включённости в процессы обработки данных, влияния на алгоритмическое принятие решений, способности формировать цифровой профиль субъекта, а также использования в государственном и частном информационном управлении. В зарубежной доктрине эти данные нередко классифицируются как *inferred data* — сведения, которые не собираются у пользователя напрямую, а выводятся алгоритмически на основе первичных цифровых следов [5].

Учитывая специфику информационно-правовых отношений, предлагается использовать следующее определение цифровых следов, включающее в себя описанные выше аспекты: «Цифровой след — это совокупность структурированных или неструктурированных данных, прямо или косвенно генерируемых субъектом в процессе использования информационных технологий, обладающих потенциальной или актуальной идентифицируемостью и влияющих на информационно-правовой статус субъекта в цифровой среде».

В информационно-правовом анализе цифровые следы необходимо классифицировать по нескольким параметрам, влияющим на их правовой режим.

1. По источнику возникновения цифровые следы делят на активные и пассивные.

Активные цифровые следы — данные, которые пользователь генерирует сознательно: публикации, загрузки файлов, сообщения, изменение настроек, выполнение транзакций и переводов.

Пассивные цифровые следы — данные, которые формируются автоматически: метаданные сессий (IP, время доступа), cookies, лог-файлы серверов, данные локализации, биометрические параметры, считываемые системами без осознанного действия.

Представляется, что с точки зрения информационного права правовой режим пассивных следов требует особого регулирования, поскольку субъект не осознаёт факт их образования и не даёт осознанного согласия.

2. По характеру информационной структуры выделяют первичные и вторичные следы.

Первичные цифровые следы — данные, непосредственно фиксирующие взаимодействие субъекта с системой (например, лог входа).

Вторичные цифровые следы — производные данные, которые возникают в результате анализа и алгоритмической обработки информационными системами первичного поведения пользователей. Здесь особенно проявляется проблема: кто является их правовым владельцем и может ли субъект требовать их удаления или исправления?

Следует отметить, что в доктрине встречаются и другие критерии классификации цифровых следов: по степени осознанности их оставления, по характеру фиксируемой информации, по функциональному назначению, по субъекту их обработки, по уровню структурированности

и даже по техническому способу получения. Однако эти подходы ориентированы преимущественно на криминалистику и цифровую экспертизу, что выходит за рамки информационно-правового анализа.

Итак, складывается основной вопрос касательно цифровых следов: они — часть персональных данных или всё-таки качественно новый, особенный объект правового регулирования? На первый взгляд может показаться, что ответ очевиден: если цифровые следы позволяют идентифицировать человека, значит, они подпадают под действие законодательства о персональных данных. Однако анализ российской и зарубежной правовой литературы, судебной практики, а также сопоставление подходов национального законодательства с европейским GDPR показывают, что ситуация далеко не столь однозначна.

Проанализируем критерии относимости к персональным данным и применимость таких критериев к цифровым следам.

Согласно Федеральному закону от 27.07.2006 N 152-ФЗ «О персональных данных», персональные данные — любая информация, относящаяся к прямо или косвенно определенному или определяемому физическому лицу (субъекту персональных данных) [6].

Схожее определение даёт, например, и GDPR (General Data Protection Regulation) — общий регламент по защите данных, принятый Европейским союзом в 2018 году. Согласно ст. 4 этого закона, персональные данные означают любую информацию, относящуюся к идентифицированному или поддающемуся идентификации физическому лицу (субъект данных); идентифицируемое физическое лицо — это лицо, которое может быть идентифицировано прямо или косвенно, в частности, путем ссылки на идентификатор, такой как имя, идентификационный номер, данные о местоположении, онлайн-идентификатор или к одному или нескольким факторам, специфичным для физической, физиологической, генетической, ментальной, экономической, культурной или социальной идентичности этого физического лица [7].

GDPR фактически расширяет границы понятия персональных данных, включая в него практически любой цифровой идентификатор — от cookie-файлов до поведенческих характеристик. Европейский подход демонстрирует, что регулятор исходит не из формы данных, а из их функциональной способности «привязать» цифровую информацию к конкретному человеку. В этом смысле цифровые следы в правовом порядке ЕС практически всегда считаются разновидностью персональных данных.

При этом GDPR не только признает цифровые следы видом персональных данных, но и выстраивает вокруг них режим специальных гарантий, связанных с профилированием, автоматизированными решениями и обработкой больших массивов технической информации.

Так, в российском праве ключевым критерием признания информации персональными данными является идентифицируемость: данные относятся к персональным, если по ним можно определить конкретного человека либо

они связаны с определяемым лицом. Эта логика сопоставима с международным регулированием, где также подчеркивается возможность прямой или косвенной идентификации субъекта через цифровые идентификаторы, технические параметры или характеристики поведения.

Однако, несмотря на формальное совпадение отдельных категорий, расширительное применение понятия «персональные данные» к цифровым следам, в отличие от европейского опыта, в российской правовой системе сталкивается с рядом ограничений.

Во-первых, не все цифровые следы создаются пользователем сознательно. Закон о персональных данных исходно построен на модели взаимодействия субъекта и оператора, предполагающей волевую передачу данных. Большая же часть цифровых следов формируется автоматически и без намерения пользователя.

Во-вторых, персональные данные представляют человека как набор статических характеристик (ФИО, адрес, дата рождения), тогда как цифровые следы описывают динамическое поведение субъекта в цифровой среде (его действия в интернет-пространстве, поисковые запросы, транзакции).

Сложность также заключается в том, что цифровые следы многообразны, и как раз это многообразие обуславливает различие в их правовом регулировании. Цифровые следы могут содержать персональные данные пользователя и попадать под действие Федерального закона «О персональных данных» (например, анкетная информация в профиле социальной сети, номер телефона в форме обратной связи, изображение лица). Некоторые следы могут не содержать персональных данных (например, запросы в поисковых сервисах или на сайтах маркет-плейсов), однако представлять собой информацию об интересах и потребностях конкретного пользователя (личность которого часто может быть определена при соотнесении с другими цифровыми следами). На некоторые цифровые следы может распространяться тайна переписки или тайна связи (например, сообщения в мессенджерах или в сервисах электронной почты), другие же цифровые следы представляют собой общедоступную информацию. Ряд цифровых следов может содержать в себе иную охраняемую законом тайну — врачебную, банковскую или налоговую. Цифровые следы могут быть результатом творческой деятельности человека (например, фотография) и попадать под действие законодательства об интеллектуальной собственности, а могут иметь характер технической информации об устройстве. Но все они объединены общим признаком: представляя собой цифровое отражение той или иной деятельности конкретного человека, они несут информацию о его частной жизни [3].

Судебная практика также демонстрирует разные подходы. В деле № А40-14902/2016 суд посчитал IP-адрес устройства физического лица персональными данными, отметив, что к таковым относятся «не только данные, позволяющие идентифицировать абонента, но также и све-

дения баз данных систем расчета за оказанные услуги связи, в том числе о соединениях, трафике и платежах абонента, также относятся к сведениям об абонентах», а IP-адрес и другие идентификаторы, собираемые при помощи «куки»-файлов, позволяют определить географическое положение пользователя и отличить его интернет-трафик от трафика других пользователей. Указанный подход гармонирует с регулированием, содержащимся в параграфе 18 преамбулы GDPR: согласно ему сетевые идентификаторы «могут оставлять следы, которые, в частности, в сочетании с уникальными идентификаторами и другой полученной серверами информацией могут использоваться для создания профилей физических лиц и для их идентификации» [8].

В то же время в деле № 13АП-10709/2015 суд указал, что IP-адрес не является персональными данными, поскольку сам по себе не позволяет достоверно идентифицировать конкретного пользователя. Как и другие сведения, запрашиваемые истцом, IP-адрес не отвечает принципу точности и не может быть однозначно соотнесён с определённым физическим лицом без привлечения дополнительных данных провайдеров и иных субъектов. Следовательно, такая информация не относится к персональным данным в понимании ст. 3 и ст. 5 Закона 152-ФЗ [9].

Сопоставление российской судебной практики позволяет выделить два основных критерия, влияющих на признание цифрового следа персональными данными: (1) возможность достоверной идентификации субъекта и (2) степень автономности данных от воли лица. Если первый критерий используется судами относительно последовательно, то второй применяется фрагментарно, что и обуславливает существующие противоречия. Одни и те же категории технических данных в разных ситуациях могут как признаваться, так и не признаваться персональными данными. Действующее определение персональных данных, основанное преимущественно на критерии идентифицируемости, работает недостаточно устойчиво в условиях цифровой среды, где идентификация субъекта часто зависит не от одного параметра, а от совокупности технических и поведенческих следов.

Разработка модели правового регулирования цифровых следов требует опоры на фундаментальные положения информационного права, учитывающего специфику данных как особого нематериального объекта, а также на современные подходы к защите информации, персональных данных и цифровых следов в России.

Первый возможный вариант — расширение института персональных данных и включение цифровых следов в его сферу с установлением специальных норм, регулирующих именно «технические» и «поведенческие» фрагменты данных. Такой подход предполагает, что цифровой след рассматривается как разновидность информации, относящейся к субъекту, но не обязательно позволяющей установить его личность напрямую. В этом случае закон о персональных данных должен быть дополнен нормами, учитывающими низкую самостоятельность таких данных,

их автоматическую природу, а также то, что идентификация здесь чаще вероятностная, а не прямолинейная. Однако это решение, во-первых, сделает существующую норму более громоздкой, во-вторых, повысит нагрузку как на частные, так и на государственные структуры, поскольку резко увеличит объём информации, подлежащей защите как персональные данные.

Второй вариант — введение автономного института «цифрового следа» как особого объекта информационного права. В его рамках цифровой след рассматривался бы как специфический тип информации, создаваемой без участия человека, часто непреднамеренно, и используемой для поведенческого анализа, профилирования, обеспечения информационной безопасности и функционирования цифровых платформ. Такой институт мог бы включать собственное определение цифрового следа, набор принципов обращения с ним, правила разграничения доступа, условия использования его в аналитических и правоохранительных целях, а также специальные процессуальные гарантии. Минус подхода — усложнение правовой системы и необходимость создавать новую категорию наряду с персональными данными, служебной информацией и иными видами информации.

Третий вариант — гибридная модель, основанная на законодательстве о персональных данных, но включающая дополнительные нормы, которые могли бы регулировать цифровые следы более полно. Например, создание особого подрежима, применяемого лишь в ситуациях, когда цифровой след явно расходится с концепцией персональных данных, становясь слишком автоматизированным и неперсонализированным объектом (например, системные логи). Это соответствует логике информационного права, ориентированного на функциональность и технологическую нейтральность. Такой вариант не ломает существующую систему, но позволяет дополнить и адаптировать её под цифровую экономику и трансграничные потоки данных. В то же время он также имеет свой недостаток: таких «подрезимов» и дополнительных норм всегда может не хватать. В условиях динамично развивающегося цифрового общества количество видов цифровых следов может расти практически ежедневно, и чтобы соответствовать такому темпу, необходимо постоянно «наращивать» имеющееся законодательство новыми нормами, балансируя между цифровыми следами в качестве персональных данных и в качестве совершенно нового объекта. Из этого следует, что ситуация останется точно такой же, как и в настоящее время: правовое регулирование неточно и непостоянно.

С учётом анализа российской правоприменительной практики, особенностей цифровых следов как феномена информационного пространства и информационного права наиболее обоснованным представляется введение самостоятельного, автономного института цифрового следа. Данный подход обеспечит и системность регулирования, и технологическую гибкость, и устранение внутренних противоречий, которые возникают при попытке

«вписать» цифровые следы в существующие институты — прежде всего в сферу персональных данных.

Автономный институт цифрового следа отвечает ключевому свойству этого объекта: цифровой след является результатом автоматической фиксации действий субъекта или работы технической системы, он нередко возникает без волевого участия человека, не всегда имеет структурированный характер и может обладать переменной степенью связи с личностью. В отличие от персональных данных, цифровой след не предполагает изначальной идентификации субъекта и нередко характеризуется вероятностной, а не детерминированной связью с конкретным лицом. Для информационного права, в котором правовой режим должен следовать свойствам информационного объекта, это различие является фундаментальным.

Введение автономного института позволяет отказаться от искусственного расширения дефиниции «персональные данные» и устранить проблему чрезмерной регулятивной нагрузки. Если цифровые следы автоматически включать в сферу персональных данных, то фактически любое взаимодействие пользователя с цифровой средой — от динамических IP-адресов до логов функционирования приложений — будет рассматриваться в качестве персональной информации. Это не соответствует принципу соразмерности и создаёт неоправданное давление на оператора, который должен обеспечивать полноценный комплекс требований, предусмотренных за-

конодательством о персональных данных, даже если идентификация субъекта не предполагается.

Многие ученые-правоведы приходят к мысли о необходимости методологической чистоты и структурной устойчивости. По словам С. В. Соловкина, «законодательство о персональных данных не должно иметь своей дополнительной целью регулирование отношений по обработке цифровых следов физических лиц, поскольку категории «персональные данные» и «цифровые следы» являются пересекающимися, но не взаимозаменяемыми» [10, с. 457].

Таким образом, введение автономного института цифрового следа представляет собой оптимальное решение, согласующееся с природой самого объекта, с концепцией информационного права и с международной практикой. Этот подход устраняет внутренние противоречия регулирования, предоставляет возможность формировать специальные правила обращения с цифровыми следами, обеспечивает правовую определённость для всех участников цифрового оборота и создаёт основу для эффективной защиты частной жизни в условиях растущего технологического воздействия. Такой подход снижает необходимость постоянного «переквалифичирования» цифровых следов в зависимости от контекста — как это может происходить в рамках института персональных данных — и позволяет применять единый правовой режим, адаптированный к природе следов.

Литература:

1. Sarah, Brayne. Predict and Surveil: Data, Discretion, and the Future of Policing — 198 Madison Avenue, New York, NY 10016, United States of America: Oxford University Press, 2021. — 224 с.
2. Роскомнадзор выявил утечку 710 млн записей о россиянах за 2024 год. — Текст: электронный // РБК: [сайт]. — URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/67886cb19a79478176d26c9f> (дата обращения: 05.11.2025).
3. Мочалов А. Н. Цифровые следы человека и неприкосновенность частной жизни. // Антиномии. — 2024. — Т. 24, вып. 4. — С. 164–189.
4. Колычева А. Н. Фиксация доказательственной информации, хранящейся на ресурсах сети Интернет: автореф. канд. юрид. наук: 12.00.12 / Колычева Алла Николаевна. — М.: — 2019. — С. 10
5. What is Inferred Data? Examples and Use Cases in Analytics. — Текст: электронный // PlainSignal: [сайт]. — URL: <https://plainsignal.com/glossary/inferred-data> (дата обращения: 10.11.2025).
6. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» (ред. от 24.06.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2006 — № 31 — ст. 3451.
7. GDPR — General Data Protection Regulation. Art. 4. 2018. — Текст: электронный // IntersoftConsulting: [сайт]. — URL: <https://gdpr-info.eu> (дата обращения: 10.11.2025).
8. Решение Арбитражного суда г. Москва от 11 марта 2016 г. по делу № А40- 14902/2016–84–126, Текст: электронный // Правовой центр: [сайт]. — URL: <https://pravovoi.center> (дата обращения: 17.11.2025).
9. Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда г. Санкт-Петербург от 1 июня 2015 г. по делу № 13АП-10709/15// — Текст: электронный // СПС «Консультант плюс»: [сайт]. — URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=RAPS013&n=168861#0pJgiEVgAxJo33vw> (дата обращения: 17.11.2025).
10. Соловкин, С. В. Цифровые следы в эпоху киберфизических систем: переосмысление понятия и новое значение для защиты данных / С. В. Соловкин. — Текст: непосредственный // Сборник научных трудов I Международной научно-практической конференции В 6 томах. Под редакцией И. Р. Бегишева [и др.]. — Казань: Познание, 2022. — С. 451–459.

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 14 (617) / 2026

Выпускающий редактор Г. А. Письменная
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый». 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

Номер подписан в печать 15.04.2026. Дата выхода в свет: 22.04.2026.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.

Фактический адрес редакции: 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.